

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2018

О жизни и творчестве художника Михаила Врубеля
читайте на странице 65.

Из российской истории

- Светлана Бестужева-Лада* **Борис Годунов.
Непризнанный реформатор** 4

Поэзия

- Григорий Вихров* **Стихи** 20

Замечательные современники

- Елена Воробьева* **Мария Матто: «Я люблю
зрителя думающего
и заинтересованного...»** 24
- Иван Переверзин* **Мой Глазунов**..... 48

Неизвестное об известном

- Юрий Осипов* **«Красный граф»** 32
- Евгения Гордиенко* **Коллекция по любви**..... 114

Шедевры

- Ирина Опимах* **Любовь прекрасной куртизанки
и знаменитого художника** 65

Эссе

- Виктор Ом* **Михаил Врубель. Портрет
в тональности ля мажор** 72

Рассказ

- Татьяна Нилова* **Особый код** 81

Забытые усадьбы

- Дмитрий Зелов* **Жемчужина московской
окраины** 88

Звезды не гаснут

- Андрей Колобаев* **Дочь полковника ГРУ
и правнучка Льва Толстого** 98

Детектив

- Александр Аннин* **Жестокий пасьянс** 122

Кроссворд. Эрудит

188

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино
Марина Голуб

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 7800

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 20.11.2018

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«*Валентину Саввичу Пикулю в 2018 году исполнилось бы 90 лет. К сожалению, прожил он всего 62 года. Валентин Пикуль — автор 22-х романов и множества новелл, которые были опубликованы в 2-х томах, в работе у него было еще три романа, но, увы, не успел... Мы предлагаем вашему вниманию воспоминания члена Союза писателей, лауреата Большой литературной премии России Валентина Осипова о первой встрече с этим замечательным писателем и человеком.*

Валентин **Осипов** «Три мемории о первой встрече с Валентином Пикулем»

«*12 января 1903 года в уральском поселке Симский завод, в семье помощника лесничего родился сын — будущий создатель советской атомной бомбы Игорь Васильевич Курчатов. Уже будучи академиком, он не раз говорил своим ученикам: «Делайте в работе, в жизни только самое главное. Иначе второстепенное легко заполнит вашу жизнь, возьмет все силы, и до главного вы не дойдете... Исследуйте то, что приведет вас к цели». Сам Курчатов к своей цели, безусловно, пришел.*

Евгения **Гордиенко** «"Борода" или явление природы»

«*О русской эмиграции написаны, наверное, тысячи книг. Но от внимания большинства историков ускользнула уникальная судьба уникальной женщины Нины Буровой, родившейся в 1894 году и ушедшей из жизни в 1998-м, в возрасте... 104 лет. А между тем жизнь ее действительно уникальна: она перенесла столько, сколько хватило бы на десятерых мужчин. И осталась женщиной — изящной, утонченной, русской до кончиков пальцев. Даже на чужбине в эмиграции. При каждом удобном случае она подчеркивала: «Я русее всех вас»....*

Светлана **Бестужева-Лада** «Жизнь длиной в эпоху»

«*Окончание детектива Александра **Аннина** «Жестокий пасьянс»*

Светлана
Бестужева-Лада

Борис Годунов

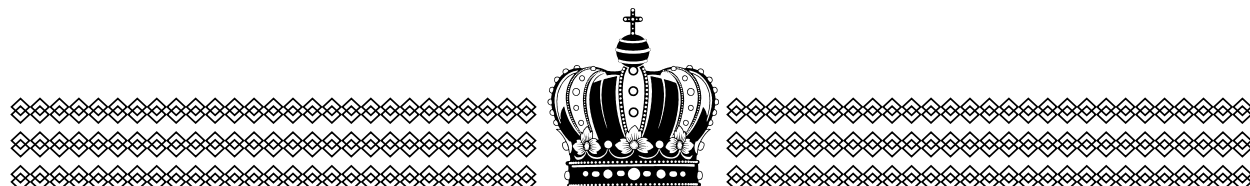
НЕПРИЗНАННЫЙ
РЕФОРМАТОР

У современных людей едва ли вызовет затруднение ответ на вопрос, кто такой Борис Годунов.

Как кто? Узурпатор и детоубийца, хитростью пробравшийся на трон, но продержавшийся на нем лишь семь лет. Ну, и «мальчики кровавые в глазах», разумеется.

Все? А вот и не все. Литературный и драматический персонаж заслонил собой подлинного человека, о котором, в результате, оказались известны лишь эффектные выдумки деятелей искусства. Слабый голос историков никому не был интересен. Слишком уж одиозен этот царь, слишком выбивается из ряда правивших до него и после. Не Рюрикович, в отличие от большинства своих недоброжелателей, зато прекрасно образованный, пытавшийся проводить политическую линию, которая на сто лет предварила реформы Петра I. Человек, в царствование которого Русь одержала немало громких военных побед — тоже, кстати, быстро и надежно забытых.

Так все же кто он — Борис Федорович Годунов?

В апреле 1552 года, незадолго до покорения Казани Иваном Грозным, в семье вяземского помещика средней руки Федора Ивановича Годунова родился сын, нареченный Борисом. Вскоре в семье появился еще один ребенок — дочь Ирина. Судя по всему, мать детей вскоре скончалась — никаких сведений о ней в дальнейшей жизни семьи нет.

Отец Бориса и его брат Дмитрий помимо семейных поместий под

Вязьмой, с которых несли помещичью службу государю, владели также небольшой вотчиной и в Костроме. По государеву родословцу 1555 года Годуновы ведут свое происхождение от некоего Дмитрия Зерна. По легенде, Годуновы происходили от татарского князя Чета, приехавшего на Русь во времена Ивана Калиты. Эта легенда занесена в летописи начала XVII века. Но, если верить легендам, каждый второй боярин на Руси

вел свой род от какого-нибудь татарского князя...

Борису исполнилось тринадцать лет, когда скончался его отец. Сирот — брата и сестру — взял в свою семью его дядя Дмитрий Годунов. В годы опричнины Вязьма, в которой находились владения Дмитрия Годунова, перешла к опричным владениям. Незнатный Дмитрий Годунов был зачислен в опричный корпус и вскоре получил при дворе высокий чин главы Постельного приказа.

Постоянные разъезды не благоприятствовали полноценному воспитанию отпрысков, поэтому Дмитрий пристроил сирот в Кремль, договорившись с самодержцем. Дети росли на полном довольствии вместе с царскими наследниками, вместе с ними и учились.

Уже тогда проявился незаурядный ум Бориса. Знания он впитывал, как губка, и не просто запоминал, но осмысливал узнанное. Известно, что Иван Грозный любил беседовать с младшим Годуновым и даже повелел записывать его особо интересные мысли.

В 1571 году Борис был дружкой на свадьбе царя Ивана Грозного с Марфой Собакиной. В том же году сам он женился на Марии Григорьевне Скуратовой-Бельской, дочери Малюты Скуратова.

Этим браком «по расчету» его постоянно попрекают потомки. Да, расчет был, но не у Бориса, а у его будущего тестя — Малюты Скуратова. Он видел расположение царя к молодому

опричнику и не без причин предполагал дальнейшее возвышение зятя. Вторую дочь, кстати, Малюта выдал за сына одного из знатнейших бояр — Шуйского, вовсе не испытывающего к царю теплых чувств.

«Подстраховался», так сказать, с двух сторон, ибо сторонников у Шуйского было предостаточно.

В 1578 году Борис Годунов получил место кравчего, а затем и государственного постельничего. Предыдущего казнили, посадив на кол. Теперь по долгу службы молодой человек был «глазами и ушами» царя. Наушничество и закулисные интриги стали родной стихией Бориса, вынужденного бороться с соперниками.

А еще через два года на его сестре Ирине — писаной красавице и умнице — женился второй сын государя, Федор, о котором сам отец был невысокого мнения и как-то в сердцах бросил:

— Постник да молчальник, быть ему монахом, а не царем.

Трудно поверить в то, что умница и красавица Ирина Годунова любила вечно хворого и слабого умом царевича Федора. Но царь посчитал, что именно такая жена и нужна царевичу. А с царями, как известно, не спорят — себе дороже.

В молодой невестке Иван Васильевич души не чаял и относился к ней, как к родной дочери. В честь этой свадьбы царь пожаловал Бориса званием боярина: Годуновы медленно, но верно поднимались по иерархической лестнице.

*Борис
Годунов
и его сестра
Ирина
жили
и обучались
вместе
с царскими
наследниками*

Особой любви у боярства это, естественно не могло вызвать и не вызвало. Не любил Годунова и старший сын царя — Иван, что могло сильно осложнить жизнь будущему царю. Так что, когда Иван скончался — по одной версии от удара отцовским посохом в висок, а по другой — от злокачественной лихорадки, и наследником престола стал Федор, Годуновы вздохнули с облегчением.

Борис был умен и осторожен, стараясь до поры до времени держаться в тени. В последний год жизни

царя он обрел большое влияние при дворе, и стал вместе с Б.Я. Бельским одним из приближенных людей Ивана Грозного. Именно Годунов и Бельский находились рядом с царем в последние минуты его жизни, они же с крыльца объявили народу о смерти государя.

На престол вступил Федор Иоаннович. Новый царь был не способен управлять страной и нуждался в умном советнике, поэтому был создан регентский совет из четырех человек: Богдана Бельского, Никиты Романовича Юрьева (Романова),

*Царица Ирина —
Ирина Годунова,
сестра
Бориса Годунова,
жена царя
Федора
Иоанновича.
Воссоздание
по черепу*

князей Ивана Федоровича Мстиславского и Ивана Петровича Шуйского.

Хотя на деле ему были нужны и полезны советы только одного человека — царицы Ирины, его супруги. Бог дал этой женщине не только красоту, но и поистине государственный ум, но не дал одного, чего она страстно желала — сына. Попытки брата пригласить иноземных лекарей, дабы положить конец бесплодию любимой сестры, натолкну-

лись на ожесточенное боярское сопротивление «еретикам».

А ведь могло сложиться по-другому. Сам Борис Годунов, прожив в бездетном браке почти десять лет, выписал из Англии рекомендованного ему доктора, который блестяще справился со своим делом: через несколько лет у Годуновых было уже трое детей — два сына и дочь.

Непостижимо, но старший сын Иван умер в младенчестве из-за несчастного случая. Точнее, из-за

странного поведения отца, который приказал напоить заболевшего сына святой водой и в сильный мороз отнести в храм Василия Блаженного, где долго молился.

В этом поступке — все отношение Бориса Годунова к религии, которую он воспринимал как часть мирской жизни, полезной и обязательной. Но истинно верующим он не был, во всяком случае, резко отличался в это плане от всех царей, правивших до него и после.

«А сие боярину не надобно».

К слову сказать, сами бояре и Священное писание знали через пень-колоду, а уж насчет того, чтобы читать или писать... Боярская дума была почти поголовно неграмотна.

Зато грамотна, даже, можно сказать, высокообразованна по тем временам была царица Ирина. Но она, в отличие от брата, была еще и чрезвычайно набожна, за что ей ее «высокоумие» прощалось. Да и супруг-царь любил ее безмерно, шагу без нее сту-

В 1578 году Борис Годунов стал кравчим, а затем занял место государственного постельничего. Теперь по долгу службы молодой человек оказался «глазами и ушами» царя, заведовал кремлевским хозяйством и охраной. Наушничество и закулисные интриги стали родной стихией Бориса, который был вынужден бороться с соперниками

Объясняется это тем, что юноша получил прекрасное образование, но не ознакомился со Священным писанием. Изучение церковных книг считалось основополагающим компонентом учебы, поэтому пробелы в этой сфере не допускались. Современники называли будущего царя малообразованным и скверным отроком. Грамотность, владение несколькими иностранными языками, начитанность и каллиграфический почерк в расчет не брались.

пить не мог. А царица так же сильно любила своего брата — единственного при дворе человека, с кем она могла отвести душу в разговоре.

10 июня 1584 года в день коронации царя Борис Годунов был осыпан милостями: он получил чин конюшего, звание ближнего великого боярина и наместника Казанского и Астраханского царств. Однако это не означало, что Годунов обладает единоличной властью — при дворе шла упорная борьба боярских

группировок Годуновых, Романовых, Шуйских, Мстиславских.

Такое положение дел не устраивало ни молодого честолюбца, ни его сестру. Нужно было что-то делать — и волею расслабленного царя Федора стало делаться. В 1584 году был обвинен в измене и сослан Б. Бельский, в следующем году как-то очень кстати скончался Никита Юрьев, а престарелый князь Мстиславский был насильственно пострижен в монахи. Фактически с 1585 года четырнадцать лет правления Федора Иоанновича Россией правил Борис Годунов.

Фактически он уже был царем, причем таким, о котором можно было только мечтать.

Деятельность правления Годунова была нацелена на всестороннее укрепление государственности. Благодаря его стараниям была, наконец, создана русская патриархия, независимая от византийской, а в 1589 году был избран первый русский патриарх, которым стал московский митрополит Иов. Предыдущие государи такими вопросами даже не озадачивались. А между тем, учреждение патриаршества свидетельствовало о возросшем престиже России в православном мире.

Во внутренней политике правительства Годунова преобладали здравый смысл и расчетливость. Развернулось небывалое строительство городов, крепостных сооружений. По инициативе Годунова началось сооружение крепостей в Диком

поле — степной окраине Руси. В 1585 году была построена крепость Воронеж, в 1586 — Ливны. Для обеспечения безопасности водного пути от Казани до Астрахани строились города на Волге — Самара (1586), Царицын (1589), Саратов (1590). В 1592 году был восстановлен город Елец. На Донце в 1596 году был построен город Белгород, а южнее в 1600 году — Царев-Борисов. Началось заселение и освоение опустевших во время ига земель к югу от Рязани (территория нынешней Липецкой области). В Сибири в 1604 году был заложен город Томск.

(Полагаю, что жители этих городов даже не подозревают, кому обязаны их существованием. Хотя про «детоубийство» наверняка знают все.)

В период с 1596 по 1602 годы было построено одно из самых грандиозных архитектурных сооружений допетровской Руси — Смоленская крепостная стена, которую впоследствии стали называть «каменным ожерельем Земли русской». Крепость была построена по инициативе Годунова для защиты западных рубежей России от Польши.

Не была забыта и столица.

При Годунове в жизнь Москвы вошли неслыханные новшества, например, в Кремле был сооружен водопровод, по которому вода поднималась мощными насосами из Москва-реки по подземелью на Конюшенный двор. Поглазеть на эту диковинку всегда собирались толпы москвичей.

*Борис Годунов
в молодости*

Строились и новые крепостные укрепления, хотя бояре бубнили по углам, что уж Москву-то защищать уже не от кого. В 1584–1591 годах под руководством зодчего Федора Савельева по прозвищу «Конь» были возведены стены Белого города протяженностью 9 км (они опоясали район, заключенный внутри современного Бульварного кольца). Стены и 29 башен Белого города были сложены из известняка, обложены кирпичом и оштукатурены.

В 1592 году на месте современного Садового кольца была построена еще одна линия укреплений, деревянно-земляная, прозванная за быстроту постройки «Скорodomом».

И ведь совершенно не зря все это было выстроено.

Летом 1591 года крымский хан Казы-Гирей с огромным войском подошел к Москве, однако, оказавшись у стен новой мощной крепости и под прицелом многочисленных пушек, штурмовать ее не решился. В мелких стычках с русскими отряды хана постоянно терпели поражения, это вынудило его отступить, бросив обоз. По дороге на юг, в крымские степи, войско хана понесло большие потери от преследовавших его русских полков.

За победу над Казы-Гиреем Борис Годунов получил наибольшее вознаграждение из всех участников этой кампании (хотя главным воеводой был не он, а князь Федор Мстиславский): три города в Важской земле и звание слуги, которое считалось почетнее боярского.

Поощрял Годунов и распространение книгопечатания, с этой целью в стране открывались новые типографии. Хотя это слегка испортило

Хозяйственный кризис 1570-х — начала 1580-х годов заставил пойти на изменения в положении крепостных. В 1597 году был издан указ об

Царь Федор Иоаннович скончался 17 января 1598 года и мужская линия московской ветви династии Рюриковичей пресеклась. Ровно через месяц Земский собор (учитывая, в том числе, и «рекомендацию» сестры Бориса Ирины) избрал Бориса Годунова царем и принес ему присягу на верность. Новый царь смог, не прибегая к насилию, а опираясь на посадских людей и дворян Москвы, сломить сопротивление знати и при этом продемонстрировать исключительные способности мудрого политика

отношение правителя с церковью, которая от такого нововведения отнюдь не пришла в восторг. С неграмотной паствой управляться было куда легче.

Мало кто знает о том, что Годунов стремился облегчить положение посадских людей. По его решению торговцы и ремесленники, проживавшие в «белых» слободах (частновладельческих, плативших подати крупным феодалам), были объединены с населением «черных» слобод (плативших налог — «тягло» — государству). При этом размер «тягла», взимавшегося со слободы в целом, был оставлен прежним, а доля отдельного горожанина в нем уменьшилась.

Любви бояр к Годунову это, естественно, не прибавило. Зато заметно увеличило государственную казну.

«урочных летах», согласно которому крестьяне, бежавшие от господ «до нынешнего... году за пять лет» подлежали сыску, суду и возвращению «назад, где кто жил». На бежавших шесть лет назад и ранее указ не распространялся, их прежним владельцам не возвращали.

Во внешней политике Годунов проявил себя как талантливый дипломат. В мае 1595 года в Ивангороде был заключен мирный договор, завершивший русско-шведскую войну, длившуюся пять лет. Годунов сумел воспользоваться сложной внутривосточной ситуацией в Швеции, и Русское царство, согласно этому договору, получило Ивангород, Ям, Копорье и Корелу. Таким образом, Россия вернула себе все земли, переданные Швеции по ито-

Царь Федор Иоаннович и Борис Годунов

гам неудачной Ливонской войны предыдущего царствования.

Увы, благодарности от современников Борис Годунов не дождался: были события поважнее. В мае 1591 года при невыясненных обстоятельствах погиб в удельном городе Угличе наследник престола младший брат царя Федора Дмитрий, сын седьмой жены Ивана Грозного Марии Нагой. Царевич страдал эпилепсией и в игре с ножиком(!) неудачно на него упал. Играл царевич не один, а с приятелями-сверстниками, свидетелей было — немерено, но кто же станет слушать семилетних пацанов, к тому же насмерть перепуганных?

Присутствовало и несколько мамок, подтверждавших несчастный случай. Проводивший официальное расследование боярин Василий

Шуйский назвал причиной трагедии «небрежение» бояр Нагих. И это похоже на правду, поскольку трудно себе представить, как среди бела дня на глазах у десятка людей некто с ножом убивает ребенка и бесследно исчезает.

Труднее понять то, как вообще можно было давать нож в руки больного ребенка?

Но народная молва такими тонкостями не заморачивалась и единогласно обвинила в случившемся Бориса Годунова. Ведь Дмитрий был прямым наследником престола и мешал Борису в продвижении к нему. Тем не менее, участие Годунова в заговоре на жизнь царевича никак не доказано. К тому же Дмитрий был сыном от седьмого брака Ивана Грозного, так и не признанного

Мария Годунова (Скуратова-Бельская) — жена Бориса Годунова

церковью законным, следовательно, был незаконнорожденным и прав на престол не имел вообще.

Пресловутые же «кровавые мальчики в глазах» вовсе не указывают на виновность в смерти царевича Бориса Годунова. Игра воображения, присущая Борису, неизбежно должна была способствовать мыслям не только правителя, но уже и царя об «убиенном царевиче Дмитрие». В итоге это послужило основной причиной Смуты и польского нашествия, поскольку слишком уж соблазнительно было воскресить царевича и явить народу «законного царя».

Примечательно, что народ поддался на эту выдумку лишь ненадол-

го. К тому же, если бы Борис Годунов не скончался в сравнительно молодом возрасте при загадочных обстоятельствах, «Лжедмитрий» мог и вовсе не появиться.

Сказки сказками, а с Годуновым считались и уважали его. К тому же трон он получил при единогласном согласии Боярской думы, что тоже о многом говорит.

Правда, был еще «промежуточный вариант»: посадить на трон вдовствующую царицу Ирину, женщину умную и благочестивую. Но Ирина пробыла царицей ровно неделю, после чего, даже еще не короновавшись, отреклась от царского венца и постриглась в монахини. Возможно, она поступила так ради любви к брату, в котором признавала незаурядного государственного мужа. А возможно, первые же дни «царствования» навсегда отвратили ее от мирской суеты, и она предпочла укрыться от нее за монастырскими стенами.

Так или иначе, 17 января 1598 года царь Федор Иоаннович умер, и мужская линия московской ветви династии Рюриковичей пресеклась. Ровно через месяц после этого Земский собор (учитывая в том числе и «рекомендацию» Ирины) избрал царем Бориса Годунова и принес ему присягу на верность.

11 сентября 1598 года Борис венчался на царство. Не менее важным представлялся тот факт, что Годунов уже давно фактически правил страной от имени Федора и не соби-

Борису Годунову сообщают о его избрании на царство

рался выпускать власть из своих рук после его смерти. То, что его якобы долго и слезно пришлось молить о том, чтобы он принял царский венц, маловероятно. Зато бесценно для литераторов, поскольку дает возможность представить рутинную, в общем-то, процедуру окутанной романтическим флером.

Новый царь смог, не прибегая к насилию, а опираясь на посадских людей и дворян Москвы, сломить сопротивление знати, продемонстрировав при этом исключительные способности мудрого политика. Даже в критические моменты своего правления он не прибегал к кровопролитию, а его опалы не были продолжительными.

Первый царь не из Рюриковичей, Годунов не мог не чувствовать шаткость своего положения. По своей подозрительности он немногим уступал Грозному, поэтому, взойдя на престол, на время отложил государственные дела и принялся сводить личные счета с боярами. По словам современника, «цвел он, как финик, листвию добродетели, и если бы терн завистой злобы не помрачал цвета его добродетели, то мог бы древним царям уподобиться. От клеветников изветы на невинных в ярости суетно принимал, и поэтому навел на себя негодование чиновачальников всей Русской земли: отсюда много напастных зол на него восстали и доброцветущую цар-

Лжедмитрий I

ства его красоту внезапно низложили».

Но это были сугубо внутренние дела, никак не влиявшие на правление нового царя.

Да и с наследованием престола все было в порядке. Сына Федора царь с детства готовил к трону. Обучали его лучшие педагоги Европы и Москвы. Карамзин говорил, что Федор — это «первый плод европейского воспитания в России». Английский посол Джером Горсей описывал в дневниках, что в семье самодержца поддерживаются теплые родственные отношения, что на Руси считалось редкостью.

Царствование Бориса ознаменовалось начавшимся сближением России с Западом. Не было прежде на Руси государя, который столь благоволил бы к иностранцам, как

Годунов. Он стал приглашать иностранцев на службу. В 1604 году посылал окольного М.И. Татищева в Грузию, чтобы сосватать дочь за местного царевича.

Контакты Московского государства с Европой, ставшие активно развиваться еще во времена Ивана III, практически прекратились при Иване Грозном. В царствование Бориса связи с заграничной вновь оживились. В Москву ехали купцы, врачи, промышленники, военные, ученые люди. Они получали должности, хорошее жалование, земли с крестьянами. Было намерение у царя Бориса открыть в Москве университет, но этому опять-таки помешало консервативное духовенство, боявшееся, что вместе со знанием на Русь придут и всяческие ереси.

Европейская культура проникла в русский обиход. Это касалось одежды, жилья, светских церемоний и даже таких вещей, как бритье бород. Борис посылал русских людей на обучение за границу, но они, как правило, не хотели возвращаться на родину. (Впрочем, и у Петра Великого были с этим проблемы.)

Царствование Бориса начиналось успешно, однако вскоре разразилась настоящая катастрофа. В 1601 году шли долгие дожди, а затем грянули ранние морозы и, по словам современника, «поби мраз сильный всяк труд дел человеческих в полях».

В следующем году неурожай повторился. В стране начался голод, продолжавшийся три года. Цена хлеба выросла в 100 раз. Чувствуя, что вера в него как в государя исчезает, Борис запрещал продавать хлеб дороже определенного предела, даже прибегая к преследованиям тех, кто взвинчивал цены, но успеха не добился.

Стремясь помочь голодающим, он не жалел средств, широко раздавая беднякам деньги. Но хлеб дорожал, а деньги теряли цену. Борис приказал открыть для голодающих царские амбары. Однако даже их запасов не хватало на всех голодных, тем более что, узнав о раздаче, люди со всех концов страны потянулись в Москву, бросив те скудные запасы, которые все же имелись у них дома.

Пошли упорные слухи, что это — кара Божья, что Бог насыляет кару

на Русь за незаконное престолонаследие.

Тогда от голода, в общей сложности, погибло 127 000 человек, и по стране покатались народные бунты.

Массовый голод и недовольство стали причиной крупного восстания под руководством Хлопка (1602–1603 гг.), в котором участвовали крестьяне, холопы и казаки. Повстанческое движение охватило около 20 уездов центральной России и юга страны. Восставшие объединялись в крупные отряды, которые продвигались к Москве.

Против них Борис Годунов направил войско под командованием И.Ф. Басманова. В сентябре 1603 года в ожесточенном сражении под Москвой повстанческая армия Хлопка была разбита. Басманов погиб в бою, а сам Хлопок был тяжело ранен, взят в плен и казнен.

26 октября 1604 года объявившийся Лжедмитрий I с горсткой поляков и казаков впервые двинулся на Москву. Даже проклятия московского патриарха не остудили народного воодушевления на пути «царевича Дмитрия». Однако отправленные Годуновым правительственные войска в битве при Добрыничах разбили самозванца, который с немногочисленными остатками своей армии был вынужден уйти в Путивль.

Ситуация для Годунова осложнялась еще и состоянием его здоровья. Уже с 1599 года стали появляться упоминания об его болезнях, царь часто и тяжело недомогал. Так

длилось до 13 апреля 1605 года. В тот день Борис Годунов казался веселым и здоровым, много и с аппетитом ел. Но буквально через два часа после обеда, когда, по обыкновению, присутствовавшие при этом врачи уже удалились, оставив царя, по их убеждению, в добром здравии, он вдруг почувствовал себя дурно и, перейдя в свою опочивальню, велел снова позвать их.

Увы, доктора не успели. Прежде чем они явились на зов, царь скончался, лишившись языка перед смертью. Незадолго до своей кончины он, по его собственному желанию, с величайшею поспешностью был по-

можно и то, что судьба до конца была милостива к нему, и он умер своевременно, чтобы не видеть крушения всех начинаний и идей, которые он создавал и воплощал в течение жизни.

После смерти Бориса царем стал его сын Федор, юноша образованный и чрезвычайно умный. Увы, царствовал он всего месяц и даже не успел короноваться, так как в Москве произошел мятеж, спровоцированный Лжедмитрием. Царь Федор и его мать были задушены, в живых осталась лишь дочь Бориса — Ксения, но ее ждала безотрадная участь наложницы само-

Нотя правительственные войска сумели разбить самозванца Лжедмитрия I, вынужденного с немногочисленными остатками своей армии уйти в Путивль, ситуация все равно оставалась сложной. К тому же она усугублялась состоянием здоровья Бориса. А 13 апреля 1605 года царю стало совсем плохо, и он скончался. Похоронили его в Кремлевском Архангельском соборе

стрижен в иноческий чин, с наречением ему нового имени. Похоронили его в Кремлевском Архангельском соборе.

Трудно сказать, как сложилась бы судьба России, если бы он прожил дольше. Возможно, победив самозванца, он смог бы укрепить власть и обуздать Смуту. Но воз-

званца. Вскоре официально было объявлено, что царь Федор и его мать отравились, и их тела были выставлены напоказ. Затем из Архангельского собора вынесли гроб Бориса и перезахоронили в Варсонофьевском монастыре близ Лубянки. Там же захоронили и его семью: без отпевания, как самоубийц.

А уже позже, при царе Василии Шуйском, останки Бориса, его жены и сына были перенесены в Троицкий монастырь и захоронены в сидячем положении у северо-западного угла Успенского собора. Там же похоронили и Ксению (в иночестве Ольгу)...

В 2015 году на территории Историко-литературного государствен-

ного музея-заповедника А.С. Пушкина в усадьбе Вяземы открылся первый в мире музей Бориса Годунова, экспозиция которого посвящена царю Борису и его времени.

Экспозиция развернулась в здании, на месте которого в конце XVI — начале XVII веков стоял дворец Бориса Годунова. □

Григорий Вихров

СТРАННИК

Жене

Все — в тебе. И все — из-за меня!
Я не стал коронным и коверным.
Раздается высям, трубам горным
Ад артиллерийского огня.
Нынче небо грозно говорит.
В доме мебель двигают пустую.
Век польстил: и кровь его густую
Жертвеннику жадному сулит.
В древние кручины и для рук
Расстояний не существовало.
Песня открывала новый звук,
У людей дневала, ночевала.
И просторы спящие храня,
В будущую память выбываю.
Клинопись на круче выбиваю:
Все — в тебе.
И все — из-за меня.

РОМАНС

На жар печной последних георгинов
Не нагляжусь из белого окна.
Не нагляжусь, и белый свет покинув,
Пусть жизнь одна, и молодость одна.

Не торопись, родная, изъясняться
На языке прощального огня.

Мария Матто

Мария Матто — молодая актриса театра и кино, служит она в Театре Романа Виктюка, где занята в спектаклях «Мастер и Маргарита», «Заговор по-английски», в детских постановках — «Денискины рассказы» и «Фантазеры». А еще Мария много снимается в телесериалах: «Пятницкий», «Лесник», «Дежурный ангел-2», «Бальзаковский возраст, или Все мужики сво...», «Дочки-матери», «Кто в доме хозяин?» и других. Но особенно она запомнилась театральным зрителям в спектакле Романа Виктюка «Сергей и Айседора: недокументальная история любви и смерти», где она сыграла Галину Бениславскую.

«Я люблю зрителя думающего и заинтересованного...»

— Мария, расскажите, пожалуйста, как вы стали актрисой Театра Виктюка?

— По окончании школы я собиралась поступать в вуз в Челябинске,

откуда я родом, и только на вокальное отделение. Но мой педагог Татьяна Ивановна Петриченко очень верила в меня, и именно она настояла на том, чтобы я поехала в Мо-

скую: «Ты должна попробовать свои силы!»

И я поступила в ГИТИС, на курс Романа Григорьевича Виктюка, на отделение музыкального театра...

И это было настоящим счастьем! Я училась еще на третьем курсе, когда Виктюк пригласил меня работать в свой театр! Благодаря ему я стала актрисой, правда, из музыкального направления пришлось переквалифицироваться в драматическое. Он, можно сказать, дал мне путевку в жизнь. Роман Григорьевич — редкий режиссер, он обладает невероятной космической энергией и дарит артистам Полет... Удивительный режиссер и человек...

— Вы заняты в спектакле Виктюка «Сергей и Айседора: недокументальная история любви и смерти».

— Спектакль — гениальный, родственники Сергея Есенина, в частности, правнучка Есенина, я с ней знакома, была в восторге после просмотра...

— Вы играете Галину Бениславскую, подругу, литературного секретаря поэта, человека трагической судьбы. Галина ушла из жизни в двадцать девять лет, застрелилась на могиле Есенина.

В своем дневнике она писала: «Так любить, так беззаветно и безудержно любить. Да разве это бывает? А ведь люблю и не могу иначе: это сильнее меня,

моей жизни. Если бы для него надо было умереть — не колеблясь, а если бы при этом знать, что он хотя бы ласково улыбнется, узнав про меня, смерть стала бы радостью».

— В 2006 году, когда готовился и выпускался этот спектакль, я, признаюсь, была удивлена, что именно меня Роман Григорьевич взял на роль Бениславской. Мы с ней совершенно разные, да и внешне не похожи. Хотя в тот период времени у нас с ней было нечто общее. Незадолго до ввода в спектакль я очень тяжело пережила смерть своего педагога по вокалу. Это страшно, когда на твоих глазах человек мучительно уходит из жизни. Только что ты с ним занимался... и через десять минут человека не стало. У педагога оторвался тромб...

Спустя три месяца погиб мой друг, любимый человек...

Это страшно и больно, наверное, тогда я и поняла внутреннее состояние Бениславской, ее трагедию.

— Как вы относитесь к творчеству Есенина и к самому Есенину как к человеку?

— Готовясь к роли, я прочитала много литературы, в том числе и книгу Айседоры Дункан «Моя жизнь», побывала в Константиново, на родине поэта, на могиле Есенина и Бениславской на Ваганьковском кладбище...

Впервые Есенин и Бениславская встретились осенью 1920 года в за-

*«Внезапно
прошлым
летом»*

ле Большой Московской консерватории, где проходила встреча представителей различных литературных направлений. Там она впервые услышала его стихи... Галина Бениславская была всегда в тени Есенина и при этом находилась рядом как ангел-хранитель. Она понимала, что это ее участь.

Признаюсь, что постановка Романа Григорьевича целиком и полностью изменила мое отношение к Есенину и как к поэту, и как к чело-

веку. Есенина многие знают в основном только по школьной программе, этакий весельчак, пишет про село, про красивую русскую природу, лирик и мечтатель. Сергей Есенин мне открылся как творец в высшем понимании этого слова. Творец и гражданин. А знаменитое стихотворение *«Гой ты, Русь моя, родная, Хаты — в ризах образа... Не видать конца и края — Только синь сосет глаза»* — прозвучало для меня уже совсем иначе.

*«Сергей и Айседора:
недокументальная
история
любви и смети»*

Я поняла, какая боль жила в нем, какая невероятная любовь к Родине! Есенин очень переживал, что его творчество не всегда признавали. Мне кажется, что он не находил в жизни то, что искал, к чему стремился...

— Мария, есть ли у вас сегодня самая любимая роль?

— Это — королева Анна, я играю ее в спектакле «Стакан воды, или Заговор по-английски» режиссера

Сергея Алдонова, он поставил его по мотивам пьесы «Стакан воды, или Причины и следствия» французского драматурга Эжена Скриба. Сергей Алдонин занят в спектакле еще и как актер — исполняет роль лорда Генри Болингброка.

Пьеса изящна и очень остроумна, написана еще в 1840 году, но и по сей день не теряет своей актуальности. Спектакль яркий, соединяет в себе различные театральные и литературные жанры — детектив и ко-

медию. Только представьте, в постановке есть даже танцевальные номера балета времен французского короля-Солнца — Людовика XIV! Постановка идет в Театре имени М.А. Булгакова, на Большой Садовой улице, дом 10, в этом же доме находится и первый музей писателя в Москве. В постоянном репертуаре Театра имени М.А. Булгакова можно увидеть спектакли по произведениям самого Булгакова и наиболее интересные постановки других писателей.

— Вы играете и в спектаклях для детей, расскажите, пожалуйста, об этом...

— Замечательные постановки в театральной компании «Крис Арт»: «Денискины рассказы» и «Фантазеры».

Дениска Кораблев и его друзья — ровесники бабушек и дедушек современных первоклассников. Это настоящий спектакль для всей семьи — веселый, зажигательный, задорный и поучительный. Полтора часа радости вам гарантировано.

«Фантазеры» — увлекательный детский спектакль по мотивам рассказов Николая Носова.

— Мария, вы обладаете очень хорошим певческим голосом, удастся использовать этот дар в творческой жизни?

— Увы, вокал пока остался в стороне.

— Как вы проводите свободное время, есть ли у вас хобби?

— Моей доченьке годик, и все свободное время отдается только

Слева:
*«Заговор
по-английски»*

фото
Юлия Губина

*«Давай
займемся...»*

ей. Без бабушек и нянек, по очереди, мы с мужем сидим с ребенком. У нас есть специальная книга, куда мы записываем свое расписание, кто в какой день и в какое время дежурит дома.

Быть мамой — это еще одна работа, признаюсь — невероятно сложная. На девятом месяце я играла сестру-монашку в спектакле «И вдруг минувшим летом» в нашем театре, а в московской филармонии имени Рахманинова играла Карлсона, и мне не нужно было даже

подкладывать живот, натуральный Карлсон получился!

— Ваш муж имеет отношение к театру?

— Муж мой — артист, музыкант Иван Исьянов, у него есть свой проект — Isea-N, он пишет электронную музыку, выпустил уже два сольных альбома. Владимир Панков пригласил его в свою труппу в театр «Центр драматургии и режиссуры». А еще он увлекается парусным спортом и является чемпионом России. Кро-

*«Райские
яблоки»*

ме того, Ваня — больничный клоун (арт-терапия и игротерапия) в благотворительном фонде «Доктор клоун». Максим Матвеев и Яна Сексте начинали это большое дело. В России больничная клоунада начала развиваться около десяти лет назад. В 2013 году Матвеев вошел в состав благотворительного фонда «Доктор клоун» и стал его художе-

ственным руководителем. Матвеев был одним из первых больничных клоунов, и сегодня он преподает в созданной Фондом Школе больничной клоунады.

— В одном интервью Максим Матвеев рассказывал, что больничная клоунада появилась больше тридцати лет назад в

Нью-Йорке, что во Франции лечение ребенка проходит в детских отделениях в присутствии доктора клоуна, а в Израиле на базе института в Хайфе есть факультет докторов-клоунов...

— В Москве больничные клоуны тоже ходят к серьезно больным деткам, чтобы хоть на время вернуть их в беззаботную атмосферу. Это очень сложная профессия. Я бы не смогла... чисто психологически... это очень больно... Я горжусь этими артистами, восхищаюсь ими и очень рада, что мой муж в этой команде.

— В каких еще спектаклях вас можно будет увидеть в новом сезоне?

— В театральной компании Сергея Алдонина начала репетировать новый спектакль по пьесе А.Н. Островского, название его пока не могу вам озвучить — это возможно только после премьеры, также ввожусь в постановку «Ромео и Джульетта» того же Алдонина, где сыграю роль синьоры Капулетти.

— Какого зрителя вы хотели бы видеть?

— Зрителя думающего, заинтересованного, пришедшего в театр не для того, чтобы скоротать время, а чтобы познать что-то новое, открыть свою душу и сердце. Такие зрители очень ценны...

И еще мне нравятся зрители, которые приходят в театр, а потом у

них весь мир «переворачивается»! Они сами меняются внутренне.

Недавно водила свою дочурку к массажистке в поликлинику и, между делом, спросила у нее: «А вы любите театр?» Она ответила, что раньше часто ходила, а теперь редко, и вообще не любит современные постановки типа Виктюка!

— Не была, но не нравится, так у нас, к сожалению, некоторые люди и рассуждают. Не читал, не видел, не бывал, но не нравится... Причем категорически! Художник Никас Сафронов мне по этому поводу как-то анекдот рассказал: «Одна женщина другой говорит, что ей не нравится, как поет Пласидо Доминго. А та ее спрашивает, а где ты его слушала? Отвечает: «Нигде. Никогда не слушала. А так мне мой друг сказал»...

— Вот и я засмеялась и сказала массажистке, что именно к Виктюку и хочу ее пригласить, на спектакль «Сергей и Айседора: недокументальная история любви и смерти». Она немного смутилась, но пообещала прийти обязательно. После спектакля звонит мне и кричит в трубку: «Маша! Забудьте все, что я вам наговорила! Мы с дочкой в восторге! Такого катарсиса давно не испытывали! — И добавила: — Позовите меня еще, пожалуйста, в ваш замечательный театр!» □

Беседовала **Елена Воробьева**

Юрий Осипов

КРАСНЫЙ ГРАФ

В его праве на графский титул сомневались многие, поскольку на свет он появился при весьма двусмысленных обстоятельствах. Однако титул этот и столь громкую фамилию писатель носил с гордостью до конца жизни, извлекая из них крупные выгоды.

Один из лучших рассказчиков не только в русской, но и в европейской литературе XX века, наделенный волшебным даром творческого воображения, Алексей Николаевич по натуре был в известной степени авантюристом и мистификатором, гедонистом, любившим наслаждаться всевозможными почестями и благами жизни. И при этом — неутомимым тружеником.

Найдя свое призвание в ранней молодости, Алексей Толстой бесперебойно, с уди-

вительной продуктивностью выдавал «на-гора» рассказы, повести, романы в жанровом диапазоне от исторической эпопеи до фантастики и детских сказок. Творческих кризисов он не ведал, успевая вести обширную общественную деятельность и с удовольствием играть роль одного из главных «генералов» советской литературы.

Оказавшись в начале 20-х в первой волне русской эмиграции, писатель быстро сориентировался и триумфально возвратился на родину, с распростертыми объятиями встреченный Сталиным, которому стал личным другом. Ему выделили дачу в Барвихе, а в Москве — двухэтажный флигель роскошного шехтелевского особняка на углу заповедных Спиридоновки и Малой Никитской. Сам особняк занимал со своим большим семейством Максим Горький, и Алексей Толстой шутил, что, мол, он, граф, «ютится» во флигеле, а бывший «боссяк» живет в барских хоромах.

Дверь посетителям на даче Толстого открывал важный седовласый лакей в мундире с позументом и на вопрос, можно ли видеть хозяина, степенно отвечал: «Их сиятельство уехали на заседание ЦК». И он же в конце войны, пользуясь своими привилегиями, чемоданами и вагонами вывозил из освобожденных Красной армией городов трофейную посуду, мебель, женское белье. Сталин, покоробленный этой вакханалией стяжательства, заметил ему: «А я думал, вы настоящий граф».

Встретившись в 1936 году в Париже с Буниным, Алексей Николаевич, по воспоминаниям Бунина, уговаривал того вернуться в Россию, приводя достаточно циничные доводы: мол, «сколько ты, Ваня, еще на Нобелевскую премию проживешь? А у меня в Москве отдельный дом, подмосковная дача, винный подвал да коллекция трубок, какой нет у английского короля... Возвращайся, тебя же с колоколами встретят!» Бунин в ответ съязвил: «Какие еще колокола? Вы же их отменили!» О комформизме Алексея Толстого он писал неприязненно, но литературный дар автора «Петра I» и «Хождения по мукам», подобно Набокову, ставил чрезвычайно высоко, незадолго до смерти перечитывал его вещи и говорил, что «все русское он знал и чувствовал, как очень немногие».

Алексей Толстой родился 10 января 1889 года. Мать писателя — Александра Леонтьевна, урожденная Тургенева, внучатая племянница дека-

бриста Н. Тургенева, одна из самых блестящих дам самарской губернии. На втором месяце беременности она, бросив мужа, отставного гвардей-

Отец — Николай Александрович Толстой

ского офицера графа Николая Александровича Толстого, и троих детей, открыто переехала в дом председателя земской управы, молодого красавца Алексея Аполлоновича Бострома, в честь которого и назван был родившийся у нее сын. (Официально выйти замуж за Бострома она так и не смогла из-за запрета духовной консистории.)

Ничем не примечательное детство будущего писателя прошло сначала в маленьком имении отчима на хуторе Сосновка близ Самары. Затем он два года жил с матерью в Сызрани, где учился в реальном училище. Александра Леонтьевна тем временем вела долгую тяжбу, желая вернуть сыну графский титул и фами-

лию первого мужа (в реальном училище Алеша числился как Толстой, а письма подписывал «Леля Бостром»). Тяжба завершилась к его 17-летию: в 1901 году он стал графом Толстым, хотя в глаза не видел своего реального или мнимого отца, чье отчество, фамилия и титул ему достались.

Впрочем, не только они. Зимой 1900 года Николай Александрович умер. Вместе с матерью юноша поехал на похороны. Стоял с ней в толпе совершенно чужих людей и с жадным любопытством рассматривал своих незнакомых братьев и сестер, оставленных до его рождения матерью, а те осуждающе косились на рослого «братика». После похорон нотариус огласил завещание покойного графа, по которому тот признавал Алексея родным сыном и отписывал ему 30 тысяч рублей (внушительная по тому времени сумма).

А ведь после ухода жены брошенный муж каждый день ездил к ней, умоляя вернуться, но тщетно — графиня была непреклонна. Это притом, что Бостром тогда вконец обеднел, в его захудалом поместье ей даже приходилось самой топить печку кизяком и доить корову. Возможно, она припоминала Толстому, как он насмехался над ее увлечением сочинительством сентиментальных романов, хотя в последний момент и попытался исправить положение, издав на свои деньги не имевший успеха роман жены «Неугомонное сердце».

Мать — Александра Леонтьевна

Дело кончилось тем, что доведенный до отчаяния Толстой стрелял в Бострома, промахнулся, угодил под суд и с большим трудом добился оправдания от присяжных. Желающих издавать сочинения Александры Львовны больше не находилось, она же упорно продолжала писать роман за романом до конца жизни. Когда подросший Алексей смог их оценить, то поразился беспомощности материнского творчества. Однако именно эта женщина с «неугомонным сердцем» привила ему любовь к литературе.

Сомнения относительно собственного происхождения отпали у Алексея Николаевича только после смерти матери, когда, разбирая

Отчим — Алексей Аполлонович Бостром

ее бумаги, он наткнулся на письмо к Бострому, написанное накануне его рождения. Там были следующие строчки: «...Желать так страстно ребенка от тебя и получить от человека, которого я ненавижу... Боюсь, ты не сможешь любить этого ребенка, и я не смогу...»

Александра Львовна наговаривала на себя. Последнего сына она очень любила и, как могла, заботилась о нем. Летом в Сосновке заставляла наигравшегося в холщевой рубашке с крестьянскими детьми девятилетнего мальчика писать многостраничные отчеты о полученных впечатлениях, о рыбной ловле, ночном, подмечая самые мелкие, но выразительные детали. Причем, читая

эти отчеты, она втайне страдала от того, что, по ее мнению, Алешины литературные опыты получались вялыми и неоригинальными.

С тем же энтузиазмом Александра Львовна приветствовала участие 17-летнего сына в самарском театральном кружке и взялась помогать. Сочинила пьесу-шутку «Война буров с англичанами» и сама репетировала ее с молодежью. Увлечлась и не заметила, что Алеша без памяти влюбился в юную актрису Юлию Рожанскую. Она бойко играла в водевилях, но в жизни была барышней строгой, тихой и скромной.

Едва Алексею исполнилось 18 лет, он объявил матери, что женится. Венчание состоялось в Тургеневе, имении сестры Александры Львовны. В январе 1903-го в Петербурге, где Алексей учился в Технологическом институте, а Юля — в медицинском, у них родился сын Юра. На Волгу родителям полетели письма с просьбами денег. Алешины 30 тысяч лежали в банке, и мать разумно не позволяла брать из этой суммы ни копейки, иначе от них скоро ничего бы не осталось. Жить по средствам молодой граф абсолютно не умел. 40 рублей, присланных матерью на коляску для ребенка, он бес-

печно потратил на пиджачную пару у модного портного. А буквально на следующий день после получения от родителей Юлии двух тысяч рублей, которые те с трудом наскребли, чтобы супружеская пара могла снять приличную квартиру и обставить ее, кинулся на телеграф просить еще 50 целковых на студенческую пирушку...

Природное жизнелюбие, тяга к развлечениям и легкий характер

вестей и новелл критики, в том числе М. Горький, приняли доброжелательно. Однако сам автор остался недоволен результатом, назвав себя «неучем и дилетантом».

Еще в студенческие годы начинающий писатель под влиянием А. Ремизова взялся за совершенствование своего литературного языка. Богатейшим материалом оказались для него старинные сказки, фольклор, сочинения протопопа Авва-

Ничем не примечательное детство будущего писателя прошло в маленьком имении отчима на хуторе Сосновка близ Самары. Затем он с матерью переехал в Сызрань, где поступил в реальное училище. А Александра Леонтьевна начала долгую тяжбу, которая завершилась лишь к 17-летию Алексея, зато, наконец, исполнилась ее мечта — сын стал графом Толстым

не помешали, впрочем, веселому студенту всерьез задуматься о своем будущем. После месячной практики на Урале Алексей решил полностью посвятить себя писательству и в 1907 году оставил институт. В уральском Невьянске он собирал легенды, предания и исторические сведения о крае, которые потом использовал в первых произведениях. Рассказы матери и родственников помогли ему, по его собственным словам, «напасть на свою тему»: это был уходящий мир уездного дворянства с «чудаками красочными и нелепыми». Дебютный сборник по-

кума, судебные акты XVII века. Так появились «Сорочьи сказки», а следом — второй (и последний) сборник стихов «За синими реками». Больше стихов Алексей Толстой не писал, зато полилась его яркая, сочная, захватывающая полетом воображения проза.

Он удивлял коллег невероятной работоспособностью. В 1911-м выпустил роман «Две жизни». В следующем году увидел свет роман «Хромой барин», затем вышла повесть «За стилем» и сборник рассказов. Пьесы Алексея Толстого с успехом ставились на сцене Малого театра...

При этом он успевал посещать светские вечеринки, салоны, приемы, вернисажи и все театральные премьеры. Любил посидеть с друзьями в ресторане, будучи отменным гурманом. Умел принимать их дома, выкладывая посреди стола в окружении горшочков с гурьевской кашей

сками внутрь — признак натуры упорной и настойчивой, говорил на множество ладов... то бормотал, то кричал бабьим голосом ... а хохотал, чаще всего, выпучив глаза, давясь...» Фактически с него списал М. Булгаков своего неподражаемого литературного мэтра Измаила

Т

олстой удивлял коллег своей невероятной работоспособностью. В 1911-м выпустил роман «Две жизни», в следующем году увидел свет роман «Хромой барин», затем вышла в свет повесть «За стилем» и сборник рассказов. Его пьесы с успехом ставились на сцене Малого театра. При этом он успевал посещать светские вечеринки, салоны, вернисажи и не пропускал ни одной театральной премьеры, любил также посидеть с друзьями в ресторане и слыл отменным гурманом

длиннющую стерлядь. Пить мог бочками. Но как бы ни напивался, ни куролесил, проснувшись наутро, по словам Бунина, «тотчас обматывал голову мокрым полотенцем и садился за работу». Хохмил и врал, разыгрывая всех направо и налево. Скупал на барахолках потемневшие портреты стариков и старух в буклях, развешивал их в квартире по стенам и небрежно бросал гостям: *«Мои предки...»*

Его называли ловеласом, чему способствовала растущая литературная известность. С виду он был очень породист. *«Плотный, бритое, полное лицо, — отмечал Бунин, — пенсне при слегка откинутой голове... Одет и обут всегда дорого и добротнo, ходил но-*

Александровича в «Театральном романе».

В 1910 году Алексей Толстой развелся с женой. А во время поездки в Германию повстречал художницу Софью Дымшиц. Будучи иудейкой по вероисповеданию, та перешла в православие, и они поженились. В 1911 году у них родилась дочь Марианна. Тем не менее, граф вскоре увлекся поэтессой Натальей Крандиевской и ушел от второй супруги. Но прежде успел еще влюбиться в юную хрупкую балерину Маргариту Кандаурову, которая со временем станет звездой Большого театра. Это «лунное наваждение», как он ее называл, позволит ему объявить себя его не-

вестой, но не одарит и поцелуем... В отместку Алексей Толстой «забросит» Кандаурову аж на Марс в образе Аэлиты из одноименной повести.

В 1914 году писатель женился на Наталье и прожил с ней в относительно счастливом браке до 1935 года. В союзе с Крандиевской, ставшей прототипом Кати из «Хождения по мукам», у Алексея Николаевича родились двое сыновей — Дмитрий и Никита.

Первая мировая война сделала писателя военным корреспондентом. Он писал фронтовые очерки для газеты «Русские ведомости», побывал в воюющей Франции, Британии. При этом не забывал о литературе —

в 1915–16 годах появились мастерские рассказы «На горе», «Под водой», «Прекрасная дама», комедии «Нечистая сила» и «Касатка».

Октябрьскую революцию Алексей Николаевич поначалу принял крайне настороженно. Летом 18-го, спасаясь от большевиков, переехал в Одессу. В тревожном прифронтовом городе созданы его знаменитая повесть «Граф Калиостро» (по которой в наши дни М. Захаров снял полюбившийся зрителям фильм «Формула любви») и комедийная пьеса «Любовь — книга золотая».

...Тяжело отваливший от последнего русского берега под уже близившиеся раскаты полевых орудий

Алексей Толстой с первой женой Юлией Рожанской

красных старенький парходик напоминал Ноев ковчег. Он увозил к турецким берегам монархистов, либералов, демократов и — Алексея Толстого, которому довелось побывать и монархистом, и либералом, и демократом. Против их с женой каюты на борту была приделана наспех сколоченная кабина, заменявшая галюн, с дырой в полу, сквозь которую далеко внизу виднелись вспененные волны. *«По утрам, — вспоминал писатель, — около галюна выстраивалась длинная очередь. Седые генералы с царскими орденами, одесские мелкие жулики, адвокаты, аристократы, дамы, как будто только что покинувшие великосветские салоны. Я в своей жизни не видел более унижительной картины».*

Тогда же Толстой поклялся, что никогда больше не будет «стоять в очереди у галюна», он сумеет пробиться. И тут же, прямо на палубе, ставил на ящики из-под консервов пишущую машинку «Корона» и печатал, печатал...

Дальше были Константинополь, затем Париж и Берлин. В Париже писатель начал свою классическую трилогию «Хождение по мукам» о судьбах интеллигенции в революции и Гражданской войне, создал чудесную повесть «Детство Никиты». Работал, не разгибая спины. Печатался в эмигрантских изданиях и советских издательствах. Его огромный литературный талант пробивал все преграды.

Но хотя тяготы эмиграции не изменили привычный рабочий ритм

жизни писателя, сама жизнь за границей показалась привыкшему к барскому комфорту сибариту то скливай и неуютной. Он тяготился в Париже неустроенностью быта, ссорился с товарищами по несчастью, называвшими его «Нотр хам де Пари». Какому-то простодушному богачу, верившему в скорое падение Советов, умудрился продать никогда не существовавшее у него в России имение у вымышленной деревни «Порточки». Перебравшись в Берлин, продержался в германской столице два года, окончательно испортив отношения с русской эмиграцией и все крепче завязывая отношения с литературной общественностью новой советской России.

«Жить для себя» — вот чего он хотел. Но получалось все же так, что жил, опутанный компромиссами и неблагоприятными поступками, не для себя, а для литературы, пусть и торгуя после возвращения на родину талантом в угоду «линии» партии и на потребу обывательским вкусам. О нем говорили: «ледяной и горячий — в одном флаконе».

Он редактировал в Берлине просоветскую газету «Накануне», в которой тиснул сугубо личное письмо к нему К. Чуковского из «красной России», что, по сути, явилось «доносом» и едва не привело к аресту Корнея Ивановича. И вместе с тем печатал в Берлине и «вводил в литературу» М. Булгакова и В. Катаева. Уже вернувшись в Россию, защищал перед Горьким поэта П. Васильева, помог

Софья Дымшиц — вторая жена

опальной А. Ахматовой выпустить сборник стихов и пытался «выбить» за него нуждающейся поэтессе Сталинскую премию. Обращался к вождю с просьбой поддержать бедствовавшего во Франции Бунина. Рискуя навлечь на себя «царский» гнев, вытаскивал из тюрем немало собратьев по перу, спас известного переводчика М. Лозинского и талантливого литератора П. Зайцева, хлопотал об облегчении участи ряда ссыльных писателей...

В конце лета 1923 года Алексей Толстой навсегда вернулся в совет-

*С третьей
женой
Натальей
Крандиевской*

скую Россию. В эмигрантской среде его отъезд на Родину вызвал бурную и неоднозначную реакцию. Большинство называло этот поступок предательством, осыпало «красного графа» проклятиями. Большевицкое же руководство приняло знаменитого писателя как родного. На него дождем посыпались почести. С ним встречался за бокалом вина Сталин, он сделался завсегдаем кремлевских приемов, был избран почетным членом Академии наук, депутатом Верховного Совета. Особенно в историческом центре Москвы, авто с шофером и поместье на Рублевке помогли ему примириться с новым строем как с неизбежностью.

В литературе Алексей Николаевич продолжал трудиться необычайно плодотворно. Доработал трилогию «Хождение по мукам». Сочинил едва ли не первый советский фанта-

стический роман — «Гиперболоид инженера Гарина» (были еще знаменитая «Аэлита» и футурологический рассказ «Голубые города»). Подарил маленьким читателям замечательный «Золотой ключик, или Приключения Буратино», переделав старинную сказку К. Коллоди о деревянной кукле Пинокио. В 1924 году увидела свет повесть «Похождения Невзорова, или Ибикус», которую называют лучшим произведением писателя. Повесть в остросюжетной сатирической форме рассказывает невероятную историю скромного дореволюционного служащего, волею судеб втянутого в водоворот гражданской войны. Герой повести «...поджидает случай, чтобы произвести короткую и удачную операцию с высоковалютным товаром... и бежать в Европу». Неправда ли, угадываются удивительные параллели с нашим временем?

«Похождения Невзорова» составляют центральную часть в цикле толстовских произведений о белой эмиграции, с ней он расчелся сполна. Однако главной книгой писателя, над которой он с перерывами работал последние 16 лет жизни, явился

стольников и офицеров... В стороне Москвы мерцало слабое зарево, и будто слышался набат. Петр проговорил сквозь зубы: "В Троицу..."»

Как известно, к теме Петра подступался ранее другой Толстой — Лев Николаевич. Собрал сундук ма-

Ж

«**Ж**ить для себя» — вот чего он всегда хотел. Но получилось все же, что жил, опутанный компромиссами и неблагоприятными поступками, не для себя, а для литературы. О нем говорили: «ледяной и горячий — в одном флаконе»

исторический роман «Петр I». Его художественные достоинства неоспоримы. Прочитав роман, расщедрился на восторженный отзыв даже такой скупой на похвалы ценитель, как И. Бунин.

«...Весь сотрясаясь, мотая слипшимися кудрями, лягая левой ногой, Петр закричал еще страшнее стрельцов, оттолкнул Никиту и побежал, как был, в одной сорочке, по переходам. Повсюду из дверей высывались, обмирали старушонки... Петр кинулся сквозь людей, вырвал узду и плетью из рук караульного офицера, вскочил в седло, не попадая ступнями в стремя, и, нахлестывая, поскакал... В роще сквозь высокие вершины блистали осенней ясностью звезды... Алексей Бровкин и Бухвостов верхами привезли одежду. Втроем, торопливо, кое-как одели царя. Подскакало еще человек двадцать

териалов, написал даже пару потрясающих отрывков. И, несмотря на всю свою гениальность, отступил, ужаснувшись герою-антихристу, каким он увиделся ему. А вот его дальний родственник, соблюдая достаточную меру исторической достоверности и по возможности не сглаживая острых углов личности царя-преобразователя, сумел на редкость убедительно возвеличить эту невероятную противоречивую, страшную в своем беспощадном деспотизме фигуру человека и правителя, который, говоря словами Пушкина, «Россию вздернул на дыбы».

Сталину роман очень понравился тем, что как бы оправдывал его «методы» государственного строительства. Причем, по слухам, «вождь народов», прочитав книгу, обронил: «Петруха не дорубил...» И, разумеется, велел наградить автора оче-

редной Сталинской премией. А тот не погнушался в разгар Большого террора 37-го года написать повесть «Хлеб», в которой без зазрения совести рассказывает о якобы выдающейся роли Сталина в тяжелейшей обороне Царицына периода Гражданской войны. По сути конъюнктурной явилась также драма-диалогия «Иван Грозный», созданная прозаиком в годы Великой Отечественной войны. До оставшегося неоконченным «Петра I» ей, конечно, очень далеко.

Перу «красного графа» приписывали сочинения, от авторства которых он всячески открещивался. Одно из них — пресловутый рассказ «Баня». Впрочем, его авторами в разное время называли и Н. Лескова, и Л. Толстого. Возможно, Алексей Николаевич попал в число «подозреваемых» из-за обоснованного предположения о том, что это он с П. Щеголевым написал в 1927 году по заказу властей «Дневник Вырубовой», довольно пошлый пасквиль с элементами порнографии, чтобы дискредитировать царскую семью.

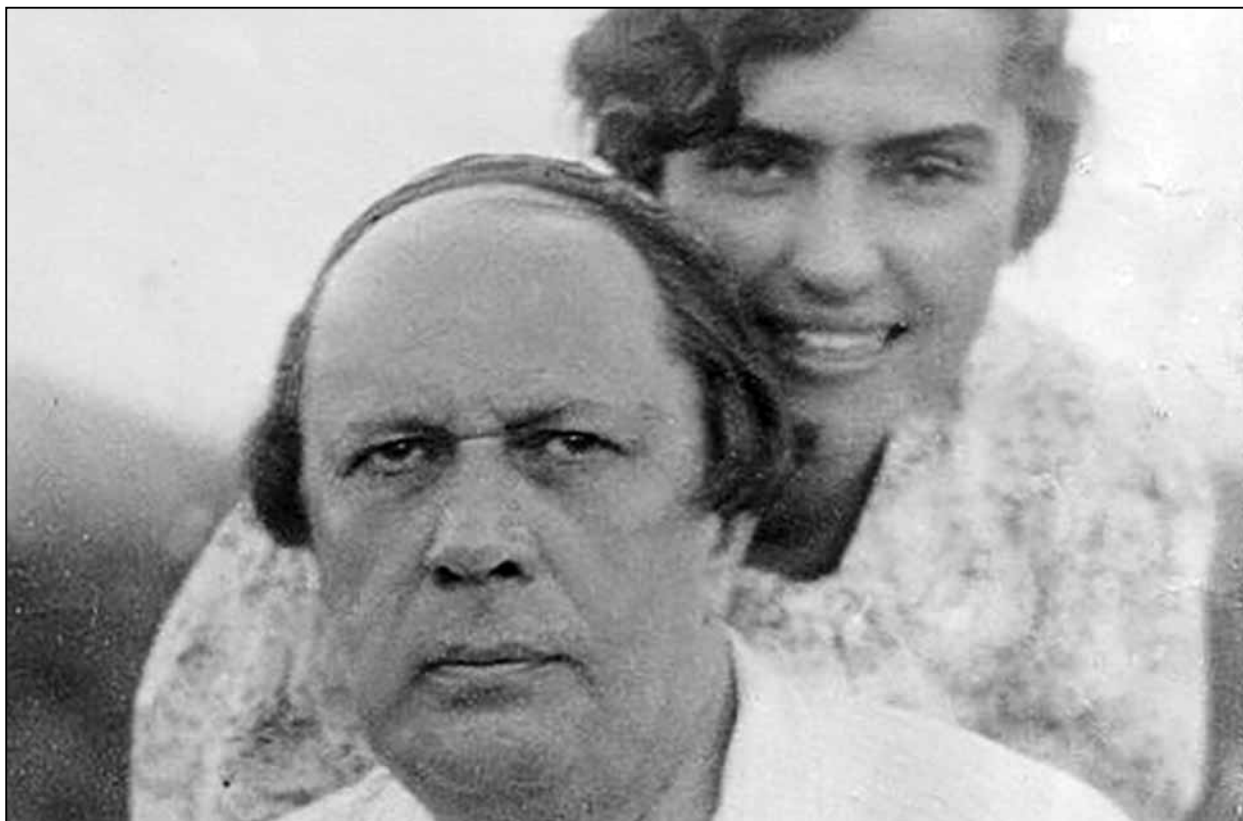
За Алексеем Толстым водилось немало неблагоприятных поступков, один из которых привел даже к публичной пощечине, отвешенной ему Осипом Мандельштамом. Униженный классик повел себя не подворянски. Пощечину стерпел, но пожаловался Горькому, и тот, вроде бы, сказал: *«Мы ему покажем, как бить русских писателей!»*

В августе 1935 года к 50-летнему Алексею Толстому поступила на ра-

боту новый литературный секретарь, 30-летняя красавица Людмила Крестинская-Баршева, дочь царского генерала, расстрелянного в Крыму, бывшая жена писателя Баршева, успевшая за годы советской власти поработать и киоскершей, и красильщицей на фабрике, и работницей упаковочного цеха. Она была умна, хорошо образованна и прекрасно воспитанна. Вскоре Людмила стала совершенно незаменима в доме Толстых и сумела завоевать сердце стареющего бонвивана. В результате его брак с Н. Крандиевской распался.

Четвертая жена, несмотря на разительную разницу в возрасте, оказалась для Алексея Николаевича заботливой и верной спутницей жизни. Взяв фамилию мужа, она приняла на себя ведение его издательских дел и большого домашнего хозяйства, украшала их представительные званые дачные обеды и вечера, сопровождала мужа на правительственных банкетах. Ей онверял самые сокровенные мечты и планы. Она была с ним до последнего часа, разбирала его огромный архив, занималась посмертными публикациями.

Не раз случалось Людмиле Ильичичне посещать с мужем избранные «посиделки» у Максима Горького, перед которым Алексей Николаевич старался выслужиться. Активно помогал ему в организации Первого съезда советских писателей. Привозил в особняк на Малой Никитской разных интересных людей, в том числе начинающего литературове-

*Алексей Толстой с четвертой женой
Людмилой Крестинской-Баршевой*

да Ираклия Андронникова, талантливо пародировавшего их обоих, а также дружившего с ними солиста Художественного театра В. Качалова. Горький ставил Алексея Толстого как прозаика чрезвычайно высоко, но с иронией относился к его барским замашкам и легкомыслию.

А оно, между прочим, едва не привело любвеобильного графа на горьковское «минное поле». Познакомившись в 1932 году в Сорренто, на вилле «великого пролетарского писателя» с очаровательной женой сына Алексея Максимовича, Надеждой Пешковой, которую в родственном кругу все ласково звали Тимошей, он попытался уже в Москве за ней приударить. Однако быстро рети-

ровался, узнав, что его соперник — всесильный глава НКВД Г. Ягода. Тот как раз успеха у Тимоши добился и однажды за столом в доме Горького затеял с Толстым через своего адъютанта садистскую игру в мнимое отравление, чуть было не окончившуюся инфарктом прозаика.

...Незадолго до смерти его, кровохаркающего, (в 44-м врачи поставили ему неутешительный диагноз: рак легкого) выпустили из правительственного санатория все в той же Барвихе отпраздновать Новый, победный, 1945 год. Встречали вчетвером — он с супругой и великий актер и театральный деятель С. Михоэлс, тоже с женой. «*Был накрыт великолепный праздничный стол, —*

вспоминала та. — У Толстых всегда было много прекрасных цветов, но на этот раз в центре стола стояло какое-то поистине необыкновенное цветущее дерево. "А это — древо жизни, так и называется", — с удовольствием наблюдая наше изумление, сказал Алексей Николаевич. — Мы просидели всю ночь за столом, веселые, но трезвые... Никто не танцевал, резко не двигался, но утром "древо жизни" нашли надломленным!..»

Символ или знамение? Трудно сказать. Однако через два месяца уже втайне назначенный «английским шпионом» Алексей Толстой, привыкший по большим праздникам стоять рядом с вождем на трибуне

кладбище. В связи с его смертью объявят государственный траур. Сам Михаил Шолохов разразится о нем статьей в «Правде». Его именем назовут старую московскую улицу, где он жил, откроют там мемориальный музей.

«Что ты думаешь по поводу человеческой души после смерти?», — спросил как-то Алексея Николаевича его старший сын. «Видишь ли, — ответил он, — в Англии я познакомился с Конан Дойлом... Он верил в загробную жизнь и тогда же сказал мне: "Я намного старше вас и умру... первым. Давайте заключим соглашение: после смерти я явлюсь к вам, подам знак и... напомню о нашем условии"». «Ну? — заморожено

В

конце лета 1923 года Алексей Толстой навсегда вернулся в советскую Россию. В эмигрантской среде его отъезд на родину вызвал бурную и неоднозначную реакцию. Большинство называло этот поступок предательством и осыпало «красного графа» проклятьями. Большевистское же руководство приняло знаменитого писателя как родного, и на него дождем посыпались разные почести....

Мавзолея, скончается на 63-м году жизни. А спустя три года Сталин распорядится убить Михоэлса. Драматург и актер доиграют свои роли в пьесе, написанной и срежиссированной «кремлевским затворником», человеком в «мягких шевровых сапожках». Алексея Толстого торжественно похоронят на Новодевичьем

спросил сын. — *Ведь Конан Дойл уже умер*. «Надул, проклятый!» — весело рассмеялся отец.

Он очень боялся смерти. Не пошел на похороны ближайшего друга, литературоведа Щеголева. Отмахивался: «Да ну их, покойников!» И вынужден был «подтверждать» по черепам в составе комиссии, послан-

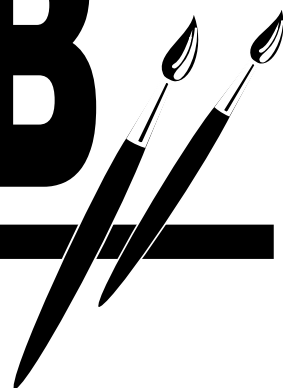
ной Сталиным в Хотынь, что 20 тысяч польских офицеров были расстреляны не нашими — немцами... Возможно, тогда же от переживаний заболел раком.

Судьба осчастливила его огромным даром, железной волей, неиссякаемым трудолюбием. Осчастливила всем, чтобы стать вровень с гения-

ми, с раскидистыми вековыми «деревами» русской литературы. Но веревочка вольной жизни затянулась удушающей петлей. К началу 30-х он уже не мог писать «для себя», а мог только в тоске грызть по ночам подушку. Само молчание его было бы расценено как преступление. Ловушка захлопнулась. □

МОЙ Иван Переверзин

ГЛАЗУНОВ

5

Начав собирать современную классическую живопись, я понимал, что коллекция будет неполной без портрета Ильи Сергеевича, написанного одним из лучших его учеников и передававшего художественную сущность вдохновенной души великого мастера. Обратился к одному, второму, третьему — все, как сговорившись, соглашались, что, действительно, портрет необходим, но с виноватой улыбкой вежливо отказывались от выгодного заказа. Я для себя объяснил это тем, что они, очень желая писать, еще больше боятся не создать верный образ великого учителя. И обижаться за это на них, или, не дай бог, кого-нибудь из них винить — я не мог, поскольку помнил слова самого Глазунова, обращенные к одному студенту его академии при очередном ректорском про-

Продолжение. Начало в №11, 2018

смотре: «Ты мне не глаза напиши, а взгляд! Создай человеческий или профессиональный образ портретируемого, а не копируй, — для этого есть фотоаппарат!»

Однажды я зашел к руководителю портретной мастерской Академии живописи, заслуженному художнику России Дмитрию Слепушкину, человеку широкой души, очень обаятельному, любящему больше слушать, чем говорить, высокого роста, подтянутого, с красивыми темно-русыми, от природы вьющимися волосами, зачесанными строго назад, с мягким, но острым взглядом, а главное — жутко талантливому. Это он написал дипломную работу о Великой Отечественной войне 1812 года «Молебен перед боем». Более трагичной, более глубокой и в то же время, более поэтичной работы о том суровом времени я не знаю! Если бы эта работа была написана одновременно с репинской — «Бурлаки на Волге», и у меня был бы выбор, то я, без сомнения, для своей галереи приоб-

рел бы «Молебен перед боем»! — говорю это, ничуть не кривя совестью!

Его кисти принадлежит и довольно большое полотно, размером два метра на три, на котором изображено учебное заседание преподавателей, руководителей мастерских во главе с ректором академии, Ильей Сергеевичем Глазуновым, над которым художник работал, естественно, с перерывами, почти долгих восемь лет, и когда, наконец, закончил этот титанический и очень важный, в первую очередь, для себя самого труд, то, не раздумывая, преподнес его в дар Академии живописи! Этот благородный поступок заслуживает большого уважения еще и потому, что я, понимая, какую художественную ценность представляет Слепушкинское произведение, предлагал автору за эту работу совсем не малые деньги, но он наотрез отказался, хотя в то время, как доподлинно мне известно, испытывал финансовые трудности в связи с рождением третьего ребенка и по этой причине необходимость расширения жилплощади!

И вот, как обычно, бывая в мастерской у гостеприимного Дмитрия, сев на кожаный диван, я вдруг увидел стоящий на полу классно написанный на картоне эскиз к будущему портрету Глазунова. Он мне так понравился, что я тут же предложил художнику приступить срочно к созданию живописного образа Ильи Сергеевича. И, к моему удивлению, Слепушкин, будто всю жизнь

только и ждал именно этого моего заказа, тотчас охотно согласился. Тут же в мастерской согласовали размер, оговорили гонорар, и я, счастливый, ушел.

Но ректор академии не был бы ректором, если бы не знал, что пишут его ученики, какие сюжеты новых картин мысленно, эпизод за эпизодом, сцену за сценой, прорабатывают и прорабатывают в голове, пусть давно уже и ставшие под его всеохватным крылом заботы и участия уважаемыми преподавателями и большими мастерами кисти. И когда я зашел к нему в очередной раз в гости, он напрямик спросил меня:

— Иван Иванович, а правда, что вы совсем недавно для своего собрания заказали Слепушкину мой портрет?

— Так точно, заказал! — по-военному ответил я.

— Н-да!.. — озадаченно произнес Глазунов и, помолчав несколько минут в задумчивости, поднял на меня глаза: — И все-таки нельзя ли сделать так, чтобы вы заказ свой передали для исполнения моему сыну Ивану? Я понимаю, что это для вас непростое дело... Но все же?

Честно говоря, от такого предложения я пришел в большое замешательство, ибо был сполна уверен в мастерстве Слепушкина, а вот в том, удастся ли молодому Глазунову при работе над событийным портретом «забыть» о своих глубоких сыновних чувствах, — не совсем. А иначе показать в полной мере образ гения

будет ох как непросто, если вообще невозможно! Но было и еще одно сомнение, может быть, основное, — хватит ли мастерства Ивану, ведь, если судить по его дипломной работе, то она, на мой взгляд, выполнена далеко не самостоятельно: сразу в глаза бросается суровое небо, ну, как две капли воды похожее на то, которое часто в своих работах, особенно в пейзажных, пишет сам великий мастер-отец. Не прибавляют оптимизма и портреты всех русских царей, выполненные для оформления одного из важных залов Кремлевского дворца. Дело в том, что, внимательно взглядевшись в лица государей, к величайшему сожалению, обнаружишь, что глаза почти у всех словно написаны по одному эскизу. Это значит, что творческое воображение Глазуно-ву-сыну еще надо, не жалея ни физических, ни духовных сил, развивать и развивать, если, конечно, это будет дано свыше. И в то же время, понимая отцовские чувства Ильи Сергеевича, я не хотел его, и без того обремененного многими проблемами, расстраивать...

Делать нечего, отправился к руководителю портретной мастерской, и, как на духу, не пряча взгляда, все ему рассказал. Слепушкин, этот добрый, этот мудрый человек, конечно, меня понял и, может быть, даже великодушно простил, но по вдруг ставшим печальными глазам было видно, что все-таки он, пусть не сильно, путь на короткое время, но

обиделся. Тысячу раз извинился перед ним — и сам, как побитая собака, ушел. Вечером позвонил молодому Глазунову:

— Иван Ильич, ваш отец хочет, чтобы его портрет для моего собрания живописи написали именно вы. Что думаете по этому поводу?

— Что думаю? Что думаю? Пока ровным счетом ничего! При принятии какого-нибудь решения в отношении вашего заказа надо, как в народе говорят, сто раз отмерить и только потом резать!

— Так-то оно так, Иван Ильич! Но есть и другая поговорка, не в меньшей мере любимая народом: «Дорога ложка к обеду!..»

— Да, Иван Иванович, у нас с вами в этот раз получается, как в еще одной широко известной поговорке: «Вынь да положи!..»

— И что же из этого выходит?

— Только одно — принять заказ, но при условии, что напишу даром!

— Это ваше достойное право, — понимающе одобрил его я, — но давайте сразу, так сказать, на суше, пока не поплыли в одной лодке, причем очень вертлявой, накрепко условимся, что тянуть с выполнением заказа не будете! Журавля, с учетом вашего молодого возраста, еще поймаете, я имею в виду широкомаштабную сюжетную историческую картину, а синица, можно сказать, уже у вас трепещет в кармане!

Жизнь шла своим чередом, больше в печалях, чем в радостях, неделя проходила за неделей, а известий

о том, как пишется портрет, да и пишется ли вообще, — ни от Ивана Ильича, ни от самого Ильи Сергеевича все не было. И мне тогда подумалось — но ведь еще есть и Слепушкин, пусть подчиненный как руководитель мастерской портрета ректору, но в случае с написанием его образа — человек совершенно независимый, имеющий полное право по-своему выразить на полотне красками образ учителя. Да и получалось так, что я своим заказом, естественно, не ведая того, но взял и, ни много ни мало, а убил его сокровенную мечту: написать с натуры прижизненный портрет человека, чьему учению, как один из учеников Христа, не только свято следовал сам, но приобщал к нему своих учеников!

Наконец, понимая, что имею полное право, как заказчик, интересоваться ходом выполнения заказа, я не выдержал и при очередной встрече с Ильей Сергеевичем Глазуновым, выбрав соответствующую минуту, без обиняков, что говорится, напрямую задал вопрос:

— А как портрет-то? Готов или еще нет?

— Иван Иванович, какой портрет, напомните?

— Да ваш, забыли?

— Ах, вспомнил! Ну, лучше бы вы о нем не напомнили!

— Что такое?

— Судите сами! — И, быстро подойдя к высокой стене, у которой один за другим чуть ли не до сере-

дины мастерской стояли вплотную лишь заготовленные холсты и уже написанные, Илья Сергеевич нервно повернул лицевой стороной один из них, совсем небольшой, размером восемьдесят на шестьдесят сантиметров, и при этом выжидающе молчал, но по его сосредоточенному вострому взгляду я понял, что своим неожиданным вопросом буквально взорвал его душу. Чего было больше в ней — отцовского сожаления, что к его старшему сыну как человеку, решившему посвятить себя живописи, все же относится, какой бы грустной ни была, совершенно верная поговорка: «Природа на детях гениев отдыхает!..», или сознание оплошности, само собой выразившейся в том, что по своей незлобивой прихоти, мол, наконец, Иван покажет, что тоже не лыком шит, что щи не лаптями хлебал, сделал свидетелем одной из слабых художественных сторон, а, может, и серьезного провала в многолетнем образовании родного сына, по сути, совершенно чужого человека, — увы, не знаю. Тем не менее, тогда мне Илью Сергеевича стало искренне жаль...

А мое рассматривание почти законченной работы продолжалось, хотя тогда я многое бы отдал, чтобы избежать этого, ибо про себя, со смешанным чувством сожаления и печали, вновь и вновь отмечал, что она ну совсем не удалась. Но вслух, на всякий случай, предпочел ничего не говорить, надеясь, что портрети-

руемый не выдержит игры в обоюдное молчание — все объяснит сам. Так и получилось.

— Иван Иванович, что так упрямо молчите?! — закурив новую сигарету и глубоко вдохнув прогорклый дым, спросил, наконец, Глазунов. — А, впрочем, говорить действительно нечего... Иван Ильич, мой дорогой сын, к сожалению, в работе продолжает видеть во мне только сильно состарившегося, пусть и горячо любимого отца... А вам-то нужен образ художника, творца! Или я не прав?

— А что говорить... — с трудом ответил я. — Сегодня главное то, что вы по отношению к портрету совершенно правы, сами лучше, чем кто-либо другой, понимаете, в чем его слабость или, наоборот, значимость. — И с горечью в назидание себе, как утопающий вдруг среди бушующих волн поймавший перепуганным взглядом обломок потерпевшего крушение корабля, спасительно подумал: «А Слепушкин бы справился. Как теперь быть, право, и не знаю». И все-таки я решил не сдаваться — едва Илья Сергеевич, от еще одной выкуренной как на автомате сигарете, несколько остыл душой, я, зная, что иду самым настоящим образом напролом, за что запросто могу получить на орехи, спросил:

— И все-таки, что будем делать с заказом — аннулировать?

— Конечно! Другого выхода я не вижу!

— А, может, — была не была! — еще раз, только с большей целеустремленностью попробовать, ведь, как известно, первый блин и у хорошей хозяйки-стряпухи почти всегда комом выходит?

— Блин?... Да! И, представьте себе, даже у первоклассного мастера любая художественная работа запросто может не получиться! В этом всегда кроется очень много серьезных причин, но главная из них состоит в том, что художник на самом начальном этапе работы над воплощением в жизнь образа глубоко не прочувствовал его. А он ведь тоже, словно человеческий организм, живой, то есть постоянно находится в движении, претерпевает разное давление на себя как добрых, так и злых сил — не учесть хоть малую долю их, значит, не внести вовремя необходимые изменения в работу, и тогда от всех твоих грандиозных планов, суливших признание, деньги, славу и, может, даже бессмертие, только жалкий пшик останется! — При этих последних словах Глазунов невольно бросил, казалось бы, беглый взгляд на почти законченную работу Ивана, но ему и этого было достаточно, чтобы, словно споткнувшись о случайное большущее бревно, которое действительно не объехать, не перепрыгнуть, отвести грустный взгляд куда-то за окно. — Эх!.. — выдохнул он и надолго замолчал.

С тех пор прошло-пролетело, как небо хотело, еще несколько исполненных огромного труда и вечного

учения жизни человеческой суровых рыночных лет. За это время, конечно же, у Дмитрия Слепушкина от обиды, если, конечно, она была, и след простыл. И как-то, забирая у него в мастерской очередную купленную сюжетную работу, я, как бы между прочим, но почти как уже о решенном вопросе, степенно произнес:

— Дима, друг, а гения-то надо написать во что бы то ни стало!

— Это вы об Илье Сергеевиче?!

— Ну конечно! — воскликнул я и тут же добавил: — Или у нас в отечественной живописи есть другой, равный ему?

— Уверен, как и вы, что нет!

— Вот-вот! И кому же, в таком случае, как не лучшему ученику, слава богу, живого и здравствующего гения, ради исторической справедливости написать его портрет? Молчи!.. Отвечу сам: «Некому!»

— Да быть такого не может! И тут ваши коллекционерские штучки не пройдут. За доказательством далеко ходить не надо! Загляните к тому же Павлу Рыженко или к новому протезу ректора Николаю Сидорову — да они на ваших условиях кого угодно напишут!

— Согласен, напишут! Но ты ведь знаешь, что надо именно Глазунова! Мастерства им и в самом деле не занимать, но такой благодарной души, так любящей чисто по-человечески своего учителя, у них нет и быть не может! Не возражай, повторяю — не может! Потому что для тебя Глазунов — первый и последний учи-

тель, а для них — только справедливый ректор, которого они на самом деле уважают и высоко ценят!

— Иван Иванович, может, вы и правы, ведь со стороны чаще всего и впрямь виднее, тем более вам, везущему, так сказать, на общественных началах, огромный воз академических и музейных проблем, которые Илья Сергеевич на правах старшего товарища только знай — подкладывает!

— Ну, вот и договорились до главного, а именно — если я по своей воле впрягаюсь вместе с ректором в художественную, одну из самых тяжелых на свете, повозку, то тебе, милый друг, причем совсем не за малые деньги, отказываться дальше — просто грех несусветный! Так что все отговорки — в сторону!

— Да я разве против?! — в душе соглашаясь со мной, произнес Слепушкин. — Но тогда как-то у нас с вами не сложилось... Помните?

— Помню! Как не помнить! Но, во-первых, кто старое вспомнит, у того глаз вон! А, во-вторых, ты же прекрасно знаешь, что моей вины в отзыве заказа нет! И потом многое, по какой-то причине не сложившееся, в конце концов, приводит к лучшему!.. Я это говорю в том смысле, что ты наверняка за прошедшее время, не раз и не два думая над написанием портрета своего учителя, внес в него такие существенные коррективы, о которых прежде даже и сам не догадывался! Я верно говорю?

— Да! Теперь я действительно вижу его совершенно в новом свете, а именно — в образе художника, находящегося в процессе своего творчества! И это, если напишется, то будет не портрет, а сюжетная картина! Может, я покажусь нескромным, но, кажется, что так Илью Сергеевича еще никто не писал, по крайней мере, из художников новой волны!

— Ну и замечательно! Скорей натягивай холст — и вперед! Какой смысл тянуть, когда сюжет работы продуман до мелочей? Никакого! По крайней мере, попробовать начать воплощать его в жизнь стоит!

— Эх, Иван Иванович, ну куда же от вас денешься — попробую...

И он попробовал, да так, что, когда я приехал к нему в мастерскую и увидел законченный портрет, моему восхищению не было предела:

— Дима, дорогой, и в самом деле вышел из-под твоей искусной кисти не портрет, а самая настоящая замечательная картина, правда, на первый взгляд может показаться, что без сложного сюжета, но все равно, еще раз повторяю, картина! Ну, ты и молодец, ну, ты и мастер!

— Старался, шибко старался, все, что мог отдать от вдохновенной души, отдал, — и теперь чувствую себя опустошенным! Ну, хоть вместо колокола меня на звонницу подвешивай — и бей, что есть силы, — звон такой над округой волнами пойдет, что прихожане из всех близлежащих деревень сбегутся поглазеть: что это за чудо такое издает не чу-

гунный, не медный, не даже серебряный, а удивительно счастливый гул, идущий из самой глубины моей души! Ведь, Иван Иванович, заказ-то я выполнил особенный и для меня, не менее чем для вас, дорогой!

Я прекрасно знал, что молодой художник не кривит страстной душой, любящей все прекрасное, поскольку не раз бывал свидетелем сыновьего отношения благодарного ученика к своему кумиру!

А я уже явственно, со светлой душевной радостью представлял, как неповторимая картина-портрет будет занимать самое достойное место в главном зале моего будущего музея. И восхищенные почитатели таланта великого художника, уже более полвека, с того самого эпохального дня, когда еще в широких кругах не известный молодой студент, путь и старшего курса, смог каким-то чудом пробить свою персональную выставку в Большом манеже! — неустанно и заинтересованно следят за развитием его живописного дара, ей-богу, посланного самим Господом!

Картина Слепушкина изображает убеленного сединой мастера, который совсем недавно закончил большую работу над живописным полотном, названным «Венецианское адажио», — об этом свидетельствует пестрая палитра с еще не высохшими красками, выдавленными из многочисленных тюбиков, влажно поблескивавшая в дневном свете и лежащая на самом краю подставки,

поверх старых красок. Сделал он это, скорей всего, второпях, небрежно — в душевном, крылатом порыве, что наконец-то последний, такой трудный, такой важный мазок сделан! И вот он поздним утром, когда уже за раскрытым окном во все голоса поют садовые птицы, перед тем как ехать в академию, одетый с иголочки в шикарный темно-синий костюм, подчиняясь неодолимому душевному зову, решил свежим, зорким взглядом еще раз как бы со стороны посмотреть законченную работу: все ли написано верно, не надо ли что-нибудь поправить... Убедившись, что и в этот раз он все, что сурово диктовалось свыше, сделал, выстрадал, вымучил, сел спиной к полотну, закурил любимую сигарету, затянулся и глубоко задумался. Над чем? Конечно же, как любой настоящий мастер, над новой работой, поскольку самая лучшая картина — это та, которая еще не написана! Вот такой вроде бы обычный сюжет...

6

Говорить о художественном гении Глазунова без учета его гражданской позиции — бесперспективно, ибо художник, может, как никто другой, еще и человек, горячо, беззаветно любящий все национальное, все русское — от глубокой древности и до наших дней. И, скорее всего, без этого глубинного чувства мастер никогда бы не раскрылся во всю свою великую, я бы даже

сказал, сверхчеловеческую природную духовную мощь! Как-то в одной из телевизионных прозападно настроенных передач, куда его неожиданно пригласили с четкой целью: унижить, поставить, нет, выставить в самом негативном свете, а вместе с ним и весь русский народ, он, ничуть не смущаясь многочисленной либеральной публики, взявшей за моду охаивать все национальное, гордо заявил: «Русский тот, кто любит Россию!» И в передаче, где большинство спорящих были явно настроены не столько против художника, а самого государства, не нашлось ни одного человека, который решился бы этому, прозвучавшему в эфир, как гром среди ясного дня, высказыванию что-либо противопоставить. Да и как? Ведь емче и, в то же время, глубже формулы развития братских отношений между народами нашего многонационального отечества просто быть не может!

«Неожиданно пригласили» — я сказал не зря, ибо отечественное телевидение да и печатная пресса тоже не очень-то расположены доносить до массового зрителя, а, вернее, до глубинного корневого русского народа, исполненные по воле свыше глубокой любви, веры в будущее проникновенные, а часто и просто пророческие слова великого сына России.

Илья Сергеевич всегда старался держаться в стороне от любой политики, никогда не состоял ни в одной партии, хотя его мировая извест-

ность не давала, да что там! — и сегодня не дает покоя многим дельцам от политики. Он считал, что художник должен быть свободным в своем выборе, никакие, в том числе идеологические, рамки не должны даже косвенно стеснять творческий полет его образных мыслей. И все-таки, как в случае с написанием дипломной работы, он не смог не высказать своего отношения к расстрелу Белого дома в 1993 году. С присущей всем его картинам глубокой, исторической ли, современной ли, правдой он и на этом полотне художественно-выразительно показал все, как на самом деле происходило в те крайне суровые октябрьские дни. Показал настолько сильно, что, когда в Большом манеже проходила его очередная персональная выставка, сам тогдашний президент страны, естественно, не без подсказки ближних помощников, весьма далеких от настоящей, уходящей корнями в многовековую глубину национальной истории, культуры, живописи, но очень близких к закулисной административной кремлевской возне, и, конечно, по идеологическим соображениям, не смог не посетить ее.

Глазуновская персональная выставка и в этот раз вызвала самый настоящий фурор, если не сказать больше. А ведь в то далекое время шестидесятых годов никакой рекламы практически не существовало, газеты специального сообщения не печатали. Работала одна, но самая верная связь — это мощный порыв

души, истосковавшейся по правде, в том числе и живописи. Люди из напрочь разграбленной, брошенной власть предержащими, по сути, просто умирать, провинции, тем не менее, целыми поездами съезжались в столицу и спешили к Большому манежу, не отставали от них и горожане. У входа образовывались большие скопления любителей настоящего, правду несущего творчества, выстраивались длинные, многочасовые очереди, опоясывающие живым кольцом все огромное выставочное здание.

Когда я перед самым открытием очередного выставочного дня еще далеко до подхода к Манежу увидел торжество творчества народного гения, о котором более чем красноречиво говорило огромное число желающих посетить выставку, то невольно подумал: «Прямо, как в недавнее советское время к мавзолею В.И. Ленина!» Дождавшись, наконец, своей очереди, я вошел в здание. Первое, что бросилось в глаза — это то, что люди, восхитившись картинами великого мастера, выстраивались теперь уже в очереди к столам, на которых лежали специальные альбомы, куда каждый желающий записывал свои впечатления, подавляющим числом благодарственные, с пожеланием гению здоровья и новых великих творений! А когда я выходил, то передо мной шли несколько женщин и восторженно между собой делились впечатлениями от увиденного. Одна из них про-

изнесла: «Знаете, подружки, я как будто глотнула свежего, очищающего лесного воздуха! Замечательно! А как правдиво!»

Не потому ли по воле свыше для того, чтобы выстоять в грядущей жизненной борьбе, закалиться, как булатная сталь, духом, и начинался тернистый путь будущего национального гения ох как непросто! Оканчивая в Ленинграде Академию живописи имени Репина, он для своей дипломной работы выбрал тему войны, ее тяжелейших первых месяцев, когда «непобедимая» Красная армия, несмотря на затяжные кровопролитные бои, в которых несла многочисленные материальные и людские потери, все отступала и отступала, оставляя на поругание врагу тысячи сел, сотни городов и, конечно, миллионы старух, женщин и детей! Но стыдно сознавать, что, когда через целых четыре года Победа, наконец, пришла в наш дом, власть предержащие, вместо того чтобы показаться перед народом за все ошибки, особенно начального периода войны, можно сказать, на крови миллионов и миллионов, убитых на фронте, замученных в колымских и других многочисленных лагерях, ликовала!

Картина «Дороги войны», на мой взыскательный взгляд, удалась как никакая другая! Так в живописи не часто, но бывает: первая самостоятельная работа — и сразу шедевр! Я и сегодня настойчиво и в полной мере обоснованно считаю ее одной из лучших работ Глазунова. Но тог-

дашнему руководству академии она показалась слишком уж смелой и ну никак не вписывающейся в советские идеологические победные рамки того времени. Как можно изображать на полотне изможденные, усталые вконец лица солдат отступающих войск, растерянные, печальные глаза беженцев с жалкими узелками вещей, которые под непрерывными бомбежками и артобстрелом удалось каким-то чудом захватить с собой, когда, пусть через четыре года кровопролитных сражений, пусть потеряв огромное количество человеческих жизней, но все-таки Красная армия победоносно закончила войну в самом сердце гитлеровской Германии — в Берлине, с водружением красного флага на самом Рейхстаге!

Руководство академии дипломную работу молодого Глазунова признало чуть ли не вредительской, по крайней мере, не соответствующей строгим рамкам тогдашней идеологии. Но, справедливо признавая за выпускником несомненный талант, все же позволило ему защититься по небольшой, написанной несколько лет назад, когда молодой художник выезжал на летнюю практику в один из передовых совхозов, картине «Рождение теленка». А после этого, так сказать, от греха подалее, отправило по распределению, как в ссылку, в глубинку — простым преподавателем черчения в одну из сельских средних школ. Понятно, сослать можно даже и туда, где Макар телят не пас, но заставить

замолчать, не заявлять о себе во весь голос — невозможно. Рано или поздно о нем заговорят, его востребуют, в том числе и сама власть предрежащая. К счастью, так и получилось.

Многие художники, не получая от государства серьезных заказов написание эпических сложно-сюжетных картин, зарабатывали в прошлом и, к сожалению, зарабатывают сегодня написанием ничего не значащих натюрмортов, пейзажей, а если крупно повезет, то и портретов по случаю какого-нибудь торжества заказчика. Не избежал этой распространенной, но все же печальной участи и молодой гений. Однако он не стал разбрасываться по жанрам, а сфокусировал в основном свое творческое внимание на писании портретов современников, неважно, были ли они заказаны или писались по зову сердца. Они получались настолько выразительными, так достоверно передавали живой взгляд, душу человеческую, натруженные руки, что весть о новом выдающемся мастере в течение нескольких лет разлетелась по всему миру.

Сразу за этим в адрес партийного и советского руководства пошли высочайшие просьбы-заказы для написания портрета того или иного президента, короля, министра зарубежья именно художником Глазуновым, который, надо признать, в то время даже не только не был принят в члены Союза художников, но и не числился даже в отделе

кадров Министерства культуры! Вот промах так промах, готовый быстро перерасти в международный скандал! И тогдашним властью предрежащим ничего не оставалось, как приказом министра культуры через местное партийное руководство вызвать из провинциальной глуши восходящую звезду живописи, о которой многие, даже имеющие к культуре прямое отношение местные чиновники, не могли себе и в голову взять, что именно в их провинции год за годом рос и креп такой талант, которому по воле свыше будет дано потрясти не только весь художественный мир, но и многих тогдашних руководителей иностранных государств! Сразу же по возвращении в столицу Глазунов, естественно, под приглядом вездесущих сотрудников КГБ, был отправлен в длительную заграничную творческую командировку писать портреты великих мира сего! Все и в этот раз вышло согласно нашей национальной поговорке: «Из грязи — в князи...» По-другому до сих пор ну никак не умеем! А я думаю — не хотим!

Так, обладая с рождения громадным трудолюбием, помноженным на ниспосланный свыше неповторимый талант, начинался, вернее, пробивался через тернии протертых до дыр и потому изживших себя партийных установок и художественных закостенелых догм изображать в первую очередь ударников труда, строителей мирового коммунизма наш великий Глазунов. Увы, не бла-

годаря судьбе, а вопреки ей, Российское государство приобрело в лице Ильи Сергеевича самобытного художника-летописца, мастера с мировым именем! Кстати, при этом бесцеремонно получая в казну за заграничные портреты миллионы долларов, а автору бесценных работ нагло платя сущие гроши, да и то в рублях...

7

Часто вспоминается, как несколько лет спустя после нашего знакомства, я после окончания рабочего дня отправился в гости. На проезжих полотнах улиц плотность движения машин неуклонно, как морская вода во время прилива, увеличивалась и увеличивалась, образуя пресловутые многокилометровые пробки. Напрочь застряв в одной из них, я от бессилия ругался про себя чуть ли не отборным, ядреным матом, как бывало у нас в Якутии в такой нестерпимо лютый мороз, что воробей, наудачу вылетевший за подводой, перевозящей зерно, вдруг, промерзнув насквозь, камнем замертво рушится в снег. И все-таки, пусть почерепашьи, но продвигался к заветному дому...

Добродушный хозяин встретил меня в прихожей, помог снять легкую, непромокаемую куртку и сразу же провел по уже давно знакомо поскрипывающей лестнице в мастерскую на второй этаж, чьи высокие стены были величественно украше-

ны огромными портретами Екатерины Великой, выполненные самыми талантливыми учениками гениального Федора Степановича Рокотова! На железобетонных квадратных массивных балках, гладко оштукатуренных и украшенных итальянской лепниной, лежал потолок темно-зеленого цвета, с которого на крепких кольцевых цепях свисало несколько золоченых люстр с лампочками, мастерски сделанными под форму горящего на легком ветру кострового пламени. По всему периметру гостиной в несущие стены были наполовину вмонтированы через равные интервалы цвета слоновой кости массивные колонны с фигурными пилястрами. Пол, по всей площади выложенный «в елочку», до блеска тщательно натертый мастикой, из-за слабого дневного освещения, плохо проникавшего с улицы через довольно большие, но, почти всегда наполовину зашторенные тяжелые гардины, находился в светлой полутени. И только вечером, когда в гостиной собирались знакомые, друзья, ну и, конечно, очень нужные хозяину для решения вопросов по строительству государственного музея важные люди, весь верхний свет одновременно зажигали, и паркет выдавал всю рукотворную красоту настолько полно и естественно, что казалось: под ногами горит теплое темно-золотистое пламя! Кроме возгласов восторга и даже ликования ничего другого у присутствовавших это не вызывало!

Даже не остановившись в гостинице, Глазунов быстро провел меня в мастерскую. Там подошел к высокой стопке готовых к использованию натянутых чистых холстов, оперся боком на нее и закурил свою очередную сигарету, показывая мне таким образом, что все, находящееся в мастерской в этот вечер, в моем полном ознакомительном распоряжении. Естественно, приглашать меня заняться любимым делом было не нужно, и я сразу же, чуть не вприпрыжку, как ребенок, которому впервые разрешили покататься на пределе его мечтаний — взрослом, да к тому же гоночном велосипеде, подлетел к совершенно не знакомой мне картине! Это было не что иное, как только что написанный, сразу по возвращении из очередной поездки со студентами по Италии, «Закат Европы». Я был не столько поражен редким мастерством автора, сколько той громадной, можно даже смело сказать, общечеловеческой темой: «Переселение народов...», которую все политики старушки Европы не смели даже в узких кулуарных разговорах упоминать. Глазунов, со всей присущей только ему одному изобличительной правдой, художественной силой, ничуть не уступая великому Салтыкову-Щедрину, а, может быть, даже и превосходя его, не только красноречиво, показательно изобличал, но и во весь голос горько предсказывал печальное будущее Европы, ну а если еще точнее сказать,

ее медленное, словно в жуткой агонии, неизменное крушение! Я и сегодня, спустя более десяти лет, отношу ее к десятку самых честных, самых актуальных и, конечно, самых высокохудожественных сюжетных поздних полотен мастера.

После, так сказать, официальной части — так у нас назывался час просмотра новых, а заодно с ними и старых картин — Илья Сергеевич отошел к стене, вновь закурил сигарету и спокойно смотрел, как я, немного успокоившись от просмотра «Заката Европы», продолжаю рассматривать картины, написанные ранее, еще в начале двухтысячных годов. Вдруг мне на глаза попало одно из моих любимых полотен, правда, не подлинник, а авторская копия, но выполненная одна в одну с оригиналом «Венецианское адажио». На фоне высоких, неукротимо вырастающих, как громадные волны из темно-зеленой, всегда таинственной, и потому мрачной морской глубины, старинных каменных домов с всевозможными башенками, словно ласточкины гнезда, лепившимися на самых углах треугольных фронтонов крыш, крытых жженой свет-ло-красной черепицей, у одного из стрельчатых окон с раскрытыми нараспашку узорчатыми ставнями сидит молодая и очень красивая женщина — жена и муза мастера. Одна рука, украшенная золотыми кольцами, искусно инструктированными драгоценными камнями, лежит на

плоской плите, а другой она подчеркнута небрежно подпирает тонкий подбородок. Ее миндалевидные, открытые настежь глаза каким-то внутренним зрением погружены в неподвластную никакой морской пучине глубину несказанных чувств святого ожидания первого ребенка! В высоком южном небе, на фоне бескрайней пронзительно-яркой сини плывут и плывут, подгоняемые ветром, пропахшим рыбной чешуей и морскими водорослями, пурпурно подсвеченные полуденным золотым солнцем знаменитые глазуновские всполохи светло-дымчатых облаков.

Илья Сергеевич, заметив мой восхищенный взор, порывисто обращенный на любимое полотно, нарушил молчание:

— Это я несколько лет назад написал на заказ одному бывшему, очень богатому и высокопоставленному чиновнику одной из южных стран СНГ, но, к сожалению, его на родине убили в каких-то то ли политических, то ли экономических разборках, вот работа и осталась...

Я прежде никогда, даже из намеренного чувства любопытства, собственного многим коллекционерам с большим стажем, без дела не заводил разговор о стоимости той или другой заинтересовавшей меня картины, но в этот раз почему-то напрямик спросил:

— Илья Сергеевич, если не секрет, скажите, пожалуйста, сколько вам за эту прекрасную работу

денег, естественно, в валюте, обещали?

— С удовольствием скажу, тем более что у меня от друзей секретов не бывает — сто пятьдесят тысяч американских долларов! А что, Иван Иванович, вам действительно работа очень пришлась по душе?

— Не скрою, по душе.

— Так купите ее!

— Илья Сергеевич, ну что вы такое говорите! — чуть не вскрикнул я и даже был готов всерьез обидеться, посчитав данное предложение за насмешку, ведь художник прекрасно знал, что у меня никогда больше десяти, край, двадцати тысяч в запасе не бывает. — Откуда у меня такие деньги! Конечно, я не беден, но и не настолько богат!

— Хорошо, дайте за нее столько, сколько вам позволяет бюджет...

— В настоящее время у меня вообще свободных денег нет!

— Ну, Иван Иванович, — на полном серьезе произнес Глазунов, — в таком случае, я прошу вас от всей души принять ее в подарок. И не смотрите так удивленно, берите — она ваша.

— Илья Сергеевич, премного благодарен вам, но такого щедрого подарка принять никак не могу, не обижайтесь.

— Как не можете принять? Вы что, не друг мне?

— Извините, но пока назвать себя вашим другом не могу, — твердо сказал я и спокойно посмотрел

в глаза мастера. В них легко читалась не обида, а оторопь и громадное удивление. Но через несколько мгновений, придя в себя, он голосом, почти перешедшим на шепот, спросил:

— Если, оказывается, вы мне не друг, то тогда кто же?!

Сразу поняв по тону, что все-таки обидел щедрую душу мастера, я примирительно, с доброй улыбкой, как можно вежливей, ответил:

— Илья Сергеевич, в настоящее время я — один из самых преданных почитателей вашего огромного таланта. Пройдет еще какое-то время, и оно, как самый беспристрастный судья, безошибочно определит, кем мы с вами, на самом деле, являемся друг для друга.

Великий художник внимательно выслушал меня, и, так как ответ его, видимо, удовлетворил, просто попросил пройти на ужин, но в этот раз не в гостиную, как обычно, а в соседний с ней зал. Он был спроектирован, как и весь дом, вплоть до позолоченной люстры, самим хозяином и представлял собой довольно простое помещение прямоугольной формы, с высокими потолками, украшенными выполненной в классическом стиле лепниной, с двумя большими окнами, выходящими во двор, где чуть в отдалении переливались золотом в скупых лучах неяркого осеннего солнца маковки и кресты небольшой, но на удивление красивой церкви. Посередине зала стоял большой,

из дорогого дерева, продолговатый, с закругленными углами, мастерски отполированный стол, одна половина которого уже была накрыта к ужину.

В этот раз, как почти и во все предыдущие, на второе подали свежего, приготовленного на гриле норвежского лосося, к которому в качестве гарнира были предложены так же грилевые помидоры. Илья Сергеевич сам давно уже ни грамма не пил, но знал, что я никогда не откажусь от прекрасного армянского или французского коньяка. Поэтому на столе, ближе к моему месту, уже заранее были поставлены бутылка «Хеннеси» и коньячная рюмка. Сев за стол, я все же настоятельно попросил еще одну рюмку, и, когда ее принесли, поставил перед мастером и плеснул в нее немного коньяку, так сказать, для порядка, ну а потом — и себе. Весь ужин Илья Сергеевич, подперев левой рукой подбородок, как-то уж слишком откровенно и задумчиво смотрел, я бы даже сказал, упорно вглядывался в меня, словно пытался проникнуть в самую глубь души моей. А я, с удовольствием попивая коньяк и поедая вкусного норвежского лосося, старался ему не мешать. Разговор сам не заводил, а лишь отвечал на те вопросы, которые время от времени задавал художник. Вдруг в самом конце ужина он, затушив в блюдце с водой очередную сигарету, произнес:

— А я, Иван Иванович, смотрел, смотрел на вас и понял, какого именно подарка вы заслуживаете — я непременно напишу ваш портрет!

Я мог ожидать чего угодно, но только не этого! Нет, такого быть не может, чтобы великий портретист пожелал писать меня, простого русского поэта! С какой стати?! За какие такие великие заслуги?! От такого предложения я чуть не поперхнулся. Однако, откашлявшись, решительно ответил:

— Илья Сергеевич, я знаю, что самая низкая цена, за которую вы соглашаетесь писать портрет, примерно равна пятидесяти тысячам американских долларов. У меня такой суммы нет, и в ближайшем будущем не предвидится, ибо я все свободные деньги, тяжким трудом зарабатываемые на крестьянском хозяйстве, трачу на приобретение картин у ваших учеников, но если все-таки когда-нибудь мне крупно повезет, и я разбогатею, то обязательно вам попозирую! А пока второй раз за сегодняшний вечер благодарю вас за столь трогательную и высокую заботу, которую вы с таким радушием проявляете к моей более чем скромной персоне.

— Иван Иванович! Ну как вы не поймете, что с друзьями, которых искренне и исключительно по достоинству ценю, деньги, даже самые малые, за портреты я не беру, каких бы трудов они мне ни стоили! А вас действительно хочу запечатлеть непре-

менно в образе поэта, как одного из талантливых современных лириков, очень плодотворно работающих в классическом направлении, талантливого настолько, что ваш портрет поэта должен занять достойное место в Государственном музее! Я даже знаю, рядом с кем из больших русских писателей, чьи образы я вдохновенно и с любовью в недавнем прошлом создал. Извините, но я, в первую очередь, все же думаю о нашей матушке России! Ее можем будущем! И вам, мой дорогой, надлежит всегда и во всем непременно глубоко мыслить и вдохновенно жить только в такой справедливой последовательности!

— Согласен, Илья Сергеевич! Только не надо забывать, что в этой, ох какой сложной, а порой и подлой жизни за все надо платить, в том числе и за горе, а за счастье — по двойной, а, может быть, и по тройной цене!

Поздний ужин, как повелось с начала нашего доброго знакомства, закончился глубокой ночью, примерно часа в два. Самый короткий обратный путь домой пролегал по Беговой улице с выездом на Хорошевское шоссе. Я так и поехал на своем любимом «саабе», совсем не подозревая, какой дорожный «сюрприз» меня поджидает. В самом конце широченного моста я вдруг увидел стоящий с левой стороны совместный пост ГАИ и медиков. Дорожное полотно было совершенно пустое —

спрятаться за какую-либо машину не представлялось никакой возможности. К тому же я, как и положено, заранее включил левый световой сигнал поворота. Расстроено подумав: «Будь что будет!» — я аккуратно, с соблюдением всех правил, свернул на первую полосу и припарковался у пешеходной узкой полосы, упиравшейся в массивный парапет, — и тут же вытянутая рука со светящейся в темноте электрической палочкой опустилась, и, подойдя ко мне, гаишник произнес:

— Сотрудник ГАИ капитан Петров! Предъявите, пожалуйста, документы: права вождения и технический паспорт, а сами пройдите в медицинскую машину.

«Вот влип, так влип! — лихорадочно подумал я. — Ведь за управление машиной в нетрезвом виде точно лишат водительских прав! Да еще, наверное, немалый денежный штраф выпишут!..» Но делать нечего — с чувством сожаления, смешанного со стыдом, вышел из салона и, несколько раз глубоко вдохнув и с силой выдохнув ночной морозный воздух, низко пригнувшись, поднялся в микроавтобус и сел напротив человека в белом халате. Он сразу же записал мою фамилию в какую-то тетрадь и попросил дунуть в ненавистную всем российским водителям стеклянную трубочку. Я подул, врач посмотрел и, удивленно вскинув брови, попросил дунуть еще раз, только посильней. Дунул во второй раз — результат тот же, так сказать, нулевой... Врач пристально

взглянул на меня и в третий раз проделал со мной ту же процедуру. Но опять по показателям трубочки получалось, что я трезв, как стеклышко! Тогда доктор сочувственно спросил:

— Вы, случайно, не переутомились?

— Очень, доктор! — тотчас, не моргнув глазом, ответил я. — Слишком тяжелым был для меня весь рабочий день, а вечер — тем более...

Выглянув из санитарной машины, врач попросил инспектора вернуть мне водительские документы. Тот вернул и, четко взяв под козырек, добродушно пожелал счастливого пути!

Облегченно выдохнув, я, сев за руль и успокоившись, понял, что гаишная трубочка, скорее всего, не сработала из-за своеобразного состава моего желудочного сока, который каким-то природным образом как бы нейтрализует алкоголь. Несмотря на это, я, отъезжая от грозного поста, наивно подумал: «Ох, Илья Сергеевич, дорогой мой человечке, вы, оказывается, не только пишете гениальные картины, но каким-то чудесным образом, как Христос обыкновенную воду в прекрасное вино, превращаете чистейший коньяк в безалкогольный напиток... Фантастика, да и только!» □

Продолжение следует.

От редакции. В предыдущем номере на странице 89-й была допущена ошибка. Следует читать: «Вы к главному, Станиславу Юрьевичу?» Приносим свои извинения.

Ирина
Опимах

Любовь прекрасной куртизанки и знаменитого художника

*Портрет
Марты
де Флориан
кисти
Джованни
Болдини*

В 2010 году в Париже произошло событие, о котором рассказали своим читателям и слушателям репортеры всех крупнейших медиа мира. В 9-м округе, недалеко от площади Пигаль и Оперы Гарнье, люди вошли в квартиру, хозяйка которой умерла как раз в том 2010 году, — родственники захотели посмотреть на унаследованную ими недвижимость. Каково же было их потрясение, когда выяснилось, что 70 лет в эти апартаменты не ступала нога человека, и они попали в настоящий «замок спящей принцессы», как тут же образно назвали квартиру журналисты. Время тут словно остановилось. Посетители этой «капсулы времени» (еще одно название знаменитой квартиры), совершив прыжок из 21 века назад, в прошлое, оказались в бель эпок, в Прекрасной эпохе. Интерьер, мебель, мелочи и украшения — все это, сохранившееся фактически с начала XX века, прекрасно пережило катаклизмы ушедшего столетия. Уже одна обстановка квартиры делала ее невероятно ценным открытием. Но самой главной находкой стал великолепный портрет первой владелицы квартиры — Марты де Флориан, портрет, который раньше никто не видел. А написал его Джованни Болдини, великий певец Прекрасной эпохи и ее красавиц.

Не так давно на экраны мира вышел фильм Вуди Аллена «Полночь в Париже». Герой фильма совершает путешествия во времени и однажды попадает в Париж Прекрасной эпохи, этого недолгого периода всеобщего расцвета — конца XIX — начала XX веков. Бель эпок закончилась с началом Первой мировой, перевернувшей весь мир и заставившей содрогнуться от страшных сражений, унесших миллионы жизней, от ужасов нового, химического, оружия, безжалостно убивавшего всех без разбора. Вот почему многим

стало казаться, что до войны все было замечательно, красиво, изящно. Так родилось это определение — бель эпок, Прекрасная эпоха, когда все были счастливы, когда весь западный мир переживал невероятный подъем в экономике, когда ускоренными темпами развивались новые технологии, когда в самых разных странах создавались настоящие шедевры. Именно тогда рождались автомобилестроение и самолетостроение, кино, фотография и метро, быстро развивалась медицина, суффражистки стали бороться за свои пра-

ва, а в искусстве творили импрессионисты и постимпрессионисты, начинали свой творческий путь герои ар-нуво, модерна и модернизма.

Очень изменилась в те годы и жизнь простых горожан. Открывались рестораны и кафешантаны, в кабаре по вечерам звучали зажигательные мелодии, а на сцене можно было увидеть не менее зажигательные танцы очаровательных дам. На улицах в вечерние часы прогуливались роскошные красавицы в изящных туалетах, которые шили для них модные кутюрье. Некоторые из этих звезд полусвета были очень хороши. Пользуясь своей красотой, они сводили с ума состоятельных поклонников. Вот, к примеру Клеоде Мерод, танцовщица, чьи темпераментные «камбоджийские танцы»

не оставляли равнодушными никого. Она выступала на сценах Гамбурга и Берлина, Петербурга и Будапешта, Нью-Йорка и Парижа. Среди жертв ее необычной, яркой красоты был и король Бельгии Леопольд II (из-за этой истории парижане прозвали короля Клеопольдом). Или Лина Кавальери, танцовщица и певица, выступавшая в сопровождении дамского оркестра — прелестные музыкантши играли на гитарах и мандолинах. Голосок у нее был слабый, да и в танцах она уступала многим звездам тогдашней сцены, зато как же она была хороша! Ее называли самой красивой женщиной мира, а потому она стала самой популярной фотомоделью того времени. Ее фотографии раскупались в огромных количествах. Так, один

из петербургских продавцов в начале 1900-х утверждал, что продал около миллиона — миллиона! — открыток с ее изображением.

Когда она выступала в Петербурге, в нее страстно влюбился князь Александр Барятинский, принадлежавший к одному из самых богатых и знатных родов России. Причем влюбился так пылко, что даже решил жениться на этой даме полусвета. Однако ему не разрешили это сделать — офицеру, члену столь аристократического семейства, не пристало сочетаться законным браком с кафешантанной певичкой, да еще, как выяснилось, имевшей незаконного ребенка. Но ничто не могло помешать князю баловать подарками любимую женщину, а потому у нее постепенно собралась великолепная коллекция дорогих украшений, а кроме того, князь заказал ее пор-

tret самому модному портретисту того времени — Джузеппе Болдини. А еще он нанял ей прекрасных учителей пения, и Кавальери стала неплохой оперной певицей. Когда же пришло время уйти со сцены, она открыла косметический салон, завела колонку в дамском журнале, написала книгу «Мои секреты красоты» и стала сниматься в кино.

Говорили в те времена еще об одной красавице — Каролине Отеро. Она тоже была танцовщицей и певицей, и тоже стала одним из символов Прекрасной эпохи. Эта испанка была дочерью проститутки. В 12 лет она сбежала из дома и тоже стала зарабатывать на жизнь, продавая свое тело. И танцевала в кабаках. Однажды ее увидел в Барселоне некий банкир. Пораженный в самое сердце ее свежестью и шармом, он привез ее в Марсель. Потом она выступала а парижском театре Фоли-Бержер, в знаменитом зале «Олимпия». Узнали ее и в других европейских странах — она проехала с триумфальными гастролями по крупнейшим городам Австро-Венгрии, России, Аргентины и США. Будучи в России, познакомилась с самим Распутиным. Она была очень красива, эта Каролина Отеро, недаром среди ее поклонников были известные ценители женских прелестей — Вильгельм II, Николай II, Леопольд II, Альфонс XIII, Эдуард VII, Аристид Бриан, Габриеле Д'Аннунцио. Не раз из-за нее стрелялись на дуэлях — уж очень сильные чувства пробуждала она в мужских

сердцах. Уйдя со сцены, Отеро решила поселиться в Ницце. Она всегда отличалась азартом, обожала азартные игры и в конце жизни существовала на пособие, которое выплачивало ей казино Монте-Карло — в память о миллионах франков, которые Каролина Отеро проигрывала там в прежние времена.

Среди парижских красавиц славилась и Марта де Флориан. Марта родилась в августе 1864 года. У ее родителей, Жана и Генриетты Божерон, были еще дети — двое сыновей, умерших в младенчестве, и сестра Жозефина, младше ее на четыре года. Похоже, Марте с юных лет не были свойственны строгие моральные принципы и правила поведения. В 18 лет она родила своего первого сына. Отец неизвестен — так значилось в документах. Там же она указала и свою тогдашнюю профессию — вышивальщица. Анри — так называли ребенка — не прожил и года. Он умер, когда ему было всего три месяца. А потом в жизни хорошенькой Марты Божерон появился богатый банкир мсье Огюст Альбер Гастон Флориан Моллар. Солидный господин взял ее под свою опеку, и она даже решила называться Марта де Флориан. А вскоре у нее родился еще один сын, по-видимому, от банкира. Марта и его назвала Анри — в память о своем рано умершем ребенке. (Этому мальчику были суждены долгие годы — он умер в 1966-м.)

Сын нисколько не помешал Марте вести бурную жизнь — актриса, певи-

ца, она пользовалась успехом, и банкир Флориан был далеко не последним ее поклонником. Благодаря своей красоте она попала в высшее общество. Среди ее обожателей, причем, как правило, это были представители правящих кругов, были яркие фигуры того времени, к примеру, премьер-министры Франции Жорж Клемансо, Пьер-Вальдек-Руссо, и президенты страны Гастон Думерк и Поль Дешанель. Похоже, эта женщина была не только хороша, но и весьма неглупа. Так или иначе, деньги у нее имелись всегда. Она блистала на парижских суаре в роскошных туалетах, жила в роскошных квартирах. Последним ее домом стали изысканные апартаменты площадью 140 квадратных метров в доме номер 2 на площади ла Брюйер, недалеко от церкви Святой Троицы.

Красавица, дама полусвета, актриса Марта де Флориан скончалась на руках своего сына 29 августа 1939 года, в своей квартире. После ее смерти эту квартиру унаследовала ее внучка Соланж. Время было сложное, в Европе уже шла война, и в 1940-м году Соланж решила уехать из столицы. Подальше, на юг. Наверное, она планировала вернуться в Париж, но этого по непонятным причинам не случилось. Она исправно платила арендную плату, а потому городские власти не обращали на эту квартиру никакого внимания. Так и получилось, что туда семьдесят лет никто не входил. А потом мадам Соланж умерла, и ее родственники

с удивлением обнаружили существование забытой парижской квартиры.

Для оценки всего этого богатства пригласили экспертов. Им было что оценивать — мебель, посуда, картины, множество личных вещей, связки писем от поклонников Марты, трогательно перевязанные ленточками, чучело страуса, Микки Маус, статуэтки, зеркала и... огромный портрет очаровательной дамы в розовом. Мир бель эпок, оставшийся в далеком прошлом. Вещи, хозяйки которых уже давно не было в живых...

Среди специалистов, работавших в апартаментах Марты, был Оливье Шопен-Жанви. «Такое впечатление, что мы попали в замок Спящей красавицы, где время остановилось более ста лет назад», — писал он. Жанви пришел в восторг от всей обстановки, так великолепно сохранившейся и так ярко повествующей о давно ушедшей эпохе. Но, увидев великолепный портрет хозяйки квартиры, он просто онемел от восхищения. Портрет был действительно прекрасен, а автором его оказался знаменитый художник Прекрасной эпохи, сам Джованни Болдини!

Джованни Болдини родился в Ферраре 31 декабря 1842 года. В 1867 году он, окончив флорентийскую Академию художеств, приехал в Париж и увидел картины Эдуарда Мане. Они произвели огромное впечатление на молодого художника и во многом повлияли на его творчество. «Вы, мсье, чудовищно талант-

ливы», — как-то сказал Болдини Дега. И он был прав. Спустя годы Болдини сформировал свой стиль, оказавшийся весьма востребованным. Его заказчиками стали представители высшего света — выполненные им портреты элегантных красавиц и денди пользовались большим успехом и очень неплохо оплачивались. Незаметно для себя Болдини, можно сказать, создал портрет эпохи. Среди его героев были не только богачи, но и люди творческие, яркие, например, композитор Верди. Да и сам Болдини был словно персонажем своих картин — утонченный красавец, умевший вести светские беседы, а еще быть безукоризненно холодным и выдержанным, когда нужно, и страстным и горячим, когда этого требовали обстоятельства. Он писал настоящих красавиц и порой влюблялся в свои модели. Он любил женщин, этот итальянец.

На портрете дамы в розовом никаких подписей не было, однако авторство Болдини стало очевидно из найденной в квартире записки, причем весьма пылкого содержания. (Кстати, об этой картине упоминает в своих воспоминаниях вдова художника. Он написал этот портрет, утверждает мадам Болдини, в 1898 году, когда Марте было 24 года, и, судя по всему, она была в расцвете своей красоты.)

Итак, Болдини был влюблен в Марту. Мы не знаем, как они познакомились — наверное, на одном из светских вечеров, где она блистала

*Джованни
Болдини.
Автопортрет*

в сопровождении одного из своих поклонников, а Болдини был приглашен одним из своих заказчиков. Наверное, Болдини, увидев красавицу, захотел написать ее портрет и потом, после первых сеансов, влюбился в нее. А может, он сначала пал жертвой ее очарования, а уже потом захотел запечатлеть на холсте ее победительную красоту. Приходил к ней в эту квартиру, просил позировать, усаживал, как ему было нужно, а она, капризная, своевольная, быстро уставала, и тогда они находили способы отдохнуть. Неизвестно, как долго длилась их связь, но его любовь навсегда осталась в этом портрете. Очаровательная молодая женщина в розовом платье, лукавая, игривая, такая живая...

Болдини умер в 1931 году. Марта де Флориан пережила его на 6 лет.

Наследники Марты де Флориан решили выставить портрет на аукцион. Первоначальная цена была 300 000 евро. А потом картину увидел некий неизвестный коллекционер, который просто влюбился в нее. В результате картина ушла в его собрание. Он заплатил за право обладать этим шедевром Болдини 2 100 000 евро. Портрет Марты де Флориан стала самой дорогой картиной художника.

Так закончилась история забытой парижской квартиры, гнездышка одной из парижских дам полусвета времен бель эпок, история любви художника и прекрасной куртизанки. Эта история не забыта и сегодня, о ней пишут романы, снимают фильмы. □

Михаил ВРУБЕЛЬ

Конец 1890-х годов...

Врубель работал художником в Московской частной опере Саввы Мамонтова — создавал эскизы декораций для опер «Царская невеста», «Сказка о царе Салтане», «Псковитянка», «Садко».

Главные женские роли в спектаклях исполняла молодая талантливая певица, Надежда Забела, его жена. Все костюмы и даже грим для Надежды Ивановны он придумывал сам.

Надо сказать, что роль художника в опере Мамонтова была поднята на неслыханную высоту, и Врубель был главным советником по всему спектаклю. Не только писал кулисы и декорации, но и участвовал в обсуждении спектакля, в поисках актеров...

Художник влюбился в Забелу еще до того, как познакомился с ней, ему достаточно было услышать ее голос. А голос у Надежды Ивановны был особенный: «лирико-колоратурное сопрано какого-то особого, кристально-чистого неизъяснимо обаятельного тембра» — так о нем отзывались современники.

Н.А. Римский-Корсаков отдавал ей главные партии своих опер. Композитор М.Ф. Гнесин не скупился на эпитеты: «Ни с чем не сравнимый голос, легкий, нежно-свирельный и полный красок или, точнее, сменяющихся переливов одной какой-то краски, предельно выразительный, хотя и совершенно спокойно льющийся... И какой облик! Возможно ли было, раз увидев это существо, не обольститься им на всю жизнь! Эти широко расставленные сказочные глаза, пленительно-женственная, зазывно-недоуменная улыбка, тонкое гибкое тело и прекрасные, длинные руки...»

В 1896 году на репетиции оперы Хумпердинка «Гензель и Гретель» этот голос услышал Михаил Вру-

Портрет в тональности ля мажор

*Портрет артистки
Н.И. Забелы-Врубель,
жены художника,
в летнем
туалете «Empire»,
исполненном
по замыслу художника*

Михаилу Врубелю были подвластны все жанры изобразительного искусства — монументальная и станковая живопись, графика, декоративная скульптура, майолика, театральные декорации и костюмы. Его работы настолько оригинальны, что их можно узнать всегда. Но один портрет стоит в его творчестве особняком — он был написан в короткий период безоблачного счастья.

«Сирень»

Справа:
«Царевна
Волхова»
(Н.И. Забела-
Врубель)

бель. «...На одной из репетиций, — вспоминала Надежда Ивановна, — я во время перерыва (помню, стояла за кулисой) была поражена и даже несколько шокирована тем, что какой-то господин подбежал ко мне и, целуя мою руку, воскликнул: «Прелестный голос!» Стоявшая здесь Т.С. Любатович поспешила мне представить: «Наш художник Михаил Александрович Врубель, — и в сторону сказала мне: — Человек очень экспансивный, но вполне порядочный».

Так чувствителен к голосу Михаил Александрович был всегда. Он тогда еле мог разглядеть меня — на сцене было темно; но звук голоса ему понравился».

Признание в любви произошло в первые же дни знакомства. Сестра певицы заметила, что «Надя как-то особенно моложава и интересна, и сообразила, что это от атмосферы влюбленности, которой ее окружил именно этот Врубель». А сам Врубель потом говорил, что, «если бы она ему отказала, он лишил бы себя жизни».

Через два месяца они обручились, а в июле 1896 года, во время зарубежных гастролей Забелы, обвенчались в православной церкви в Женеве.

Врубель был очень музыкален, к его советам Надежда Ивановна всегда прислушивалась. Она писала сестре: «В Михаиле Александровиче я нахожу каждый день новые досто-

инства; во-первых, он необыкновенно кроткий и добрый, просто трогательный, кроме того, мне всегда с ним весело и удивительно легко. Я, безусловно, верю в его компетентность относительно пения, он будет мне полезен, и кажется, что мне удастся иметь на него влияние».

Часто желая похвалить пение человека, его сравнивают с соловьем. У Врубеля был обратный отсчет, он говорил: «Все певички поют как птицы, а Надя — как человек!» Это была высшая похвала.

Надежда Ивановна стала его музой, один из ее портретов, написанный в год женитьбы, так и назван — «Муза». Да, собственно, все прекрасные женские образы Врубеля навеяны ею — и «Царевна Лебедь», и «Царица Волхова», и «Сирень»...

Большинство из них — сказочные персонажи. А среди тех, что близки к реальности, особняком стоит «Портрет артистки Н.А. Забелы-Врубель, жены художника, в летнем туалете «Empire», исполненном по замыслу художника». В самом названии можно заметить любование Врубеля женой и гордость за нее. Портрет написан в 1898 году на хуторе Плиски, он как будто излучает безмятежную радость, которую в то время испытывали оба. Для Врубеля это был поздний брак, и, пожалуй, впервые он не чувствовал себя одиноким. Жизнь не баловала его: он рано потерял мать, колесил с отцом-офицером по стране, испытывал немало лишений во время учебы — сначала на юридическом факуль-

тете Петербургского университета, а потом в Академии художеств.

Надежда Ивановна внесла в его мир тепло, женское обаяние, нежность. Сама она пребывала в это

*«Царевна-
Лебедь»
(Н.И. Забела-
Врубель)*

Справа:
*«Демон
сидящий»*

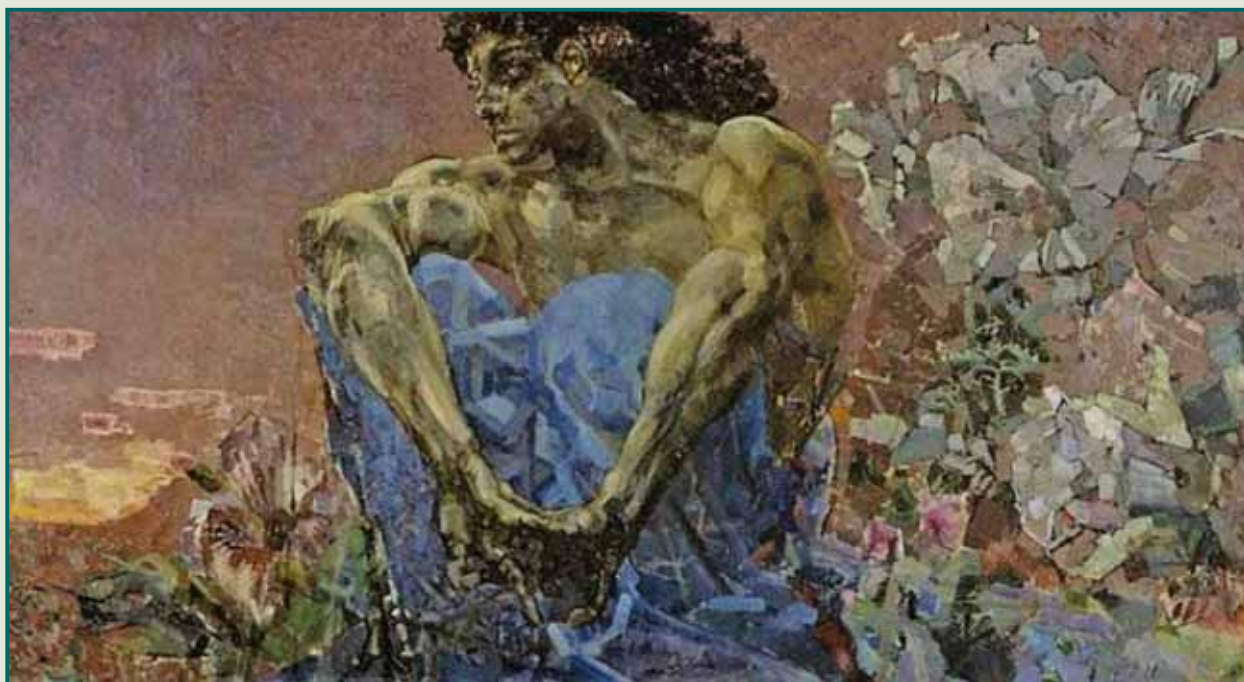
счастливого время «в тональности ля мажор» — так она определила свое душевное состояние в письме Римскому-Корсакову.

Портрет будто излучает свет...

Легкое платье из просвечивающей кисеи, шляпа, напоминающая белый лотос — любимый цветок художника... Лицо остается в тени, и, несмотря на солнечный колорит портрета, мягкую улыбку модели, в облике ее есть что-то таинственное. Фон написан дробными мазка-

ми, передающими мерцающий свет и, кажется, даже сам воздух. Легкие лиловые, серебристые, фишашковые оттенки должны были, по замыслу художника, воссоздать колорит перламутровой раковины...

Врубель был одним из лучших рисовальщиков своего времени и, несомненно, величайшим колористом. Постоянно ощущая необходимость поднять цветовой градус своих работ, он много экспериментировал

с красками, добиваясь почти невозможного — свечения, мерцания, сгущения, невидимой глубины цвета...

Эксперименты были слишком рискованными — краски не выдержали испытания временем, и сейчас реставраторы с большим трудом пытаются восстановить многие работы художника. Но то, что сохранилось, дает представление о безудержной мощи этого живописца.

С начала 1900-х годов жена становится постоянной моделью Врубеля. Один из самых нежных, хрупких ее образов — портрет на фоне березок... К этому же периоду относится и элегантный, можно даже сказать парадный, портрет Надежды Ивановны, передающий праздничную, волнующую атмосферу концерта. И один из самых, быть может, поэтических — пастельный портрет жены под названием «После концерта». Работа осталась неоконченной... Лицо певицы, отдыхающей у камина,

едва намечено. И олицетворением чистоты, лиризма, таинственности становится ее воздушное платье, словно сотканное из легких кристаллов (тоже созданное по эскизу Врубеля). В камине огонь — как орнамент, похожий на пламенеющий цветок. И вся атмосфера чуть ирреальна...

В 1901 году у Врубелей родился сын Саввочка. Он появился на свет с расщелинкой верхней губы, которую в народе называют «заячьей губой». Сейчас с этим врожденным недостатком успешно справляются пластические хирурги, но тогда он воспринимался как серьезный дефект. Здоровье ребенка было настолько слабым, что он прожил всего несколько лет.

Болезнь сына погрузила художника в состояние, которое требовало выхода в живописи. Он писал и бесконечно переписывал «Демона поверженного» — последнюю картину в знаменитой серии, начатой с оформ-

«Муза»

ления поэмы Лермонтова. Первым был «Демон сидящий» (1898 г.), которого он так отрекомендовал отцу: «Не столько злобный, сколько страдающий и скорбный, но при всем том дух властный, величавый». Потом он взялся за «Демона летящего», но не завершил его, и вот теперь приступил к упорной работе над новым образом Демона. Тут уже тема иная — титанический протест и трагическая гибель.

Эту работу называли «вещим сном о самом себе». Врубель переписывал ее сорок раз и был постоянно недоволен результатом.

На выставке товарищества художников «Мир искусства» в 1902 году в Петербурге «Демон поверженный» был отвергнут возмущенной публикой. Врубель с горячностью писал жене: «Зависть и глупость людская в один день по возвращении в Москву исковеркали меня».

В том же году у Михаила Александровича появились первые признаки душевной болезни. Тем не менее, он работал как одержимый. Доктор Усольцев, лечивший Врубеля, писал: «Это художник — творец всем своим существом, до самых глубоких тайников психической дея-

тельности. Он творил всегда, можно сказать, непрерывно, и творчество было для него так же легко и так же необходимо, как дыхание. Пока жив человек, он все дышит, пока дышал Врубель — он все творил!»

Его одержимость живописью, дар художника и удивительная работоспособность поражали всех. Сестра Врубеля Анна вспоминала такой эпизод: «Однажды в Саратов была привезена копия с фрески Микель-анджело «Страшный суд». Наш отец, узнав об этом, повел брата смотреть ее. Брат усиленно просил повторить осмотр... и, возвратясь, воспроизвел ее наизусть во всех характерных подробностях». А ведь тогда Михаилу было всего десять лет.

Позже, учась в Петербургской академии художеств, он за одну ночь написал стофигурную композицию «Орфей в аду». Профессор П.П. Чистяков, строгий, придирчивый преподаватель, считал его лучшим своим учеником.

Одним из немногих друзей Врубеля был близкий ему по духу Константин Коровин, тоже входивший в Абрамцевский кружок. В дневниковых записях Коровин вспоминал:

«Было лето. Жарко. Мы пошли купаться на большой пруд в саду. Михаил Александрович, голый, был хорошо сложен, и крепкие мускулы этого небольшого, даже маленького роста человека делали его красивым... Врубель был славянин чистой воды, поляк, и в нем была утонченность великой Польши, утончен-

ность, равная Франции. На вид иностранец, но душой славянин, сын несправедливо и больно угнетенной страны, с пеленой высокого культа, щегольским изяществом драгоценного легкомыслия, высоких порывов, влюбленных чувств, музыки, искусств, с праздником и задором в душе».

А вот другая запись Коровина: «Глядя на Врубеля, на его светлые волосы, желтоватые глаза, на его сдержанную скромность, я почему-то думал: «Это Моцарт»...

Вдруг Михаил Александрович сказал: «Константин Алексеевич, выпьем с тобой на «ты». Я принял с радостью предложение. «Я Моцарт, — сказал мне на ухо Врубель, — а ты не Сальери, и то, что делал я, тебе нравится, я знаю».

Но не всем были понятны поиски Врубеля. Некоторые его вещи вызвали недоумение даже у его покровителя Саввы Мамонтова.

Коровин описал такой эпизод:

«— Послушайте, что же это такое? — Глаза Саввы Ивановича Мамонтова улыбались. — Что же это Врубель — это же черт знает что такое! Вы видели его картины, которые он привез ко мне в мастерскую?.. Видели?

— Видел,— говорю.

— Что же это такое?.. Ужас! Я ничего подобного не видал никогда. И представьте, я ему говорю: «Я не понимаю, что за живопись, и живопись ли это?» А он мне: «Как я рад... Если бы вы понимали и вам бы нравилось, мне было бы очень тяжело...»

В это время ко мне приехал городской голова Рукавишников. Вошел в мастерскую, тоже увидел эти картины и говорит мне: «Что это такое у вас?.. Что за странные картины, жуть берет... Я, знаете ли, даже, признаться, забыл, зачем я к вам приехал...» Подумайте!.. Я ему говорю: «Это так — проба красок, еще не кончено».

Однако среди ценителей живописи у Врубеля было много поклонников. Конечно, цену этому таланту понимали коллеги — те, кто входил в Абрамцевский кружок и в сообщество художников «Мир искусства». А публика разделилась на два лагеря. Сохранилось воспоминание одного современника:

«Когда Врубель был болен и находился в больнице, в Академии художеств открылась выставка Дягилева. На открытии присутствовал государь. Увидав картину Врубеля «Сирень», государь сказал: «Как это красиво. Мне нравится». Великий князь Владимир Александрович, стоящий рядом, горячо протестуя, возражал: «Что это такое? Это же декаденство!» «Нет, мне нравится», — повторил государь...»

Последний период жизни был тяжелым для Врубеля и Забелы.

Михаил Александрович потерял зрение и уже не мог работать. Надежда Ивановна часто приходила в лечебницу, пела по его просьбе. Но болезнь прогрессировала. Сидя в саду в последнее лето своей жизни, он как-то сказал: «Воро-

бьи чирикают мне — «чуть жив, чуть жив!»

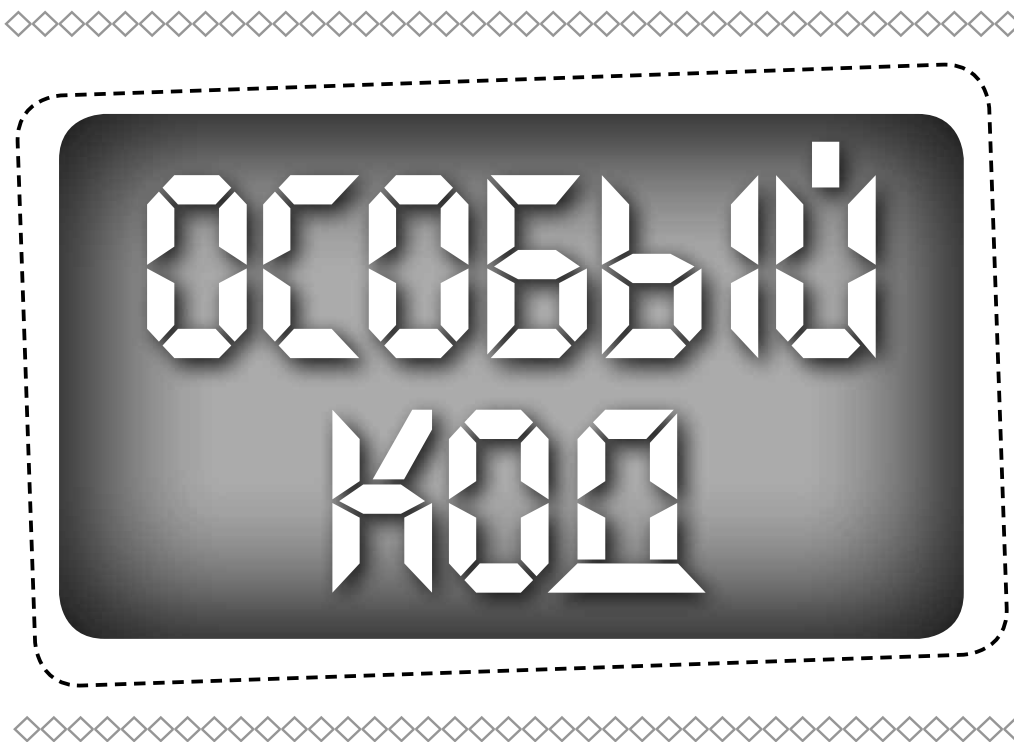
Его лицо становилось все утонченнее, одухотвореннее. В феврале 1910 года к прочим бедам присоединилось воспаление легких, перешедшее затем в чахотку.

«Он шел к концу с полным спокойствием, сказав как-то, что через месяц его легкие будут как решето — вспоминала сестра.

В последний, сознательный день, перед агонией он особенно тщательно привел себя в порядок, горячо поцеловал с благодарностью руки жены и сестры, и больше уже они с ним не беседовали. Он мог только коротко отвечать на вопросы, и раз только ночью, придя в себя, прошептал, обращаясь к человеку, который ухаживал за ним: «Николай, довольно уже мне лежать здесь — поедем в академию».

Умер Михаил Александрович Врубель первого апреля 1910 года. Ему было 54 года. Александр Блок, стоя над могилой художника, сказал: «Врубель пришел к нам как вестник, что в лиловую ночь вкраплено золото ясного вечера. Он оставил нам своих Демонов — как заклинателей против лилового зла, против ночи. Перед тем, что Врубель и ему подобные приоткрывают человечеству раз в столетие, я умею лишь трепетать».

Надежда Ивановна Забела-Врубель пережила мужа всего на три года. Ее голос не дошел до нас, но она по-прежнему живет в картинах великого художника. □

Рита сидела у письменного стола, положив перед собой толстую тетрадь в коричневой клеенчатой обложке. Она не знала, сколько прошло времени с того момента, как она вошла в кабинет Андрея.

За окном серое осеннее утро сменилось бледным дождливым днем. Потом тусклые сумерки опустились на город. И внезапно, как черная штора, беспросветная мгла закрыла проем окна.

Рита сидела, не шевелясь, погрузившись в темноту, которую не замечала. Наконец вздохнула и, нащупав кнопку, зажгла настольную лампу. Комната осветилась приглушенным желтоватым светом. Рита открыла тетрадь.

Первые две страницы были сплошь покрыты длинными формулами. На третьей знакомым почерком Андрея было написано:

«Позади меня сидела маленькая девочка, наверное, первоклашка. Она все время плакала, звала маму. Ее уговаривали перестать плакать. Она не замолкала. Они подошли к ней. Раздался выстрел, и она замолчала.

Я понял, чтобы выжить, надо сидеть тихо, тихо. Тихо, как мышка...

Я сидел, сжавшись в комок. Я очень хотел пить. Но я не издавал ни звука. Они убивали всех, кто издавал хоть какой-нибудь звук. Наконец я не выдержал и тихо-тихо спросил одного из них, могу ли я выйти в соседнее помещение. Там прорвало трубу, и из нее текла вода.

Он отпустил меня. Я вышел, и в ту же минуту раздался страшный взрыв. Я оглянулся — все, кто сидел возле меня, были мертвы — их разорвало

на клочки. Я ужасно испугался, но не закричал. Я подполз к стене и зажался в угол.

В это время я увидел солдата. Он пробирался ко мне. Я боялся, что он хочет меня убить. Но солдат наклонился надо мной и спросил: «Ты жив, малец?» Он взял меня на руки и вынес. Я знаю, это Бог спас меня».

Эта запись повторялась снова и снова, как будто тот, кто писал, хотел выучить все наизусть, не пропустив ни единого слова.

Наконец запись закончилась, и на новой странице Рита увидела длинный список литературы. Ей бросились в глаза названия: «Основы биоэнергетики», «Психология самоубийств», «Передатчики радиосигналов». Большинство работ было посвящено проблемам самоубийства.

Рита оторвалась от тетради и уставилась в окно, пытаясь сквозь темноту разглядеть свою прошлую жизнь с Андреем.

Они познакомились в институте. Нельзя сказать, что они полюбили друг друга с первого взгляда. Андрей был высокий, красивый. Рита — девушка вполне обыкновенная, худенькая, в очках. Только волосы хороши — тяжелые, блестящие, пшеничного цвета. Но Рита укладывала волосы на затылке в тугий пучок, и красоту их никто не замечал. Но все замечали другое: Рита была умна и училась лучше всех на курсе. Андрей тоже был парень серьезный, буквально с первых дней учебы занимался научной работой. Биохимия была его страстью.

Они были молоды. А в молодости мужчина вряд ли способен полюбить женщину только потому, что она очень умна. Однако, как часто бывает, в ход событий вмешался «господин случай».

Рита опаздывала на лекцию. Запыхавшись, бежала по коридору учебного корпуса и зацепилась ногой за стоящий на полу портфель. Неуклюже взмахнув руками, она стала падать на цементный пол, но ее вдруг подхватили чьи-то крепкие руки.

От сильного толчка очки свалились, шпильки и заколки рассыпались. Освобожденные от плена волосы золотой волной накрыли темноволосого молодого человека. Это был Андрей. А он увидел совсем близко беспомощно прищуренные голубые глаза, ощутил на своих руках теплоту шелковистых волос.

Андрей, улыбаясь, смотрел в ее испуганное лицо и не отпускал, пока она не улыбнулась в ответ. С этого дня, к всеобщему удивлению сокурсников и раздражению институтских красавиц, Рита и Андрей ловили каждую минуту, чтобы быть вместе.

Они понимали друг друга с полуслова. Специальности у них были разные, но интересы — общие. В библиотеке они сидели рядом и, склонившись над толстым учебником, Андрей всегда держал Риту за руку, не выпуская ни на секунду.

Они стали встречаться. Сначала — раз в неделю, потом — два, потом — каждый день. Когда же и этого им показалось мало, решили пожениться.

Андрей пригласил Риту к себе домой, чтобы познакомить ее с родителями.

Родители его были немолоды, и Рите показалось, что они даже выглядели старше своих лет. Особенно мать. Горестные морщинки избороздили ее лицо, а уголки рта были печально опущены.

Они посидели немного за чашкой чая, ведя неторопливый разговор о жизни, дипломных проектах, планах на будущее — Рита и Андрей учились на последнем курсе и активно занимались поисками работы.

А потом Андрей сказал родителям, что они с Ритой решили пожениться. Родители поздравили их, правда, довольно сдержанно, но обещали помочь со свадьбой и сделать все, что в их силах, чтобы молодые были счастливы. Квартира большая, трехкомнатная, все комнаты изолированные, и, если Рита и Андрей захотят, они могут жить у них.

После этих слов мать Андрея, угощая гостью пирожным, стала как-то странно посматривать на свою будущую невестку. В ее взгляде Рита с удивлением уловила сочувствие.

Они уже собрались уходить, когда Алевтина Петровна позвала Риту в соседнюю комнату, чтобы поговорить с ней наедине. Андрей проводил их тревожным взглядом. Алевтина Петровна плотно закрыла за собой дверь, подвела Риту к комоду и показала фотографию в светлой деревянной рамке. На снимке, обняв друг друга за плечи, стояли трое мальчишек и весело улыбались в камеру. В одном из них, самом младшем, Рита узнала Андрея.

— А кто это? — спросила Рита, кивнув на двух других.

— Это его старшие братья — Костя и Миша.

Рита с молчаливым вопросом посмотрела на Алевтину Петровну.

— Их нет, — сказала мать Андрея. — Оба в подростковом возрасте покончили с собой. Психическая болезнь. Они лечились, но ничего сделать было нельзя, — и она заплакала, закрыв лицо руками.

Ошеломленная услышанным, Рита не знала, что сказать. Она бросилась к Алевтине Петровне и обняла ее. Мать Андрея высвободилась, тщательно вытерла глаза платком и сухо проговорила:

— Я должна была тебе это сказать.

Они вместе вернулись за стол. Рита была в смятении и в оставшееся время не проронила ни слова.

Андрей, явно взволнованный, постоянно обращался к ней, дотрагивался до плеча, заглядывал в глаза, но девушка была безучастна ко всему.

Когда они вышли на улицу, она спросила:

— Андрей, почему ты мне ничего не рассказывал о своих братьях?

— Потому что их нет! — горячо заговорил он. — К тому же, заметь, мне уже двадцать шесть лет, а не шестнадцать. Что же, ты вот так, сразу и раз-

любила меня и не хочешь выходить за меня замуж? — На щеках у него заходили желваки.

Ее молчание, казалось, длилось вечность.

— Нет, я не разлюбила тебя, — наконец едва слышно проговорила Рита. — Но, послушай, Андрей...

— Ничего не хочу слышать, кроме этого! — быстро сказал он, не дав ей закончить, и, прижимая к себе, закрыл рот поцелуем.

Первые несколько месяцев после свадьбы молодые жили у родителей Андрея. Им выделили самую большую комнату, обставленную новым спальным гарнитуром с необъятных размеров кроватью, высокое изголовье которой украшала витиеватая резьба.

Их медовый месяц не был таким уж сладким. Часто вспыхивающие внезапные ссоры и взаимные обиды прибавляли к нему порядочные порции дегтя. Это было бурное время нелегких притирок к каждодневной жизни друг с другом.

Чтобы не волновать родителей, они уходили ссориться на улицу, якобы погулять, и поэтому довольно много летних вечеров проводили на свежем воздухе. Возвращались домой, как правило, за полночь и, стараясь не шуметь, проскальзывали в свою комнату. Гасили свет. Андрей обнимал Риту, и все недоразумения, неправильно понятые слова мгновенно улетучивались, испарялись.

«Милая, милая, милая...» — шептал он, целуя ее то нежно, то страстно... Заключал в свои объятия, и они плавилась в огне, превращаясь в единое целое... Хотя прошло достаточно времени, их влечение друг к другу не угасло, и Андрей воспламенялся, как спичка, от одного только прикосновения к жене.

Вскоре они с помощью родителей обзавелись крошечной двухкомнатной квартирой недалеко от станции метро. Уже можно было ссориться, не выходя на улицу. Но поводов для мелких, глупых ссор становилось все меньше.

Андрей защитил диссертацию и получил работу в крупной научной фирме. Получал большие деньги. Они купили другую квартиру — просторную, двухэтажную, с большой лоджией.

Почти сразу после переезда Рита почувствовала, что беременна. Ничего не говоря Андрею, помчалась к врачу. Анализ подтвердил ее предположение. Она хотела все сделать в тайне и записалась на аборт в хорошую клинику к знакомому доктору.

Но скрыть беременность от мужа ей не удалось. Андрею случайно попала на глаза бумага с результатом анализа. «Почему ты мне ничего не сказала, почему? — взволнованно повторял он. — Ритка! Какое счастье! Это будет девочка! Непременно девочка! Похожая на тебя! Я так этого хо-

чу!» «Подожди, Андрей, стой! Нам нужно поговорить!» — пыталась остановить его Рита. Но он ничего не желал слушать. Рванулся в прихожую и скрылся за дверью. Скоро вернулся с бутылкой шампанского в одной руке, с букетом алых роз — в другой и с радостной улыбкой от уха до уха. Однако радость была недолгой.

В тот черный день Андрей в бешенстве метался по квартире и, останавливаясь перед сжавшейся в комок Ритой, кричал:

— Почему ты убила моего ребенка?! Почему?!

— Ты знаешь, почему. Ребенок с такой наследственностью... Я не хочу... — едва слышно говорила она.

— Ты!.. Ты!.. Ты!.. — Андрей захлебывался от гнева, но у него не хватало духа ни оскорбить ее, ни ударить.

С этого момента их жизнь круто изменилась. Но совсем не так, как можно было предположить. Свое неостребованное отцовство Андрей перенес на Риту. Она стала его ребенком. Он покупал ей заморские сладости, экзотические фрукты, красивые вещи. Рита интересовалась живописью, и стены квартиры украсили картины модных художников, а книжные полки ломились от иллюстрированных альбомов. По выходным он приносил ей завтрак в постель и называл уменьшительно-ласкательными именами — Ритуля, Ритенок.

Такое отношение должно было бы радовать женщину, но Рита чувствовала в нем болезненную чрезмерность, и постоянная тревога и неясные опасения не покидали ее душу.

Волнение немного отпускало ее, когда они проводили время с семьей сослуживца и друга Андрея, Максима. Их объединяло общее увлечение — мотоциклы. Они недавно купили новейшие японские модели и на головокружительной скорости носились по загородным дорогам.

У Максима была дочка — Леночка. Она хорошо рисовала и занималась в художественной студии, и Рита часто с удовольствием наблюдала, как девочка старательно рисует натюрморты и пейзажи.

Беда обрушилась, как всегда, внезапно, посреди обыденных забот жизни. При взрыве возле станции метро Леночка погибла. Она возвращалась домой после занятий в студии. Обгоревшая папка с рисунками — все, что осталось от нее.

Андрей был сражен несчастьем, случившимся в семье друга. Он замкнулся в себе, но на Риту смотрел еще нежнее, еще ласковее.

Вечерами стал запирается в кабинете и сидел там часами. Рита спрашивала его: «Что ты делаешь?». Андрей отвечал: «Это по работе. Надо срочно разработать особый код». Она заметила, что он делает какие-то записи в толстой тетради, но когда Рита входила, сразу же прятал тетрадь в сейф.

Наступили опасные времена, терроризм набирал силу, и террористические акты все учащались. Людские трагедии следовали одна за другой. Взлетали в воздух поезда, разбивались самолеты. Гибли мужчины, женщины, дети. «Смертники, самоубийцы» — так называли виновников черных дел. «Убийцы! Убийцы!» — твердил Андрей сквозь сжатые зубы.

Он перестал следить за собой. Подолгу не стригся и его густые волосы шапкой спадали на лицо. Даже загнать в ванную или заставить мужа сменить рубашку стоило Рите большого труда. Взгляд стал угрюмым, затравленным. Риту охватило непереносимое беспокойство. И она, уловив подходящий момент, решила серьезно объясниться с мужем.

— Ты знаешь, Андрюша, — глядя его по включенным волосам, заговорила она, — мне кажется, тебе нужно обратиться к врачу.

— Заинька, уже поздно, — прошептал Андрей и, скрывшись в кабинете, закрыл дверь на ключ...

То, что случилось в школе на дальнем юге, окончательно доконало его. Он часами не отрывался от телевизионного экрана, страдальческим взглядом смотрел на безжизненные окровавленные детские тела, и руки его непроизвольно сжимались в кулаки... Андрей взял на работе отпуск и днями и ночами сидел у себя в кабинете. Ел и спал там — за письменным столом. Наконец однажды, поздно ночью, вышел из кабинета и на цыпочках прокрался в спальню. Рита не спала. Она сидела на кровати и читала книгу.

— Ритуля, ты знаешь, я рассчитал особый код. Теперь его нужно проверить. Я должен поехать на работу, мне необходим сильный компьютер. Я возьму мотоцикл, на нем быстрее. — Андрей смотрел на жену отрешенно, как будто не видел. Внезапно стремительно рванулся к ней, поцеловал в лоб и сказал ласково-ласково:

— Спи, Ритенок, маленький котенок!

У Риты из глаз брызнули слезы.

— Останься, Андрюша! — умоляющим голосом проговорила она. — Завтра проверишь.

— Завтра будет поздно! Не удерживай меня! — твердо сказал Андрей, резко повернулся и вышел из спальни.

Рита слышала, как хлопнула входная дверь. Она встала, прошла в кабинет и, обреченно вздохнув, села за письменный стол возле телефона.

За окном уже забрезжил тусклый рассвет, когда раздался телефонный звонок:

— Вы — Лосева Маргарита Владимировна?

— Я, — ответила Рита чужим, глухим голосом.

— Это говорят из милиции. Ваш муж, Лосев Андрей Ильич, сегодня ночью погиб, разбился на мотоцикле. Мотоцикл врезался в стену кирпично-

го дома. Вероятно, ваш муж не справился с управлением... Всю ночь шел мокрый снег... Видимость отвратительная...

После похорон Рита открыла сейф и вытащила тетрадь в коричневой, клеенчатой обложке. Она заметила лежащие в глубине сейфа небольшие черные приборы с какими-то кнопками и глазками, но не стала их трогать.

Положила тетрадь на стол и пролистала всю от корки до корки. Расписанные ровными рядами формулы и сложные чертежи ей ничего не говорили. Но на последней странице крупными буквами было написано: «Дорогая, прости. Не осуждай. Все равно конец был близок. Решил проверить особый код на себе. Ради детей. Передай тетрадь Максиму». Слезы хлынули у Риты из глаз и смочили тонкие листы тетради. Она испугалась, что влага размочит формулы и чертежи, захлопнула тетрадь и положила обратно в сейф.

Торопливо накинула пальто и вышла на улицу. Поймала машину. По полупустым улицам они домчались до того самого места. Рита сунула водителю в руки деньги и захлопнула дверцу. Он удивленно посмотрел ей вслед — за все время пути молодая женщина не проронила ни слова.

Рита постояла какое-то время у глухой стены серого кирпичного дома. Огляделась по сторонам. Невдалеке виднелся крошечный магазинчик, из тех, что работают круглые сутки. Вошла. В магазинчике было пусто. Полная, средних лет продавщица расставляла по полкам коробки с печеньем.

— Здравствуйте, — поздоровалась Рита. — Скажите, вы, случайно, не работали в ту ночь на прошлой неделе, когда разбился мотоциклист?

— Да, я работала, — ответила продавщица. — А что?

— Я — его жена.

Продавщица с состраданием посмотрела на ее осунувшееся, бледное лицо и тяжело вздохнула.

— А вы не помните, не происходило ли что-нибудь необычное в то время? — спросила Рита.

— Нет. Ничего необычного я не припомню, — отрицательно покачала головой продавщица.

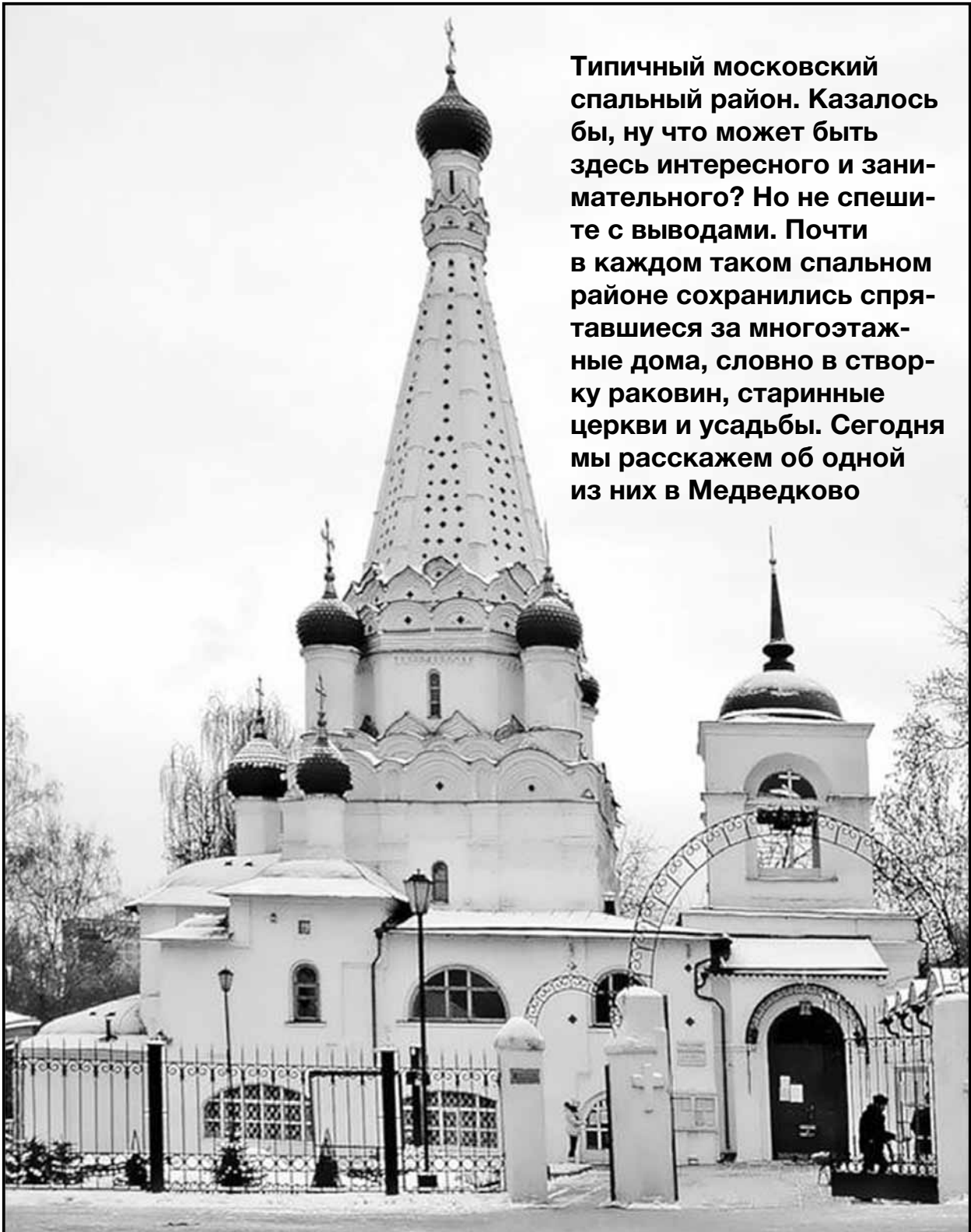
— Ну что ж, спасибо. Извините, — тихо сказала Рита. Постояла немного возле прилавка и повернулась, чтобы уйти.

— Хотя, постойте! — остановил ее взволнованный и слегка неуверенный голос продавщицы. — Но это случилось минут за десять-пятнадцать до аварии. Вы знаете, вдруг на всей улице у машин включились сигнальные sireны. Даже у моей «старушки», что у соседнего дома припаркована. Такая какофония началась! Я сразу на улицу выскочила, думала машину хотят угнать. Но никого не было. А через минут пять все смолкло. Что произошло тогда с машинами — понятия не имею!

— Это сработал особый код, — выходя из магазина, бросила через плечо Рита. □

Жемчужина МОСКОВСКОЙ ОКРАИНЫ

Дмитрий Зелов

Типичный московский спальный район. Казалось бы, ну что может быть здесь интересного и занимательного? Но не спешите с выводами. Почти в каждом таком спальном районе сохранились спрятавшиеся за многоэтажные дома, словно в створку раковин, старинные церкви и усадьбы. Сегодня мы расскажем об одной из них в Медведково

На северо-восточной окраине столицы, там, где река Чермянка впадает в Яузу, расположен замечательный памятник русского каменного шатрового зодчества — церковь Покрова Пресвятой Богородицы в Медведково. У каменной постройки того далекого времени очень интересная, связанная со становлением русской государственности, история. Этот храм — памятник национального объединения России, одоления Смуты, зримое воплощение политических и культурных достижений России второй четверти XVII века.

...Начало XVII столетия в истории Руси определяется одним емким, но точным словом — Смута. Для России это один из самых драматичных периодов ее истории. Пресечение династии Рюриковичей, начало правления «боярских царей», разброд и несогласие в обществе, фатально неурожайные первые годы XVII века из-за небывалых природных аномалий — вначале засухи, а затем лютых морозов — в итоге привели повсеместно к разорению сельского хозяйства, массовому бегству крепостных и народным восстаниям. Положение усугублялось иностранными интервенциями (польской и шведской), иноземцам удалось захватить значительную часть территории страны. Судьба России как независимого православного госу-

*Церковь Покрова
Пресвятой Богородицы
в Медведково*

дарства висела буквально на волоске.

С этим тревожным временем напрямую связана история Медведково. Название «Медведково», как подмосковной вотчины, известно с начала XVI века. У отличавшегося необычайной физической силой владельца села боярина Василия Федоровича Пожарского было прозвище «Медведь» (в просторечии — «Медведок»). Вот от этого его прозвища и пошло название местности — Медведково. Позже это место перешло его двоюродному брату Федору Ивановичу Пожарскому, а в начале XVII века владельцем Медведково стал князь Дмитрий Михайлович Пожарский, внук Федора Ивановича, сыгравший исключительную роль в деле спасения Отчизны от иноземных захватчиков. (Интересно, что при рождении и крещении будущий герой Смуты получил имя Косьма, а Дмитрий стало его публичным именем.)

Вместе с Козьмой Мининым Дмитрий Пожарский был организатором Первого и Второго народных ополчений, которым в результате упорных и ожесточенных сражений удалось выдворить захватчиков из Москвы, а затем и за пределы страны. В память об этих замечательных заслугах Красную площадь украшает памятник Дмитрию Пожарскому и его соратнику Козьме (Кузьме) Минину работы скульптора Ивана Мартоса. Кстати, это первый памятник в Москве.

В Смутное время вотчина Дмитрия Пожарского Медведково была

Справа:
*Усадьба
в Медведково*

*Князь
Дмитрий
Михайлович
Пожарский*

разорена и превратилась в пустошь. На территории этого разоренного селения народное ополчение Дмитрия Пожарского и Козьмы Минина сделало последнюю остановку перед решающей битвой с поляками за Москву. Именно в Медведково русское воинство молилось о победе и поклялось либо погибнуть, либо освободить столицу Родины от захватчиков. Русские сражались с крайним ожесточением, ибо понимали важность победы — на карте стояла

судьба России. Москва была взята русскими после капитуляции польского гарнизона 27 октября 1612 года по старому стилю, а 1 ноября земское ополчение торжественно вступило в освобожденный Кремль. Так Медведково внесло свою лепту в историю одоления Смуты.

После окончания Смутного времени спаситель Отечества Дмитрий Пожарский сделал Медведково своей главной подмосковной резиденцией. В память о тех событиях он по-

ставил деревянную шатровую церковь Покрова Пресвятой Богородицы. Храм имел один придел во имя святого Петра Александрийского.

На Руси издавна в честь побед ставили храмы. Они становились зримыми памятниками силе, храбрости, мужеству русского народа. Взять хотя бы наиболее известные московские памятники: церковь Всех Святых на Кулишках, построенную в честь победы на Куликовом поле, «визитную карточку Москвы» — храм Василия Блаженного на Красной площади, воздвигнутый в честь взятия Казани, или возрожденный Казанский собор как память об одолении Смуты и изгнании интервентов из России. Храм Христа Спасителя воздвигнут в честь победы в Отече-

ственной войне 1812 года, церковь Георгия Победоносца на Поклонной горе — в честь победы в Великой Отечественной войне.

Выбор названия медведковской церкви — Покрова Пресвятой Богородицы — не случаен. Свое имя храм получил в честь победы россиян над польским королевичем Владиславом, претендовавшим на русский престол, в ночь на праздник Покрова 1618 года. Это была первая военная удача Романовых, за которой последовало заключение Деулинского перемирия, окончание Смуты и возвращение из польского плена в Россию патриарха Филарета, отца первого из царей новой династии Романовых Михаила.

В связи с важностью первой победы в становлении династии Рома-

новы возвели в честь праздника Покрова храм в своей родовой вотчине — селе Рубцово. Эта инициатива была подхвачена Н.И. Романовым, Ф.И. Мстиславским, Д.М. Пожарским, построившим в 1618–20-х годах деревянные Покровские храмы в своих вотчинах (соответственно в Измайлово, Филях и Медведково). Позднее перестроенные в каменные, все три храма сохранились до сих пор и являются украшением столицы.

Выбор месторасположения медведковской церкви тоже не случаен. Она расположена на пути к Троице-Сергиеву монастырю, главному монастырю страны, стойко сражавшемуся с интервентами в Смуту и бывшему во многом духовным центром сопротивления и единения русских сил. Несмотря на почти что полугодовую осаду, монастырь так и не сдался врагу, что символизировало не только беспримерную крепость духа и мужество, но в средневековом сознании означало будущую победу России в одолении Смуты. Медведковский храм указывал путь к духовному истоку этой победы — Троице-Сергиеву монастырю.

Дмитрий Пожарский перестроил церковь в каменную в 1634–1635 годах. Эта перестройка была связана с важными событиями как в стране, так и в жизни самого Пожарского. В 1634 году между Россией и Польшей был заключен Поляновский мир, согласно которому польский король отказывался от своих притязаний на Москву. Это событие означало за-

крепление результатов сражений по освобождению Родины от чужеземного ига. Кроме того, начало 30-х годов ознаменовалось в жизни Пожарского событиями личного характера: окончанием трудного воеводства в Новгороде, затем напряженными военными действиями против поляков под Можайском и Смоленском, смертью горячо любимого сына Федора и близкого ему по духу патриарха Филарета — отца родоначальника новой династии Романовых. Все это вместе и вызвало желание Пожарского обновить медведковский храм.

Ныне этот храм является прекрасным образцом древнего шатрового зодчества, причем одним из последних, так как в 1652 году патриарх Никон запретил строительство одношатровых храмов, «как не соответствующих церковному чину». На колокольне сохранилась надпись о том, что это село принадлежало Дмитрию Пожарскому. Князь заказал и колокола с надписями, повествующими об истории создания церкви и ее владельце. Стоящая на крутом берегу Яузы церковь Покрова была и является главным украшением Медведково.

Но род Пожарских пресекся на его внуке Юрии Ивановиче (1682 г.). Село отошло в казну, и в 1687 году царевна Софья, бывшая официально регентшей при малолетних братьях Петре и Иоанне, а формально правившая государством, пожаловала им своего фаворита князя Василия Васильевича Голицына: «Лета

7195 по указу Великих Государей дана вотчина Царственных большия печати и Государственных великих посолских дел оберегателю ближнему боярину и наместнику новгородскому князю Василию Васильевичу Голицыну в Московском уезде село Медведково с деревнями». Василий Голицын владел им до петровской опалы в 1690 году. При Голицыне начался новый расцвет Медведково. Он же пригласил артели мастеров для создания сохранившихся до сих пор в храме иконостасов.

Софья любила Медведково и часто бывала здесь летом. Да и как было не любить это место, где воздух, настоянный на ароматах трав, сочетался с чистыми и прохладными водами Чермянки и Яузы. Природа располагала к отдыху и наслаждению. Прогулявшись по прекрасной березовой рощице, тут же можно было наловить разводимой в пруду самой разнообразной рыбы, покормить прекрасных лебедей и

олений, покататься по живописным окрестностям на породистых лошадях, а затем отдохнуть в прекрасном дворце.

Любила Софья и медведковскую церковь, подолгу здесь стояла на службах. В храм Василий Голицын пожертвовал два колокола работы лучшего московского колокольного мастера Дмитрия Моторина и надписью на колоколах закрепил, как ему казалось, свое право на владение селом Медведково, воспроизведя царский указ о даровании ему этой вотчины. (Моторины были знаменитой династией литейщиков колоколов на Руси. Самая известная их работа — Царь-колокол в Московском Кремле, отлитый при племяннице Петра I Анне Иоанновне братьями Иваном и Михаилом Моториными.) Голицын передал в храм Покрова и на престольное Евангелие, подаренное ему Софьей. Будучи художественно одаренной, именно для этой церкви она лично соз-

*Царевна
Софья Алексеевна*

*Князь Василий Васильевич
Голицын*

дала прекрасные цветные миниатюры к этому Евангелию, хранившемуся в церкви.

Хотя фаворит царевны владел Медведковом совсем недолго, но, собираясь, видимо, закрепиться здесь при Софье, когда она станет полноправной царицей, а он, того и гляди, царем(!), успел за это время не только перестроить господский дом, но и укрепить и расширить хозяйство. Вокруг княжеского жилья появились новые хозяйственные постройки: баня в три слюдяных окна, людская, погреб, изба для варки пива с железным котлом и еще одним — литым, ворота тройные, огороженный двор, в котором содержались три оленя, две конюшни — на 18 и на 10 стойл, пруд на речке Чермян-

ке, «а в том пруде рыба сажена: осетры и стерляди, и лещеди, и щуки, и судаки, и окуни, платицы и лини, на той же речке мельница о двух жерновах, амбар мельничный, и еще пруды, и скотни...»

Однако стремительный расцвет Медведково, начавшийся при Голицыне, был совсем коротким. В 1690 году не по летам развитый Петр I достиг совершеннолетия и должен был стать царем. Но Софья, официально бывшая регентшей при братьях, не желала передавать престол возмужавшему Петру (слабоумный Иоанн в расчет, конечно же, не принимался). Был составлен заговор с целью устранения Петра. Но будущий преобразователь России сумел вовремя его раскрыть и обезвре-

Усадьба и церковь. Вид от Яузы

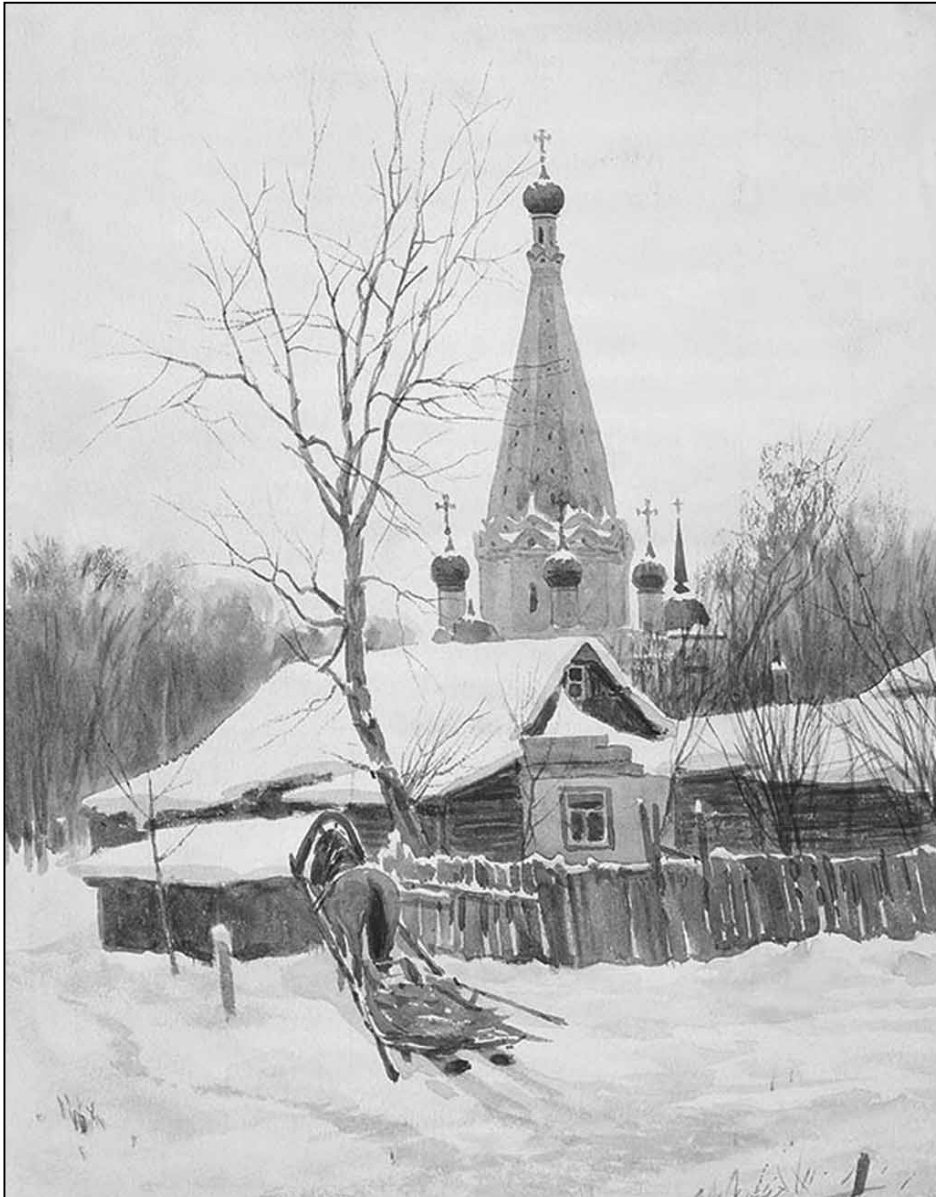
дить заговорщиков. В их числе оказался и столь милый сердцу Софьи В.В. Голицын. Именно отсюда, из любимого Медведково, взятый под стражу Голицын был доставлен в Троице-Сергиеву лавру к Петру, где бывшему всеильному фавориту было объявлено о лишении боярского сана, всех привилегий и ссылке в Каргополь. А Медведково было отписано, согласно распространенной тогда практике, на государя. После опалы Голицына была составлена детализированная подробнейшая опись имения, благодаря которой и сохранились до наших дней сведения о том, как выглядело и что из себя представляло Медведково при Софье.

Конфискованное село Петр передал своему дяде Л.К. Нарышкину, в роду которого оно было больше века — с 1691 по 1795 годы. При Нарышкиных село пришло в упадок. Так, в 1704 году в Медведково жило

всего лишь 8 крестьян да 9 солдат, дежуривших на заставах Троицкой дороги.

В начале XIX века образ жизни в селе изменился в лучшую сторону, начался приток населения. Дворяне и фабриканты, владевшие селом, заселяли его купленными крепостными. При помещике Шмидте в 1809 году в Медведково жило уже 205 крепостных. Затем, в 1812-м, Шмидт продал его купцам А.Г. Сунгурову и Н.М. Гусятникову, которые поделили территорию имения, причем собственно Медведково осталось в роду Сунгуровых. Последним владельцем села был Н.М. Шурупенков.

Со второй половины XIX века Медведково стало все больше превращаться в популярную дачную местность ближнего Подмосковья, а бывшие крепостные начали сдавать свои дома на лето приезжающим из Москвы дачникам. Здесь отдыхали

*Андряка С.Н.
Последний
домик деревни
Медведково*

художники Константин Коровин и Михаил Врубель, а будущий поэт Валерий Брюсов, будучи девятилетним мальчиком, оставил восторженный детский отзыв о прекрасном времяпрепровождении в Медведково. Его отец отослал отзыв о летних каникулах сына в редакцию детского журнала «Задуманное слово», который выписывали для будущего поэта и писателя:

«Позвольте мне вам описать, как мы провели лето в селе Медведко-

во, в котором мы жили на даче. Расположено оно на гористой местности, покрытой молодым лесом. Направо от нашей дачи был большой запущенный парк. Налево склон к реке Чермянке; на другой стороне этой реки густой лес. Позади нас лес: тут стояла совершенно высохшая сосна, под которой, по преданию, зарыт клад. Прямо перед нами стояла церковь, позади ее склон к Яузе, в которую впадает Чермянка. На другой стороне Яузы лес. Время

проводили мы очень весело: гуляли, купались, играли, учились только 1 час в день. Часто во время прогулки мы видели зайца или лисицу, но они убегали при нашем приближении. В Москву ездили мы редко, да мы не любили этого, в Москве нам было скучно». Этот отзыв стал первой публикацией Валерия Брюсова.

Годы спустя, в своей автобиографической повести «Моя юность» Брюсов вновь обратился к воспоминаниям о чудесном лете, проведенном на даче близ Москвы: «Эта жизнь, среди полудиких лесов и крытых соломою изб, в постоянном общении с мальчишками «с деревни» дала мне, конечно, больше, чем дали бы ребенку впечатления какого-нибудь Мариенбада или Спа».

Церковь Покрова в Медведково запечатлена и в живописи. В московском музее В.А. Тропинина и художников его времени есть картина В.Е. Раева (1808–1871), изображающая церковь вместе с живописными окрестностями. А из наших современников медведковскую церковь воспели в красках Сергей Андрияка и Эдуард Панов.

После 1917 года жизнь села резко изменилась. В бывшей усадьбе размещались различные конторские учреждения, а перед сносом — магазин. Храм не закрывался, но службы шли лишь в нижнем теплом приделе. После 1945 года храм был отремонтирован, так что служить стали и в верхней церкви под руководством его долголетне-го настоятеля архимандрита Сергия (Саве-

льева). Он же указал сделать надпись «Крест — победа над смертью» на большом безымянном мраморном кресте, найденном на медведковском кладбище, после чего крест был водружен перед церковью.

Медведково — родина замечательного артиста-кукольника Сергея Образцова. Правда, в официальных справочниках указывается, что он родился в Москве, да и сам Образцов писал об этом в своей автобиографии, но на свой 85-й юбилей артист, посетивший Медведково, сказал: «Село это было. Дачная местность. Там меня мама родила».

В 1960 году после строительства МКАД Медведково вошло в состав Москвы, а вскоре стало районом массовой застройки. В те годы и вплоть до появления в Медведково метро в 1978 году оно оставалось глухим спальным окраинным районом столицы, таким медвежьим углом, до которого было проблематично добраться. Эта ситуация тех лет отразилась даже в популярной в 70-е годы песне Владимира Высоцкого «Милицейский протокол»: «Ему вон в Химки, а мне — аж вон в Медведки...»

Сегодня Медведково — огромный район столицы, сплошь застроенный многоэтажными домами. А сохранившаяся от бывшего села церковь является его ярким и главным украшением и может очень много рассказать о славном прошлом нашего Отечества. □

Андрей Колобаев

Дочь полковника ГРУ и правнучка Льва Толстого

Погибшей в страшной
автокатастрофе
народной любимице
актрисе Марине
Голуб 8 декабря
исполнился бы 61 год.

Марина Голуб жила, как говорится, на «полную катушку». Успевала все: играла в родном МХТ имени Чехова и антрепризах, снималась в кино, вела телевизионные шоу, искала себя в режиссуре. Если влюблялась, то насмерть, если расставалась, то по всем канонам классической драмы — тяжело, с глубокими зарубками на сердце. Но оставалась редкой оптимисткой! Искренне верила, что все самые счастливые моменты жизни — впереди. На сцене она была органична как кошка, многогранна и многолика, способная в одиночку восхитить зал, заставить сопереживать, смеяться и плакать. В обычной жизни — такой «ходячий позитивчик», женщина-праздник, вся солнечная, переливающаяся всеми цветами радуги, открытая, как распахнутое настежь окно. Марина даже слово для себя подобрала подходящее — «смайлик». «У меня всегда на лице смайлик — у меня всегда все хорошо. Даже когда мне плохо». Именно поэтому ее нелепая гибель в расцвете лет и на пике карьеры до сих пор никого не оставляет равнодушным.

В тот трагический день 9 октября 2012 года никакого тревожного предчувствия у актрисы не было. Накануне Марина Голуб дала одному глянцево-му журналу откровенное интервью, где рассказывала о своих планах. «Я свое будущее вижу очень радужным. Думаю, что через пять лет я смогу реализовать то, что я задумала. Наверное, сыграю что-то интересное. Может быть, все-таки попробую снять кино, и у меня получится. И, наверное, что-то случится в моей личной жизни. Я чувствую, что у меня скоро наступят кардинальные перемены в жизни».

Не сбылось.

Страшная авария произошла в 00 часов 05 минут 10 октября на пересечении проспекта Вернадского и улицы Лобачевского. Столкновение «Хендай Сонаты», в котором ехала актриса (за рулем был ее знакомый таксист-«частник» Дмитрий Туркин), и выскочившего на перекресток со скоростью более 100 км/час на красный сигнал светофора «Кадиллака», принадлежащего 32-летнему москвичу Алексею Русакову, было такой силы, что таксист и его пассажирка скончались мгновенно. Позже судмедэксперты в отчете напишут: «Смерть наступила от сочетанной травмы тела». Обоих погибших от удара буквально расплющило — их тела из салона извлекали спасатели МЧС. Виновник ДТП отделался легкими ссадинами и с места происшествия скрылся. Спустя несколько дней он сдался полиции и позже был приговорен к 6,5 годам заключения. По мистическому совпадению или злой иронии судьбы, в ту роковую ночь актриса возвращалась домой из Театра Наций — со спектакля под названием... «MortalEngine»/«Смертельный двигатель».

История жизни Марины Голуб — это наглядный пример, как, несмотря на кажущиеся непреодолимыми трудности и удары судьбы, нужно веселым жизнерадостным «смайликом» идти к своей цели и добиваться своего.

Марина Голуб родилась 8 декабря 1957 года в Москве. Мама — Людмила Сергеевна Голуб — профессиональная актриса, служила в Московском драматическом театре имени Гоголя. Своего биологи-

ческого отца девочка никогда не видела, он бросил их с мамой вскоре после ее рождения, зато был приемный папа, который, как гордо рассказывала Марина, стал как родной. Григорий Ефимович Голуб был кадровый военный разведчик, а после войны — дипломат, полковник ГРУ, многие годы проработавший в скандинавских странах.

Григорий Ефимович вспоминал, что искорка между ним и маленькой

Мариной пробежала буквально с первой встречи. «Ей было три года, когда мы от друзей ехали с дачи в электричке, она вдруг сказала: «Дядя Гриша, можно я буду называть тебя папой?» Меня тогда захлестнула волна нежности и любви к этому ребенку. Я говорю: «Конечно, конечно, я и есть твой папа». Этот вопрос у нас никогда не возникал и не мог возникнуть, хотя она знала, что я — ее приемный отец».

Марина так рассказывала о своей семье: «Когда говорю о маме, всегда комок подкатывает к горлу — она была замечательная. И как актриса и как мать — просто невероятная. А папа у меня какой! Его отец, мой дед Ефим Самойлович Голуб, был наркомом финансов советской Украины, в 37-м его расстреляли, бабушка почти 20 лет провела в лагерях... Отец попал в Кардымовский детский дом — для детей врагов народа, но это не помешало ему прожить интересную жизнь, многого добиться... В общем, история для приключенческого сериала... Одно из ярких детских воспоминаний — наш дом всегда был полон гостей, которых встречали пирогами, неважно — бедно мы жили или богато. Но больше всего в родителях меня восхищало их трепетное отношение друг к другу. Мне, может, так непросто живется по женской части моей жизни, потому что передо мной был такой пример любви отца к моей матери. Он носил ее на руках, с удовольствием исполнял любые ее прихоти, дарил ей подарки. Он так ее любил всю жизнь!»

Итак, талантливая мама, интереснейшая загадочная личность — папа... Но какая дружная творческая семья без красивой семейной легенды? И такая легенда есть.

По семейному преданию, Марина ни много ни мало — правнучка... великого русского писателя Льва Николаевича Толстого. Официальных документов, доказывающих сей факт, разумеется, нет, но сама актриса всегда свято верила, что в ней течет «графская писательская кровь». И приводила свои аргументы: «Моя прапрабабушка по линии мамы Пелагея была крепостной великого писателя земли русской. Она была красавицей и любимицей Льва Николаевича... Конечно, мы свечку не держали, но мой прадед с этой стороны, судя по фото, просто вылитый Лев Толстой: характерный нос, взгляд... И бабушка моя родная очень похожа. У нас в доме была красивая посуда, и мама говорила: «Это нам от графьев осталось... Правда это или нет, но нам приятна такая легенда».

В школе Марина училась неважно, а называя вещи своими именами, — просто из рук вон плохо. Потом она всю жизнь переживала, что делает орфографические ошибки даже в «эсэмэсках».

Зато в ее детстве была настоящая страсть и мечта — стать балериной. Девочка рано начала заниматься танцами и занималась очень серьезно, почти не отвлекаясь на подготовку к урокам. И у нее здорово получалось. Когда в их дом приходили гости (а это случалось довольно часто —

*Марина
Голуб
в к/ф
«Зона Любэ»*

семья была очень хлебосольной и гостеприимной), изюминкой вечера была просьба кого-нибудь из родительских друзей станцевать: «Мариночка, покажи!» Худенькая стройная Марина показывала «Умиряющего лебедя», и все восторгались ее гибкостью и грацией. «Будет балериной Большого театра, не меньше» — этот вердикт взрослых полностью совпал с ее тайными грезами.

Марина Голуб рассказывала: «И вот однажды мама меня повела в Большой театр — показаться педагогу. Есть такие педагоги, которые смотрят косточки у детей и говорят родителям, есть ли у ребенка перспектива в балете. Я была тогда очень худая — как тростинка. Педагог посмотрела на мою маму, на ме-

ня и грустно сказала: «Милая девочка... Вырастет метр семьдесят ростом. У нее будет попка, ножки — она будет крупная!» Мама была в шоке: «Как? Посмотрите, какая худышка!» «Я все вижу: прелестная девочка. Но в балет Большого театра вам не надо!» Для меня это была невероятная трагедия, ведь, как мне казалось, я танцевала прекрасно и была просто создана для балета».

Мечта посвятить себя театральной сцене появилась у нее в старших классах и — благодаря маме. «Мама была феерическая женщина с очень непростой актерской судьбой. Она из актрисы трагедии выросла в героиню с большим диапазоном. Она играла в Театре Гоголя, потом ушла на эстраду. И как-то в целом не сло-

жилась у нее карьера. Причем причина была не в таланте, а в ее характере — мама была человек открытый и отважный, если ее что-то не устраивало, могла высказать (и периодически высказывала!) главному режиссеру прямо в глаза, что она по поводу него думает... Но вообще все, что у меня как у актрисы есть, это от моей мамы. Во мне есть ее положительный заряд — она была женщиной с большим оптимизмом».

Когда в девятом классе мама спросила: «Куда ты собираешься поступать? В иняз или на балетмейстера?» — в ответ услышала, что дочь будет поступать в театральный на актрису. Людмила Сергеевна искренне изумилась. «В драму?» «В драму!» «А почему ты мне ни разу не читала ничего, не показывала?» «А я сейчас могу показать». И Марина сходу прочитала ей «Песнь о собаке» Есенина. Мама выдержала па-

*Марина Голуб
и Вадим Долгачев*

узу и задумчиво сказала: «Знаешь, а что-то в этом есть!»

ВМЕСТО ТЕАТРА САТИРЫ И БДТ — В МОСКОНЦЕРТ

Поступать решила в Школу-студию МХАТ.

Актриса вспоминала: «А тогда набирал курс потрясающий педагог, профессор, к сожалению, сейчас его уже нет в живых, Виктор Карлович Монюков. Помню, на вступительных экзаменах я читала отрывок из «Угрюм-реки». Прочитала и поняла, что прочитала гениально. Взяла и села нога на ногу: дескать, смотри, комиссия, как я могу. Виктор Карлович обратился к моей маме, мол, плохо вы ребенка воспитывали. «Села нога на ногу, заигрывает со вступительной комиссией... Это что такое? Это же МХАТ!» Мама не растерялась: «Знаете, да она же в полном зажиме от волнения. А когда у нее полный зажим, у нее начинается полный разжим — себя плохо контролирует». «Как-то пускай соберется немножко». И начался прекрасный период в моей жизни — в великой мхатовской школе».

Училась Марина вдохновенно — на своем курсе считалась одной из лучших и самых перспективных. Искрометная, талантливая, фактурная. Однокурсники и педагоги были уверены, что после блестящего дипломного спектакля «Хелло, Долли!», где она феерила, Голуб будут просто рвать на куски театральные режиссеры. Ведь было столько лестных слов

и восторженных рецензий в ее адрес! Поэтому никого не удивило, что сразу по окончании Школы-студии ее пригласили несколько ведущих театров — «Маяковка», театр Сатиры и легендарный ленинградский БДТ. Звали мэтры-режиссеры — Товстоногов, Плучек...

Казалось бы, о чем еще можно было мечтать молодой актрисе? Выбирай! Но, во-первых, как выпускница Школы-студии МХАТ, она мечтала только о МХАТе, а в труппу прославленного театра ее не позвали. Во-вторых, все оказалось не так просто и безоблачно. В каждом театре уже были свои «звезды» — в БДТ тогда царствовала Светлана Крючкова, в театре Сатиры — Татьяна Васильева-Ицыкович. Обе в зените своей славы, в расцвете лет... А Голуб была характерная актриса, к тому же очень яркая и очень смешная. Видеть в своих труппах ее хотели, но ролей по большому счету для нее не было. Сама же она видела в этих приглашениях холодный расчет. Григорий Ефимович Голуб к тому времени работал в Управлении культуры, и театральные администраторы, узнав об этом, быстро сообразили, что уж для своей-то дочери он выбьет в Управлении лишнюю штатную единицу. В результате от всего пришлось отказаться и начинать карьеру с нуля — с поисков работы.

Этот период она пережила трудно — «металась из стороны в сторону». Попробовала себя в кино — в 1980-м снялась в исторической дилогии «Юность Петра» и «В начале

К/ф «Такси для ангела»

Справа:

к/ф «Свадьба»

славных дел» у самого Сергея Аполлинариевича Герасимова. В том же году сыграла у Эльдара Рязанова — в трагикомедии «О бедном гусаре замолвите слово». Роли были небольшие, но Марина верила — лиха беда начало. В Школе-студии МХАТ ее учили: «не бывает маленьких ролей, бывают маленькие актеры». Уж теперь-то ее заметят и другие режиссеры, оценят ее дар, наступит прорыв — почему бы ей не сделать блестящую карьеру в кино. Не похожую ни на кого своеобразную актрису киношники действительно заметили, охотно приглашали на пробы, но прорыва не наступало — ролей, которые могли бы раскрыть ее потенциал, Голуб не предлагали. Много лет спустя Марина откровенно признавалась, что, бывало, от безысходности рыдала в подушку, «корила себя за бездарность» — ей казалось, что жизнь кончена.

В этот момент мама ей посоветовала: «Иди на эстраду — в Москонцерт! Не надо сидеть и чего-то ждать. Надо идти к зрителю, а эстрада тебе много даст».

«Конечно, как каждая актриса, мечтающая о великой сцене, я долго отказывалась. Потом решила попробовать. Сделала репертуар: читала стихи, отрывки из любимых пьес... И теперь я могу твердо сказать, что я благодарна этому решению, потому что, когда у тебя декорации, красивые платья, роскошные партнеры — это одно. В сто крат труднее в одиночку выйти к зрительному залу и убедить тебя слушать. А когда потом тебе еще начинают аплодировать и кричать «браво» — это дорогого стоит. Мне это действительно столько дало!»

Два года актриса колесила с концертами по стране — выступала в провинциальных домах культуры,

сельских клубах, далеких военных гарнизонах.

Вскоре ее характерность, веселый нрав, легкость в общении, стремление работать и развиваться оценили и в театре. Шесть лет Марина Голуб отдала знаменитому Театру миниатюр Аркадия Райкина, еще пятнадцать — Московскому еврейскому театру «Шалом». Не будучи еврейкой даже наполовину, играла спектакли на иврите и идиш, и, кстати, пользовалась невероятным успехом у зрителей. Параллельно — вела на телевидении «Утреннюю почту», пробовала себя в других телевизионных проектах, все чаще снималась в кино. Шикарно сыграла директора филармонии в «Ширли-мырли», директора магазина в «Свадьбе» — уже тогда начал скла-

дываться ее киноимидж «королевы эпизода».

Но по-настоящему ее актерская судьба стала успешно складываться только в самом начале «нулевых». В 2002 году сбылась, как она выражалась, «мечта идиотки» — ее пригласили-таки в труппу МХТ имени Чехова.

«У меня такое чувство, — сверкая от счастья, делилась Марина Голуб, — что я прошла все круги испытаний, чтобы прийти в Свой Дом. Как будто раньше меня туда не пускали, а потом сказали: «Теперь можешь». Сюда надо приходиться, когда ты чего-то достиг и достоин этой легендарной сцены».

Именно на сцене Художественного театра Голуб вдруг раскрылась как серьезная драматическая актри-

са, при этом не боящаяся выглядеть смешной, забавной, обожающая гротеск. Она блестяще сыграла Дарину в «Тартюфе» Мольера. Ее Гертруда в шекспировском «Гамлете» (в постановке Юрия Бутусова), где она играла вместе с Константином Хабенским, Михаилом Трухиным и Михаилом Пореченковым, стала событием для театральной Москвы.

И вскоре слава буквально накрыла ее с головой.

«ЛЮБЛЮ ИГРАТЬ СТАРУХ, КИКИМОР И БАБ-ЕГ!»

Спустя годы, отвечая на вопросы журналистов, трудный ли путь она прошла к себе сегодняшней — успешной и популярной, актриса не скрывала: невероятно трудный.

«Если ты хочешь добиться не только славы, не просто мелькнуть, а достичь какой-то глубины, то это очень сложный путь, — уверяла Марина Голуб. — Здесь нужны три составляющие: работоспособность, талант и его величество случай. Можно даже не иметь на своей стороне Фортуны, но я верю, что работоспособность и талант пробьют все. Хотелось ли мне в минуты отчаянья уйти из профессии? Нет. Никогда в жизни даже не допускала такой мысли. Актеры могут чем угодно полатиться: личной жизнью, могут не видеть детей, семьи, могут недоедать, чего-то не иметь, но не выходить на сцену они не могут! Знаете, это абсолютный наркотик. Болит нога — перед спектаклем она сразу перестает

болеть, 40 температура — ты ее не чувствуешь, ты хорошеешь, расцветает... Хотя я и произвожу впечатление человека оптимистичного, и это действительно так, но, поверьте, в моей жизни было много отчаянья, и очень глубокого. Но просто я считаю, что этого никто не должен видеть. В самые трудные моменты моей жизни меня спасала моя профессия — она вдруг неожиданно открывала совершенно другие двери и говорила «иди за мной — за своей судьбой». И я даже не шла, а летела на крыльях счастья!»

На сцене МХТ Марина сыграла немало ярких ролей, в том числе такие знаковые для каждой актрисы, как Селия Пичем — в брехтовской «Трехгрошовой опере», Васса — в «Вассе Железновой».) Ее вдруг «распробовало» и полюбило кино — за какие-то 10 лет актриса сыграла около 80 ролей, в том числе в таких популярных лентах, как «Водитель для Веры», «Изображая жертву», «Андерсен. Жизнь без любви», «Мамы»... Как сама она не раз признавалась, «бралась за все, из чего можно было хоть что-то интересное сделать». «Жизнь небольшая, и надо в ней успеть попробовать многое. Я люблю играть мальчиков, мужиков, девочек, старух, кикимор, бабег... Все люблю!»

Ее популярности в немалой степени помогала ее активная телевизионная деятельность: Марина Голуб без устали вдохновенно вела сразу несколько рейтинговых развлекательных программ — «Путешествие

натуралиста», «Девчата» и «Эх, Семеновна!» Именно там ее искрометный комический дар импровизации, вкупе с неиссякаемым зарядом оптимизма, проявлялся во всем блеске и разнообразии.

Согласитесь, довольно редкий случай: актриса стала звездой, народной любимицей на пятом десятке лет, когда амбиции и мечты о вселенской славе обычно идут на спад. Не имея ни модельной внешности, ни стройной фигуры... Но именно в этот момент Марина Голуб вдруг

оказалась интересна всем — режиссеры предлагали ей большие лакомые роли, она стала гламурной героиней глянцевого журналов, которые из номера в номер писали о ее бурной личной жизни и привлекали читателей ее фотографиями на обложке. Парадокс? Да нет. Удивительно, что ее талант, позитивный легкий характер и умение создавать вокруг себя атмосферу нескончаемого праздника не особо замечали раньше.

Окружающие удивлялись ее неумности: тянет на себе чуть ли не

*С Анатолием
Бельм*

весь репертуар Основной сцены МХТ и при этом жалуется, что полгода нет новых ролей. Голуб отвечала, посмеиваясь: «А что вы хотите?! Я же Стрелец по знаку зодиака, да, к тому же, Петух Огненный. Представляете, как мне тяжело себя сдерживать?»

Марина не скрывала, что планов у нее громадье. Мечтала сыграть Зойку в «Зойкиной квартире», мамашу Кураж, леди Макбет, героиню пьесы Эдварда Олби «Кто боится Вирджинии Вульф». Хотела играть в пьесах Островского, Чехова. Особенно ее притягивала роль Ирины Николаевны Аркадиной в «Чайке»...

ЛЮБОВЬ И ГОЛУБ

За последние годы актриса дала десятки, если не сотни «огненных» интервью, в которых открывала почти все свои секреты и тайны, справед-

ливо полагая, что ее опыт может кому-то принести пользу.

«Люди, которые меня знают близко, — рассказывала она о своей закулисной жизни, — говорят, что я на работе и я в домашних условиях — это два разных человека. Когда я прихожу в театр, то становлюсь актрисой. Здесь не может быть плохого настроения, надо нести положительный заряд. Дома же я могу быть, как ребенок, — обижаться, хотя на работе обиду никогда не покажу. Дома я тоже могу быть и озорная, и смешная, но стараюсь расслабляться. Могу поплакать. Даже по-выть... Важен ли для меня тыл в виде мужчины? Самая сильная женщина — это самая слабая женщина. Мне необходим мужской тыл. Любой женщине нужно иметь рядом человека, который ее понимает. Актрисе — тем более. Потому что мы очень ранимые люди, сильно себя

Слева:

к/ф «Мама
дарагая»

*На сцене
театра*

растрчиваем, работаем нутром. И восстанавливается все это только какими-то особыми моментами, случаями, теплом человеческим. Когда такого тепла нет, то начинаешь его отчаянно искать, чтобы согреться. Для того, чтобы потом это тепло опять отдать».

Однажды на традиционный вопрос «ваше кредо?» Марина Голуб, не раздумывая, ответила: «Не соври, не предай, не обидь. И люби!» Причем слово «люби» прозвучало как самое ключевое. И действительно личная жизнь актрисы всегда была бурная.

Первая любовь накрыла ее с головой еще в театральном вузе — с красавцем Дмитрием Золотухиным (через несколько лет он сыграет молодого Петра Первого в историче-

ской диалогии Сергея Герасимова «Юность Петра» и «В начале славных дел»), они были однокурсниками. Типичный студенческий роман: длившаяся несколько лет неумная страсть, тяжелое расставание.

В середине 80-х Голуб приняла настойчивые ухаживания московского бизнесмена Евгения Тройнина, в котором актрису подкупило его удивительное внешнее сходство с ее любимым актером Омаром Шарифом. Они сыграли красивую пышную свадьбу. Вскоре родилась дочь — Настя. Но, по воспоминаниям коллег Марины, уже в период беременности она поняла, что ошиблась с выбором — слишком с мужем они были разными, — и решила расстаться. Евгений не был ни на одном ее спектакле и вообще счи-

тал актерскую профессию несерьезной.

А вскоре на гастролях Театра миниатюр Аркадия Райкина в Волгограде Марина Голуб познакомилась со студентом местного истфака Вадимом Долгачевым. И мгновенно влюбилась в этого двухметрового парня, внешне похожего на молодого Жерара Депардье. Настояла, чтобы Вадим переехал в Москву, поступил в Школу-студию МХАТ. Они поженились. Но и в этот раз семейная жизнь не задалась. По версии одних друзей семьи, со временем Вадим стал злоупотреблять спиртным, по мнению других, причина разлада была в другом — Марина хотела, чтобы муж делал карьеру и вырос в великого артиста, а тот якобы не оправдал ее надежд.

Долгачев рассказывал о своем союзе с Голуб так: «Наш брак с Мариной я бы назвал «браком по-итальянски»: то любовь сумасшед-

шая, то развод, и девичья фамилия! Мы ссорились и ругались, потом были рыдания и призыв «возвращайся!» Шесть лет рядом с ней превратились в мои вечные блуждания — уходы навсегда и возвращения насовсем...» Но в целом он был согласен: не смог Марине соответствовать.

Актриса вспоминала, как в день развода они с Вадимом, выйдя из ЗАГСа, сели, обнялись и потом еще три дня «отмечали расставание», пили водку и долго-долго плакали, вспоминая прожитые вместе годы.

«Что такое любовь?» — спрашивали актрису. Она отвечала: «Когда в отсутствие человека задыхаешься, а в его присутствии понимаешь, что это весь твой мир, — наверное, это и есть любовь». На другой самый задаваемый Голуб вопрос: как ей удается влюблять в себя таких ярких мужчин, она с загадочной улыбкой отвечала: «Я всегда была уверена в себе. Никогда не считала себя кра-

*С дочерью
Анастасией*

савицей. Убеждена: главное — энергетика. Мужчины на самом деле считают нашу энергетику, а не «сиси-писи».

В 1995 году Марина Голуб начала встречаться с актером Анатолием Вайсманом. Говорят, именно она придумала ему звучный псевдоним Белый, под которым он впоследствии стал известным. Оба служили в театре «Шалом» и неудивительно, что во время репетиций между ними проскочила искорка, со временем переросшая сначала в страстный роман, а затем и в венчаный брак. Любопытно, что Анатолий был младше Марины на 15 лет, но они прожили 11 лет и даже вместе перешли во МХТ, где коллеги их шуточно и с любовью называли Белый Голуб. К своему 10-летию юбилею пара переехала жить в свой новый трехэтажный загородный дом в Подмоскowie с огромным подворьем.

Марина сама сделала в нем ремонт, так как Анатолий в этот период много снимался в кино и был постоянно в разъездах. Казалось, ничего не угрожало их семейному счастью. Но вскоре муж объявил, что уходит к другой женщине — эта новость ударила Марину как обухом по голове.

Голуб тяжело переживала разрыв с Белым, это предательство так ее подкосило, что актриса, по слухам, чуть было не ушла в монастырь. Но со временем она нашла в себе силы простить его и вновь ушла с головой в работу, в воспитание подрастающей дочери, начала подумывать о режиссуре и преподавании актерского мастерства студентам. А по поводу своей личной жизни говорила: «Знаете, я счастливая женщина — в моей жизни было любви очень много. Я трижды была замужем и со всеми бывшими мужьями сохранила хорошие отношения. От первого

мужа, с которым я прожила совсем мало, у меня дочь. Она мой большой друг, мы с ней говорим на одном языке. Со вторым мужем я прожила довольно-таки долго, и он является моим другом до сих пор. Вадик очень хороший человек, и я его люблю. Вместе с ним мы пишем сценарии, а еще он хороший фотограф. С третьим мужем — Толей — мы работаем в одном театре. Он очень хороший актер, интересный. С ним была довольно-таки сложная история, теперь у него большая семья, и дай бог ему счастья! Я считаю, что важно не просто плыть по жизни, а самому делать ее... Уметь сделать выводы из своих ошибок: поменять что-то в себе, в ситуации, в окружении. И идти дальше».

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Последней большой любовью актрисы стал Михаил Кравченко — президент крупного мебельного холдинга «8 Марта». Как всегда, Марина ушла в свою новую страсть без оглядки, безрассудно, называла эту встречу «счастливым поворотом судьбы». По-другому она не могла, не умела и не хотела. Говорила открыто: «Я живу этим человеком!», посвящала возлюбленному стихи, «стройнела» ради него. Обучала его актерскому мастерству и даже поставила к 15-летию фабрики «8 Марта» спектакль «Горе от ума» — с Михаилом Кравченко в роли Чацкого. У них были далеко идущие планы. Бизнесмен собирался подарить Марине

огромную площадку под ее народный театр. В нем они планировали учить и детей, и взрослых, ставить спектакли мирового репертуара. Но он не успел...

20 мая 2012 года возле своего дома в подмосковном Переделкино Одинцовского района 46-летний Михаил Кравченко был зверски убит — наемные киллеры изрешетили его «мерседес», всадили в него шесть пуль. Это убийство потрясло всю Москву.

Гибель Михаила стала огромной трагедией для Голуб. Она бросилась проводить свое собственное расследование, чтобы найти и исполнителя, и заказчика. Постоянно созванивалась со следователями, использовала свои связи в правоохранительных органах. Буквально горела этим. Но через четыре месяца погибла сама.

В связи с этим, кстати, многими моими коллегами озвучивалась и «конспирологическая» версия: мол, смерть актрисы могла быть несчастливой — «она могла кому-то мешать». Якобы ей даже угрожали... Об этом в программе «Пусть говорят» рассказала ее подруга Светлана Савельева: «За три дня до аварии Марина позвонила мне и маме Михаила Галине Николаевне. Сказала, что у нее появилась какая-то новая информация по этому делу, что общит она ее только при личной встрече. И что ее предупредили: не надо заигрывать в детективов, глубоко копать и лезть дальше положенного...» По словам мамы Михаи-

ла Кравченко, Голуб должна была к ней приехать и лично все рассказать в среду 10 октября. И в ночь с 9 на 10 октября погибла.

Взаимосвязаны эти две смерти или нет — вопрос риторический. (Позже по этому делу был задержан друг и партнер Кравченко по бизнесу Алексей Пронин. По версии следствия, именно он заказал главу «8 Марта», чтобы не платить по старым долгам, — ред.)

...В день своей гибели перед спектаклем «Смертельный двигатель» в Театре Наций Голуб встретила подругу, которую давно не видела, и в разговоре с ней поделилась, что такой счастливой в творческом плане, как сейчас, она не была никогда в жизни. После спектакля она поехала домой: собиралась переноче-

вать у дочери, которая жила неподалеку от театра. Но Настя так и не дождалась свою маму. В час ночи ей позвонили, и незнакомый голос произнес: «Марина Григорьевна Голуб погибла в автокатастрофе».

Незадолго до этого она говорила в интервью: «Я не могу сказать, что некая профессиональная планка достигнута. Нет предела совершенству! Хотя какой-то этап, конечно, пройден. Я заслужила признание. Приятно, что любят и уважают. Это значит, что я все делаю правильно. Но я всегда живу немножко с мыслью о завтрашнем дне. И свою дочь Настю так учу: сегодня уже прошло, надо идти дальше и видеть всегда на два шага вперед. Мне кажется, что мои роли и все лучшее в моей жизни только впереди!» □

Евгения Гордиенко

КОЛЛЕКЦИЯ ПО ЛЮБВИ

Париж известен нам как город, где процветает искусство. И не только в художественном смысле этого слова. Парижане (да и французы в целом) ничуть не меньше, чем своими живописцами и скульпторами, гордятся своим «искусством жизни» — *art de vivre*. Умением распределять время между работой и отдыхом, видеть красоту в простоте и окружать себя прекрасным, вне зависимости от внешних обстоя-

тельств. Что же должно было произойти в этой колыбели удовольствий, если выставочному центру Fondation Louis Vuitton пришлось работать с 7 утра и до 11 часов вечера, а впоследствии еще и продлить выставку на две недели? Что так хотели посмотреть парижане, что выстаивались в длинные очереди и терпеливо ждали по несколько часов?

Ответ был на афише, прочесть которую с первого раза человеку, не владеющему хотя бы каким-то из славянских языков, было бы трудно. Там значилось: «Lacol lection Chtchoukine». Но как нам понятна простая русская фамилия «Щукин», так и любому знатоку искусства известно собрание одного из величайших коллекционеров модернистской живописи — Сергея Щукина. Именно чтобы увидеть одно из лучших в мире собраний Матисса, Пикассо, Гогена, Сезанна и Моне, и стояли парижане в многочасовых очередях. Картины были привезены из Пушкинского музея и из Эрмитажа, впервые объединившись после того, как их прежний хозяин покинул Россию...

Но откуда вообще возникло такое явление, как русский коллекционер европейской живописи Сергей Иванович Щукин?

Семья Щукиных всегда славилась своей страстью к коллекционированию. А пополнять свои коллекции им было на что. Дед пяти братьев Щукиных, старообрядец, пришел в Москву пешком из Боровска, отец — Иван Щукин — сам выделывал кисею, прятал деньги под половицу, а затем вступил сразу в первую купеческую гильдию, завел большой дом, женился на красавице-меломанке Екатерине Петровне Боткиной и стал отцом пятерых сыновей.

Все дети Ивана Щукина были собирателями: Николай коллекционировал старинное серебро, Петр — древние книги, фарфор и жемчуж-

ное шитье, а Сергей вот увлекся картинами.

Хотя поначалу он казался «слабым звеном» этой успешной семьи — в детстве лечился от заикания и по этой причине не посещал образовательных заведений. Лишь в 19 лет, после курса лечения в саксонской клинике, он три года слушал лекции в Практической коммерческой академии в Тюрингии (Германия). То ли образование пошло на пользу, то ли природная коммерческая жилка в нем была сильнее, чем у прочих, но, став взрослым, Сергей Щукин неожиданно оказался самым успешным из братьев.

В Москве за постоянное приумножение семейных капиталов его называли «министром коммерции» и «дикобразом». Конкуренты с восторгом и завистью рассказывали о невероятных аферах и головокружительных деловых комбинациях Сергея Щукина. Его жена Лидия считалась первой московской красавицей, а трое сыновей обещали стать достойными продолжателями династии...

Вскоре всему этому благолепию суждено было оборваться. Сын — тоже Сергей — пропадет без вести, а жена, не вынеся горя, сгорит через пару лет. Вскоре после этого покончит с собой еще один сын — Григорий, а через несколько месяцев застрелится брат Иван. Злые языки

поговаривали, что Сергей Сергеевич покинул дом из-за конфликта с отцом, а Лидия Щукина и вовсе покончила с собой. А совсем уж завистники считали, что несчастья посланы Щукину за то, что он «в домово́й церкви развесил богомерзкую мазню Ренуара и Пикассо».

Чтобы разобраться, откуда работы великих мастеров появились дома у богатого русского купца, нужно вернуться на пару десятков лет назад — в 1887 год, когда только начала зарождаться будущая коллекция.

Будучи в гостях у брата Ивана, жившего в Париже, Сергей заинтересовался работами Камиля Писсарро, но вскоре, увидев работы Клода Моне, всерьез увлекся этим худож-

ником. Он купил «Сирень на солнце», после чего в течение нескольких лет в его собрании появилось еще тринадцать работ художника.

Впоследствии коллекция пополнилась Ренуаром, Дега, Сислеем, Дени, Котте и Фореном — многие из этих картин Сергей Иванович купил у брата Петра — через арт-дилера. (Петр женился и решил распродать собственную коллекцию. Сергей же, по его словам, не желал, чтобы такие картины уходили из России.)

Вскоре его увлечение импрессионистами сменилось любовью к авангарду и модернизму. Хорошо известен принцип, по которому Сергей Щукин отбирал работы в свою коллекцию: «Если, увидев картину,

ты испытываешь психологический шок — покупай её».

Судя по количеству купленного, шок от мастеров авангарда и модернизма Щукин испытывал регулярно — все стены его дома в Знаменском переулке были плотно, от пола до потолка, увешаны картинами.

В одной из комнат — розовой гостиной — картины развесил сам автор, Анри Матисс. Почти 40 работ, которые сегодня носят название «русские Матиссы», находились в щукинской коллекции. Специально для дома в Знаменском художник написал два огромных панно — «Танец» и «Музыка». Поскольку они предназначались для лестничных пролетов, то композиционно и эмо-

Анри Матисс. Панно «Музыка»

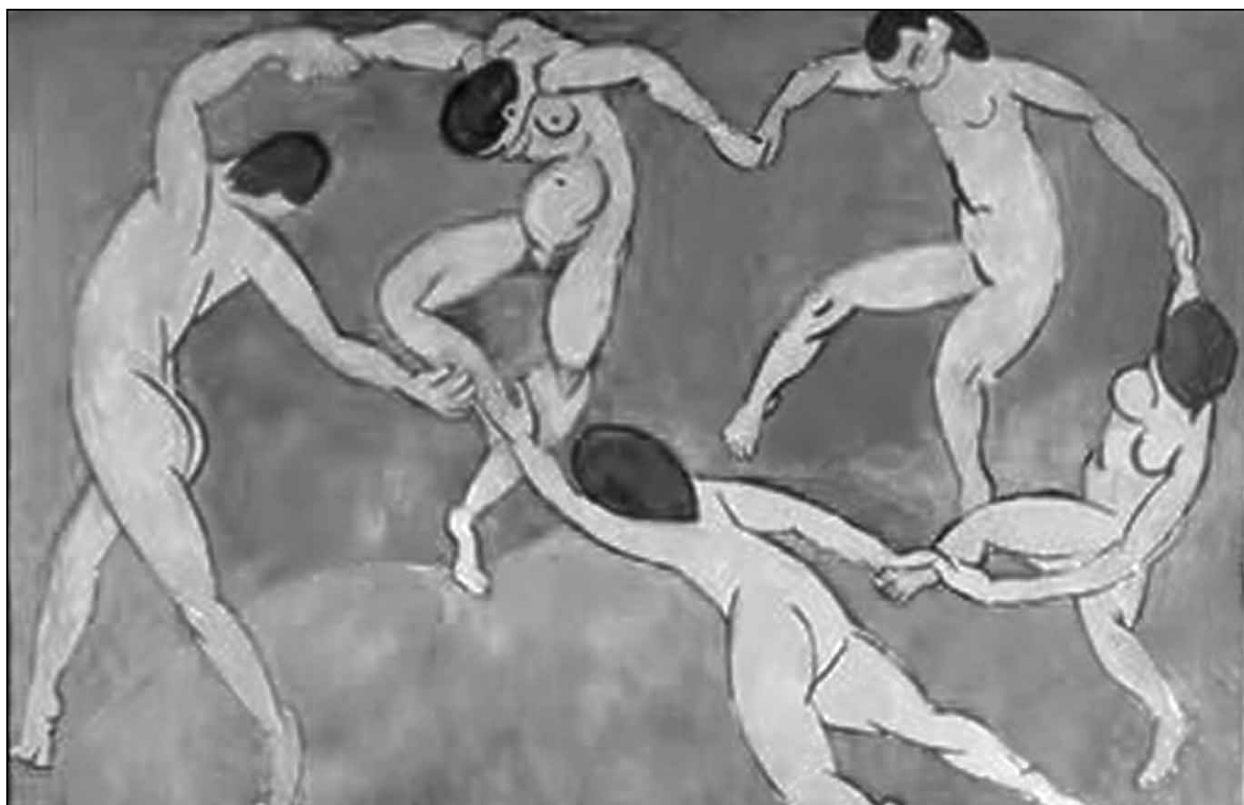
ционально получились очень необычными. Парижская пресса осмеяла их. А Щукин, увидев панно, остолбенел. И, видимо, забыв о своем главном принципе... отказался брать работы. Матисс, для которого Щукин был не только заказчиком, но и другом, поник, а критики ликовали. Однако в поезде Щукин одумался и послал художнику извинительную телеграмму, сообщая, что выкупает картины. Сегодня «Танец» и «Музыка» — визитная карточка как щукинской коллекции, так и самого Матисса.

Сергей Иванович никогда не интересовался «мертвыми» художниками, его занимали только те, кто жил и работал прямо сейчас, на глазах всего мира творя новое искусство.

Следующей «любовью» Щукина стал испанский бунтарь, который принципиально не выставлял своих картин, — Пабло Пикассо. Поначалу Щукин не хотел приобретать его картины для своей коллекции, но его убедили — хоть один Пикассо да должен быть. Коллекционер купил «Даму с веером» и по приезде домой не знал, куда ее повесить. Повесил в непарадном коридоре. И через некоторое время поймал себя на том, что старается найти причины для выхода в этот самый коридор...

Впоследствии Щукин собрал самую большую на 1914 год коллекцию Пикассо в мире, она насчитывала более 50 работ художника!

Отношения между Щукиным и Пикассо были натянутыми. Вот как

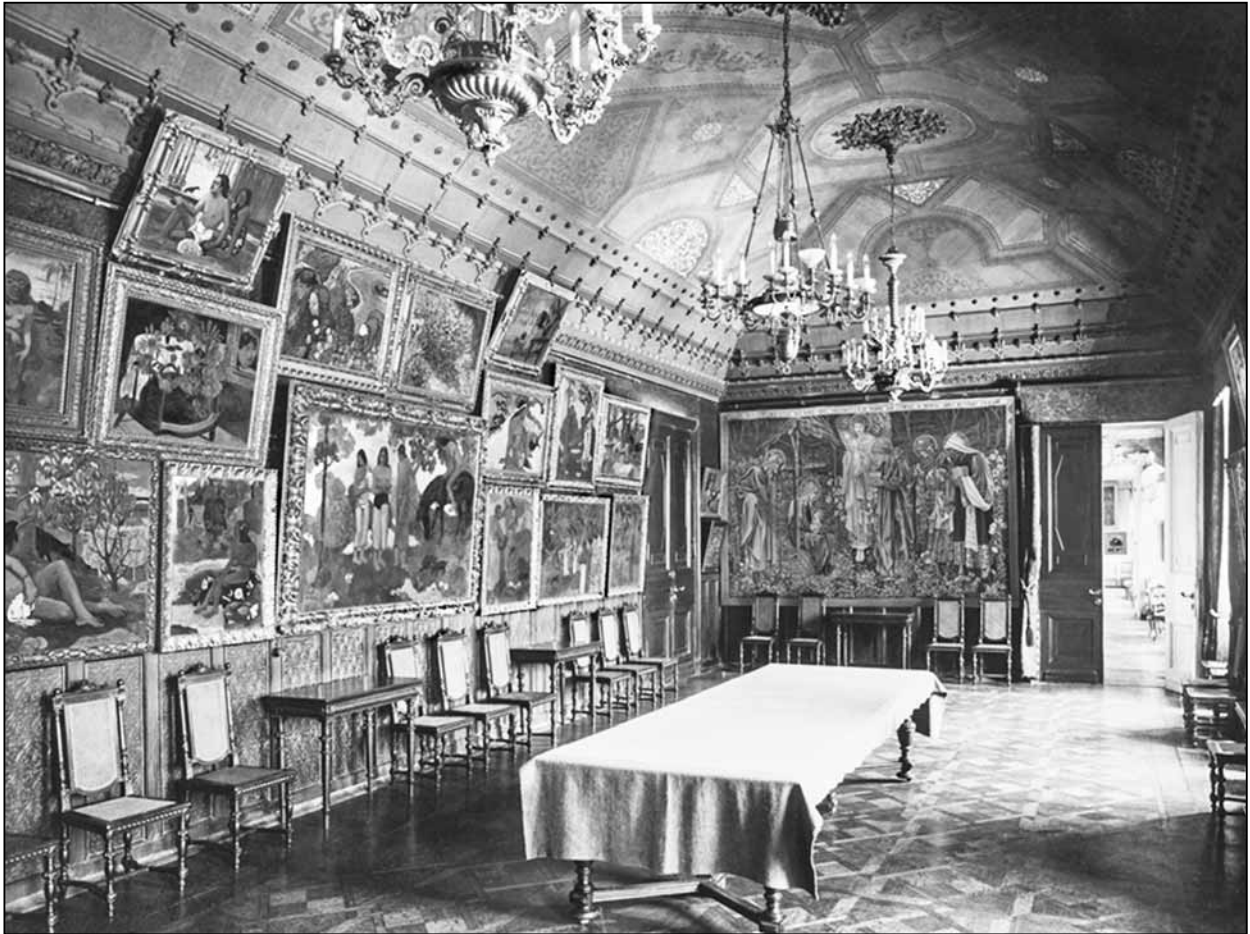

Анри Матисс. Панно «Танец»

рассказывает об этом внук Щукина, Андре-Марк Делок-Фурко: «Первая встреча у них вышла безрадостной. После нее Пикассо набросал карикатуру на деда... Это была встреча двух боссов. Один очень богатый... Другой — совсем бедный, но он все-таки начальник этой шайки новой живописи. Сидит на Монмартре со своей группой. Взгляд какой! Они большие, он такой маленький матадор. Позади матадора стоят гиганты: Аполлинер, Брак.... Когда Пикассо было 16 лет, в Барселоне, он уже был начальником. Поэтому у него с Щукиным было равенство. Матисс старался поймать взгляд Щукина и ему угодить. А Пикассо совершенно не ждал взгляда Щукина, хотя и гордился тем, что такой

известный коллекционер его покупает... Но между ними был только бизнес».

В 1907 году Сергей Иванович задумался о том, чтобы выставить коллекцию на всеобщее обозрение. Занимаясь этим, он прислушивался к мнению людей, которые считались авторитетами в мире искусства. В частности, он дружил со Стайнами — Гертрудой и ее братьями Лео и Майклом. Дружба, однако, не мешала духу соперничества, ведь ядро коллекции Стайнов составляли как раз Пикассо и Матисс. Иногда возникала даже конкуренция за конкретные работы. Так, картину Пикассо «Три женщины» Щукин впервые увидел в мастерской художника и сразу же влюбился в нее. Но она была уже

продана Стайну. Как безумно влюбленный ждет, когда любимая женщина уйдет от другого к нему, так и Сергей Иванович через несколько лет дождался продажи и перекупил картину у Стайна.

В 1908 году коллекционер открыл для посещения свой дом. И основной публикой стали молодые художники, студенты художественных школ. Когда молодые люди открыли для себя Матисса, Пикассо, Сезанна и Гогена, они поняли, что вдохновляться можно и чужим вдохновением.

Несложно проследить, какое именно влияние оказывали великие мастера на молодых художников. На-

пример, посмотреть на картину Пикассо «Фермерша», которую Щукин приобрел в 1912 году. Через несколько месяцев появляется, если можно так выразиться, ее «призрак» — картина Малевича, а еще через несколько месяцев Малевич пишет первые работы в стиле кубофутуризма. Можно видеть, как от одной работы к другой происходила трансформация, как русское искусство менялось, становясь все более и более радикальным. Да что и говорить, если «Бубновый валет» был основан в доме Сергея Ивановича Щукина.

Обладая удивительным коммерческим чутьем, незадолго до революции Щукин перевел свое состо-

яние в европейские банки, что позволило ему после эмиграции жить иначе, чем большинство бежавших соотечественников. Но его коллекция, разумеется, осталась в России.

В Париже Сергей Иванович не заглядывал больше в знакомые галереи — лишь купил несколько картин для квартиры. Здесь он вторично женился, а его дочь родилась, когда ему было уже 65. Эта тихая, вполне комфортная жизнь была все же дарована человеку, который так много потерял на родине — жену, двоих сыновей, брата, любимую коллекцию, да и саму родину тоже.

В 1918 году коллекции Сергея Щукина и Ивана Морозова были объединены под одной крышей в Государственный музей нового западного искусства. Поначалу их разместили в бывшем доме Щукина, а потом, пройдя через несколько разделений, слияний и переездов, коллекция обосновалась в здании на Пречистенке, 21.

В 1948 году произошло событие, разделившее коллекцию Сергея Щукина на две части — Государственный музей нового западного искусства по указу Сталина был закрыт. Часть собрания отправилась в Музей изобразительных искусств имени Пушкина, часть (с наиболее сомнительными, с точки зрения идеологии, картинами авторства Пикассо и Матисса) — в Эрмитаж. Объединиться — пусть и на время — им удалось несколько лет назад, на выстав-

ке Фонда Луи Виттона в Париже. Эту выставку за время ее работы посетило более миллиона человек! Едва ли Сергей Щукин предполагал такой успех, однако истинная страсть, а он, безусловно, был коллекционером страстным, всегда находит отклик в людских сердцах. □

ЖЕСТОКИЙ ПАСЬЯНС

Пролог

Самолет Ту-154, прибывший рейсом из Ларнаки, мягко подкатил к стеклянному зданию столичного аэропорта Домодедово, и немногочисленные пассажиры высыпали на бетонку. Вид у большинства из них, главным образом, особей мужского пола, был отчетливо кислый. И то сказать: ну какой отдых на Кипре может быть не в сезон? Разве что одна лишь нескончаемая пьянка, сдобренная недешевыми услугами девушек «острова Любви». В общем, экзотического во всем этом маловато, так можно расслабляться и не выезжая из Москвы.

Поджарый пенсионер с перекинутым через левую руку плащом и «дипломатом» в другой руке выгодно отличался от большинства прилетевших своим загорелым лицом и бодрым внешним видом. Он ходко миновал тамбур, вошел в зал таможенного контроля и первым из прибывшей группы очутился возле пластикового окошка кабины, за которым восседала женщина в форме Федеральной таможенной службы. Пенсионер протянул в узкий проем свой загранпаспорт, натянуто улыбнулся: он почему-то всегда испытывал беспричинное волнение, когда пересекал родную границу.

Женщина, которой на удивление не шла военизированная форма, полистала паспорт, пощелкала клавишами компьютера.

— Вы продлевали визу на Кипре? — без выражения спросила «застекленная» мадам.

— Н-да, знаете ли... — замялся пенсионер. — Собирался отдохнуть месячишко, а задержался на полгода. Климат, знаете ли, как раз по мне оказался.

Женщина, по-видимому, пребывала в нерешительности. «Погоны капитанские, — отметил про себя престарелый почитатель средиземноморского климата. — А простого решения принять не может. Ну что ей не нравится, что смущает? Нельзя все-таки брать баб на такую работу».

На самом деле «нерешительная» капитанша уже сообщила по электронной связи в службу безопасности аэропорта, что Маслов Юрий Георгиевич, семидесяти четырех лет от роду, коренной москвич, прибыл на родину после долгого отсутствия. Теперь женщина ждала указаний. Спустя несколько секунд в ее наушниках что-то хрустнуло, и мужской голос повелительным тоном скомандовал: «Пропустить!»

— Проходите, — кивнула она, возвращая пенсионеру его паспорт.

Юрий Георгиевич Маслов, он же — академик Анатолий Семенович Ардашкин, со смешанными чувствами ступил на территорию своего Отечества. Именно в такие моменты он как никогда остро ощущал утрату собственной личности. Странно все же, однако... Чудно как-то. Ни академика Ардашкина, ни пенсионера Маслова на свете не существует, только не существует по-разному. Прямо-таки зеркально противоположные судьбы у этих людей.

Анатолий Семенович Ардашкин, согласно официальной версии, застрелился осенью 1991 года, однако физически он жив, идет себе к выходу из аэровокзала, на платную автостоянку. А тихий, заслуженный старичок Маслов жив только формально, он даже получает пенсию, хотя на деле он-то и погиб от пули, точнее — был застрелен и похоронен неизвестно где.

А еще пенсионер Маслов является фактическим владельцем престижного игорного клуба «Монреаль» — это название почему-то приглянулось академику Ардашкину, когда он, незадолго до инсценировки собственного самоубийства, решил вложить присвоенные им казенные средства в доходное дело. Впрочем, на бумаге хозяином клуба значился его нынешний распорядитель, своего рода — доверенное лицо академика Ардашкина.

Это самое «доверенное лицо», толстяк Вениамин Егоршин, был одним из немногих, кто знал академика в лицо (такой вот нехитрый каламбурчик). Хотя, между прочим, Анатолий Семенович радикально изменил свою внешность. Прежним остался только голос — и рост, разумеется.

Анатолий Семенович (или Юрий Георгиевич?) вышел из здания аэровокзала и, не обращая внимания на приставания «извозчиков», уверенно

направился к своей черной «Волге-3110», оставленной здесь почти полгода назад. Не доходя до машины, он вдруг остановился как вкопанный и нахмурился: «Боже мой, неужели это она?» «Волга» просела на спущенных баллонах, порыжевшие борта покрывали белесые разводы грязного снега. Анатолий Семенович бессмысленно обошел вокруг машины. Да, похоже, придется покупать другое транспортное средство. После успешной операции на Кипре, в результате которой академик стал богаче на восемь миллионов долларов, он мог позволить себе приобрести хоть «макларен», хоть «феррари», но Ардашкин всегда предпочитал продукцию российского автозавода.

Академик выпрямился и решительно зашагал к скопищу такси — он не собирался оплачивать полугодовую стоянку, после которой машину вряд ли примут даже в металлолом.

— Анатолий Семенович, дорогой! — окликнул его чей-то бодрый голос.

Академик невольно вздрогнул: давненько его не называли подлинным именем-отчеством. Он приготовился, было, ответить что-то вроде «вы ошиблись, сударь», но, всмотревшись в приближающегося мужчину с квадратной фигурой и широким, приветливым лицом, понял, что идти в «несознанку» нет никакого смысла, и недовольно проговорил:

— А, это вы...

— Узнали, стало быть? — обрадовался мужчина. — А уж мы вас заждались, бесценный вы наш Анатолий Семенович!

— Хватит юродствовать, полковник, — чисто по-стариковски пробрюзжал владелец клуба «Монреаль». — Не к лицу вам, между прочим.

— Молчу, молчу! — потешно выставил ладони «квадратный». — Пожалте в лимузин, господин Маслов. Так вам больше нравится, верно?

Черный «мерседес» плавно тронулся с места и, в считанные секунды набрав скорость, помчался в сторону Москвы.

— Мы уж, господин Маслов, и так, и эдак, и мытьем, и катаньем, — изливал по дороге душу «квадратный». — Даже наезды на ваш клуб организовали — ну, всякие там финансовые проверки, налоговые, из департамента полиции нравов...

— Зачем? — пожал плечами Анатолий Семенович.

— Да затем, что надеялись, а вдруг вашему управляющему, Егоршину, надоест умасливать проверяющих, и он свяжется с вами, уговорит приехать побыстрее... А он все отстегивает и отстегивает взятки чинушам.

— Что ж вы сами на меня не вышли? А? Или хватку порастрясли? — насмешливо спросил Ардашкин.

— Никак нет, товарищ генерал-академик, хватает хватки. Просто... Как бы это сказать... Побеспокоить боялись, прогневать. Мы ведь, хоть и Кон-

торе служим, а жить хотим, как все прочие... Вот я встретил вас, подвезти решил на хорошей машине, чтоб поскорее вам дома оказаться, а сам сижу и дрожу: а ну как вы надумаете меня на тот свет ускоренным темпом отправить? Как полковника Зуева? Вдруг вам моя забота не по нутру окажется? Уж не надо, пожалуйста, друзей-то убирать, чай, пригодимся еще...

Ардашкин мельком глянул в глаза собеседника и понял: не прикидывается. Всерьез дрожит за свою шкуру. И правильно делает. А идиотское словоблудие службиста — не что иное, как попытка скрыть свой страх. Жуткий страх, аж до обледенения внутренностей.

— Так зачем на этот раз я понадобился Конторе? Вроде давненько вы меня не обременяли просьбами.

— Ну, слава Богу, наконец-то мы перешли к делу, — совсем иным, серьезным тоном заговорил «квадратный», как будто это не он, а Анатолий Семенович столько времени нес всякую ахинею. — Дело к вам серьезное. Государственное.

За густо тонированными окнами «мерседеса» проносились березовые леса, перемежаемые коттеджными поселками с недостроенными домами-мастодонтами.

— Я весь — внимание, полковник, — процедил Ардашкин, приготовившись выслушать тщательно завуалированную обманку.

Однако то, о чем поведал службист, действительно показалось Анатолию Семеновичу делом важным и вовсе даже не шкурным.

— Про похищение крупной партии сырых алмазов с Мирнинского месторождения слышали? — вкрадчиво начал «квадратный».

Академику Ардашкину не требовалось слишком уж напрягать свою память: о «краже века» полгода назад трубили чуть ли не все мировые средства массовой информации.

Глава первая

«И все-таки здесь лучше, чем на панели», — утешала себя Мариночка, возвращаясь из кабинета менеджера на свое рабочее место за стойкой портье. И внутренне содрогнулась, вспомнив те несколько недель, что она провела в составе «бригады» девушек, базировавшейся в Малом Козицком переулке.

Она вздохнула, поправила прическу, словно только что получила нахлобучку в прямом смысле слова. Нет, рыженькие кудряшки были в порядке, холеный менеджер отеля «Блиц» не таскал Марину за волосы. Это

вам не Козицкий переулоч, здесь обращение с персоналом было куда гуманнее. Начальник лишь сделал юной «портьерше» очередной, причём совершенно нелепый, на её взгляд, выговор: мол, для сотрудницы администрации она смотрится чересчур сексапильно, не по-деловому. И вот результат: минувшей ночью один из постояльцев упорно настаивал на том, чтобы его «обслуживала» непременно Марина, предлагал ночному дежурному двойную, а затем и тройную оплату против принятого здесь тарифа.

Ночной дежурный с великим трудом разъяснил-таки непонятливому гостю, что подобного бардака в отеле не допускается. Здесь каждый выполняет свои конкретные обязанности, совместительство категорически запрещено. Конечно же, такие строгости казались гостю весьма странными для заведения, за которым прочно установилась репутация дома свиданий, тем не менее, об отеле «Блиц» никак нельзя было сказать, что это низкопробный бордель. Комфортабельные номера с кондиционерами, европейский уровень сервиса, прекрасная кухня — всё это делало «Блиц» привлекательным для именитых и состоятельных ловеласов. Сюда частенько привозили изнеженных любовниц в бриллиантах и горностаеях, здесь после светских вечеринок продолжали общение представители бомонда и богемы. И не раз перед стойкой рыжекудрой портье Мариночки возникали физиономии, многократно виденные ею на обложках глянце-вых журналов.

Администрация отеля гарантировала гостям полную конфиденциальность — гарантировала на словах, разумеется, ибо в жизни случалось всякое. И потому самой острой головной болью для службы безопасности было вовремя распознать скандальных журналистов, умело маскирующихся под честных клиентов.

Электронные часы над головой Марины показывали начало седьмого, когда вращающаяся стеклянная дверь впустила в гостиничный холл щуплого, лысоватого человечка лет пятидесяти. Из-под расстегнутого серого плаща проглядывал дорогой костюм тонкой английской шерсти, стильная сорочка и модный галстук.

«Всё — явно от-кутю, — отметила про себя Марина. — Судя по всему, небедный дядечка...» Она уже научилась моментально оценивать качество мужской одежды и состоятельность возможного ухажера. То, что у незнакомца было на редкость отталкивающее лицо с застывшим на нём брезгливым выражением, значения не имело: ей попадались куда страшнее.

Между тем гость отеля «Блиц», казалось, был в некотором замешательстве. Он нерешительно двинулся к стойке портье, и Марина с очарователь-

ной грацией поднялась со стула. Но, памятуя о недавнем выговоре, улыбнулась сдержанно, с достоинством мелкого клерка.

— Здравствуйте, — прохрипел незнакомец и откашлялся. — У меня здесь встреча...

— Вы бронировали номер? — осведомилась Марина.

— Нет-нет, я... — срывающимся голосом перебил очкарик. — Моя фамилия Безлепкин.

— Андрей Степанович! — окликнул его статный, породистый мужчина, сидевший в кресле под натуральными пальмами, листая какой-то журнал, и с протянутой для рукопожатия рукой направился в сторону «серого плаща»:

— Позвольте представиться: Балуев Денис Валерьевич. Цветочный салон «Летучий голландец», коммерческий директор, — церемонно склонил он голову.

— Рад познакомиться, — пробормотал Безлепкин.

Мужчины какое-то время разглядывали друг друга. Балуев неспешно прикуривал сигарету — не иначе, как ради паузы, долженствующей, по видимому, придать ему дополнительную солидность.

«Курит самые дорогие — "Абдуллу", а зажигалка из золота, вес металла — около тридцати граммов, проба 750», — машинально отметил про себя Безлепкин.

Зайди человек с такими повадками к нему на Таганку, в антикварный магазин, Андрей Степанович, скорее всего, принял бы посетителя за не слишком удачливого афериста. Но аттестации, полученные Безлепкиным от надежных людей, характеризовали Балуева как махинатора высокого ранга. И это не могло не вызывать уважения. Однако...

«Слишком респектабелен для торговца цветами, — подумал антиквар. — Слишком!» Выдохнув дым, Балуев широко улыбнулся:

— Есть предложение, Андрей Степанович, — широко улыбнулся Балуев. — Сейчас мы с вами посетим здешний ресторанчик — да-да, не удивляйтесь, тут на редкость славно готовят мидии! И недорого. Что вы скажете о тушеных мидиях в горшочке? Вот мы с вами хорошенько покушаем, а потом обсудим, так сказать, перспективы нашего сотрудничества, обо всем договоримся...

Безлепкин согласно кивнул, и мужчины неспешно направились в сторону ресторана.

Глава вторая

Застольный разговорчик между антикваром и коммерческим директором цветочного салона «Летучий голландец» был такого вот любопытного содержания:

— Вы, Андрей Степанович, уже отчасти осведомлены, а отчасти догадываетесь о предмете предлагаемого вам сотрудничества. О его перспективах, дивидендах...

Безлепкин степенно наклонил голову.

— Вот и ладушки, — кивнул Балуюев. — А в кое-какие необходимые детали я вас сейчас посвящу. Только уж, чур, Андрей Степанович, потом — «ни шагу назад, ни шагу на месте — только вперед со всеми вместе», — процитировал Денис Валерьевич известный когда-то всей стране пионерский слоган. И невольно вспомнил, что когда-то был примерным юным ленинцем, председателем совета отряда...

— Обижаете, Денис Валерьевич, я ведь, как говорится, не ради мидий нахожусь здесь, — вытирая губы салфеткой, ответил Безлепкин.

— Дай-то Бог, дай-то Бог, милейший Андрей Степанович, чтобы вы очень хорошо представляли себе всю ту меру ответственности, которую на себя принимаете. М-да... — Балуюев взял кончиками пальцев тарталетку с черной икрой и виртуозно отправил ее в рот. Посмаковал, удовлетворенно кивнул и продолжил: — Так вот. Сам я в Москве недавно, трудовой путь мой проходил по большей части в необъятных сибирских просторах нашей многострадальной родины, причем вовсе не за колючей проволокой, а в весьма и весьма уважаемых кабинетах. По якутским, разумеется, меркам. Выпьем божоле, вы как?

— Извольте, — согласился антиквар. И не удержался от подковырки: — Уж не в ваших ли уважаемых якутских кабинетах вы пристрастились к тонким французским винам, Денис Валерьевич?

На мгновение по лицу Балуюева промелькнула серая тень. Ох, не надо было бы Андрею Степановичу брать такой тон, не надо бы: рискованно это, отыгнется ведь потом-то...

Однако Балуюев не подал вида, что задет насмешкой, и вполне спокойно ответил:

— Верно, вы угадали, именно там. Мне нравится, что вы, Андрей Степанович, все схватываете на лету. Так и надо. Единственное, чего не надо хватать на лету — это пулю. Это мы так шутим у себя в Якутии. Ну, не будем о грустном. И гнусном. Хотя я и сказал, что работал не за колючей проволокой, только это не совсем так. Апартаменты мои все-таки охранялись, и ничуть не хуже, чем федеральный резервный банк. Разумеется, дело не в моей скромной персоне, а в нашей продукции. Хорошая такая продукция. Алмазы, очень много алмазов, коими так богата якутская земля. — Он вновь хлебнул вина и подцепил вилкой жирную мидию. — И на все эти богатства, как вам известно, давно и прочно наложил свою лапу барон де Бирс, точнее, его наследники. Обидно. И решил я составить конкуренцию «Де Бирсу» —

ну, хоть малюсенькую. Провести, так сказать, личную антимонопольную кампанию. Это ж в духе времени, как-никак... В общем, Андрей Степанович, в руках некоего обитателя респектабельного кабинета — скажем так, человека моего уровня — оказалось значительное количество сырых, необработанных якутских алмазов. Учет и контроль на Мирнинском месторождении был, конечно, строгим, но слишком уж, как бы сказать, осовремененным. Они, понимаете ли, решили компьютеризировать поступление и отправку алмазов, а лучше бы, как во все времена, считали на счетах да на бумажках записывали. Как выяснилось, так-то оно верней было. Кстати, в Амстердаме, на алмазной бирже, до сих пор считают и взвешивают дедовскими способами. А уж там-то не дураки сидят...

Андрей Степанович бывал в Амстердаме, на упомянутой бирже, и прекрасно помнил, как он был озадачен, глядя на очкастого маклера, лихо щелкавшего потемневшими от времени костяшками. Полностью согласен был антиквар и с тем, что современной оргтехнике доверять можно лишь с большими оговорками. Коллега Андрея Степановича, тоже крупный московский антиквар, чуть не попал впросак именно по причине своего неумного пристрастия к думающим и считающим машинам, взял на работу, как теперь принято говорить, перспективного молодого специалиста, а тот оказался гнусным хакером... Успешно взломав программу, юный умник чуть было не сделал своего работодателя беднее на пару миллиончиков. Хорошо, система контроля сработала. И взяли паренька с поличным, пусть земля ему будет пухом...

— Обмануть компьютер оказалось гораздо проще, чем старинные счеты, — будто читая мысли антиквара, продолжал Балуюев. — Нарушения отчетности были случайно обнаружены лишь через два месяца. Н-да... И возник перед новым обладателем сокровищ резонный вопрос: а как превратить эти невзрачные стекляшки в зелененькие, веселенькие доллары? Общей суммой миллиончиков эдак в двадцать-двадцать пять. В таком деле главное — не спешить, и стал наш магараджа ждать-поджидать. И дождался! Приехал в Мирный из Москвы хозяин цветочного салона Матвей Трындин, привез тамошним школьникам и их мамам цветочки к первому сентября. Бизнес хороший сделал, а заодно и с «алмазным мешком» познакомился, сдружился даже. Вот и придумали они такое дельце провернуть: в нераспроданные тюльпанчики алмазы понапихать, да и в столицу переправить. Тут бы местным «пинкертонам» смекнуть: мол, как так, за цветами в Мирном — чуть не драка, а хозяин товара, почитай, целый центнер обратно в Москву увозит?! Но если бы все милиционеры такими умными были, то порядок охранять стало бы некому: все бы подались в бизнес, в науку или книжки писать. — И он весело, заразительно рассмеялся.

Однако Андрей Степанович не только не улыбнулся, но весьма демонстративно нахмурился. «В тюльпаны понапихать... Бред какой-то! Он что, издевается?» — подумал антиквар.

— Потихоньку стало дело налаживаться, — как ни в чем не бывало продолжал Балуюев. — Почему наш цветочный салон называется «Летучим голландцем»? Да потому, что мы из Амстердама цветы самолетом возим. Многие, между прочим, прямо в горшках с землей. Ущучиваете? А алмаз — он такой хитрый камешек, что даже не камешек, а разновидность угля, который никаким рентгеном не фиксируется. Ну да что я вам объясняю — вы и сами специалист. Так что главное для нас было — доставить необработанные алмазы в Амстердам. Ну, этот вопрос мы решили банально, можно даже сказать, тупо — дали денег кому нужно, без политесов всяких. Чем мы хуже всех этих младорефоматоров, которые ухитрились вывозить за границу даже сокровища Алмазного фонда? А? Ну, так вот, в Амстердаме нам алмазики распиливают и гранят, а потом мы их в Россию-матушку возвращаем, как истинные патриоты. Способ я вам описал: цветочные горшки с питательной землицей — очень надежные тайнички.

— Ну и какова же моя часть работы? — не выдержал Безлепкин, которому уже стало порядком надоедать самолюбование собеседника.

— Самая престижная и духовная, Андрей Степанович, — патетически произнес Балуюев. — У вас ведь, помимо антикварного магазина на Таганке, еще и неплохая ювелирная мастерская на Сретенке имеется. И мастера там опытные, с алмазами работать привычные. В общем, вы должны создавать высокохудожественные ювелирные изделия для бомонда, истеблишмента, элиты — называйте как угодно. Лишь бы это были произведения искусства, за обладание которыми алчные до роскоши дамочки готовы загрызть своих кавалеров, только бы заставить их раскошелиться. Задача ясна?

Безлепкин выдержал паузу, пригубил вина, аккуратно поставил бокал на крахмальную скатерть.

— Ясна-то ясна, Денис Валерьевич, только... Известно ли вам, что на крупные, особо чистые бриллианты должна ставиться проба? Ну, как на золотые изделия, только в данном случае специальный код наносится лазером. Невооруженным глазом он не виден. Такую пробу ставят только в Пробирной палате. Конечно, мы тоже могли бы это делать, но... Вы представляете, сколько стоит подобное оборудование? Во всяком случае, цифра сопоставима с той суммой общей прибыли, которую вы озвучили.

Балуюев небрежно махнул крахмальной салфеткой.

— Ну, о таких тонкостях мало кто знает, — небрежно махнул накрахмаленной салфеткой Балуюев. — В наше время бриллианты покупают не знатоки и специалисты, а... сами понимаете, кто.

— Допустим, — согласился Безлепкин. — Теперь главное. Каковы ваши гарантии?

— Что вы имеете в виду? — нахмурился Денис Валерьевич.

— Я имею в виду наши доблестные органы...

— Не волнуйтесь. Не придут, — покровительственно ответил Балувев.

— А нельзя ли поподробнее?

— Нельзя, дорогой Андрей Степанович. Вот это — нельзя. Просто работайте спокойно и помните, что у вас есть надежная «крыша».

В другой ситуации антиквар, скорее всего, постарался бы любой ценой выйти из игры, несмотря на балуевское предупреждение: «Ни шагу назад!» Но сегодня Безлепкин утратил бдительность, чувство опасности. Его сознание раздваивалось, и потому он испытывал почти безразличное отношение к предложенному Балувевым грандиозному проекту.

Впрочем, профессиональное отношение к делу не покинуло Андрея Степановича:

— И вот что еще, Денис Валерьевич. Ведь я мог бы взять на себя роль повесомей. К чему возить столь опасный груз в Амстердам — «туда-обратно»? Я могу в мастерской и распилить алмазы, и обработать... Есть у меня квалифицированные обдирщики, огранщики... Сам, в конце концов, с этого начинал, могу лично руководить процессом.

— В наше время скромнее надо быть, Андрей Степанович, — мягко положил руку на ладонь Безлепкина Балувев. — Чай не девяносто первый год... когда сокровища Гохрана чуть не тоннами расхищали. Нам, знаете ли, партнеры разные нужны, партнеры разные важны...

«Все ясно, — подумал антиквар. — Вам надо побольше «шестерок», каждая из которых отвечает только за свой участок и имеет ограниченный вес и незначительную долю в дивидендах. А то как бы я слишком большую роль не стал играть, и не пришлось бы меня в компаньоны записывать. А так — я наемник, от которого, в случае чего, легко избавиться. Это грустно, но, с другой стороны, — умно. Значит, затея продумана хорошо, может выгореть и принести очень даже неплохие деньги».

Обсудив размеры дивидендов Андрея Степановича, новые партнеры ударили по рукам, и антиквар переключился на мысли о рыжекудрой девушке-портье. Будто и не заключил только что крупнейшую сделку в своей жизни.

Глава третья

— Да, дорогой мой Комар, — задумчиво покачал головой подполковник Бурцев, склоняясь над шахматной доской. — Законы мироздания, они,

брат, одинаковы для всех — и для гениев, и для маргиналов, и для бомжей, и для миллиардеров.

Старший оперуполномоченный отдела убийств Московского уголовного розыска Максим Бурцев по прозвищу «Бурав» побывал сегодня (уж не счесть, в который раз!) в Лефортовском следственном морге, и оттого был склонен к философии. И то сказать — ничто так не располагает к размышлениям о бренности всего земного, как посещение анатомического театра — если, конечно, у зрителя все в порядке с нервишками, психикой и желудком.

Старший лейтенант Алексей Каморин по прозвищу «Комар» не разделял меланхолического настроения своего наставника. Ему было не до рассуждений на вечные темы. Комар терзался необходимостью выбора из двух вариантов продолжения игры, причем варианты предлагались одинаково губительные для его маленькой «белой» армии: спасти ферзя — рискуешь получить мат, плюнешь на королеву — останешься голым...

Комар вздохнул и сделал ход.

Они сидели в своем кабинете на Петровке, 38, за окном мокрая метель секла черноту ночи, а здесь было по-домашнему спокойно и уютно, в углу сипел электрический чайник...

Сегодня Алексей Каморин заступил на ночное дежурство по отделу, а Максим Бурцев остался просто так: он давно уже забыл, что значит торопиться домой. Собственно, спешить под родной кров сорокавосемилетнему сыщику было и незачем: уже много лет подполковника никто не ждал.

Несмотря на то, что Алексей годился подполковнику в сыновья, они были на «ты» чуть ли не со времени знакомства. А точнее, уже три года, со дня свадьбы Каморина с его Иришкой, куда он, новоиспеченный сотрудник МУРа, пригласил, почитай, весь убойный отдел. Тогда-то Комар с Буравом и пили на брудершафт, причем подполковник громогласно объявил, что этот парень достоин того, чтобы обращаться на «ты» к великому Бурцеву.

На столе Комара затренькал телефон, Алексей стремительно снял трубку, но в ту же секунду на лице его отразилось разочарование:

— Да... Вас понял. Есть, спускаться вниз!

— Ну что там? — лениво осведомился Бурав.

— Я думал, это Ирина... А это из дежурки звонили. Убийство, Макс, мне надо отправляться на место... — хмуро проговорил Алексей и взглянул на часы: начало двенадцатого.

— Валяй, дуй! — махнул рукой подполковник. — А я, пожалуй, вздремну. Прямо здесь. Благо матрас и одеяло имеются.

— Гришана убили, Макс, — со значением произнес Комар.

— Где, как? — встрепенулся Бурцев.

— Да вроде драка... — пожал плечами Алексей. — Только место какое-то странное: сталинская высотка на бульваре...

— Что-о?! Ну, куманек, похоже, мне придется самому ехать на место. А ты не рыпайся, оставайся тут, понял?

— Это почему же?

— Да все потому же. Мой человек убит, мне и разбираться. Откуда ты знаешь, может, он погиб, выполняя мое задание? Чего тебе там делать, ты же ни шута не владеешь информацией!

Каморин редко перечил своему кумиру, но тут, что называется, уперся рогом.

— Так нельзя, Макс, — решительно и с обидой в голосе проговорил Алексей. — Официально я — понимаешь, именно я — дежурю по отделу убийств. Ты что, хочешь, чтобы надо мной уже открыто смеяться стали? Или, чего доброго, в стажеры перевели? А? И так за спиной вечно подтрунивают, что за меня всю работу Бурцев делает... Один ты ничего не замечаешь.

— Пожалуй, ты прав, — вздохнул Бурав. — Только, чур, ты там не совывайся, а лучше всего — посиди-ка в машине, пока я все разнюхаю. Усек? И формальности соблюдем, и ты...

Бурцев хотел было сказать: «Останешься в живых», но сдержался. Чем меньше знает Комар, тем лучше и для него, и для его близких.

— Ну, это мы еще посмотрим... — буркнул Алексей себе под нос.

Гришан был давним осведомителем подполковника Бурцева. Этот не слишком удачливый вор без определенной специализации легко согласился стать «крысой», то есть стукачом, вместо того, чтобы в очередной раз оказаться на зоне. Там, в лагерях, у Гришана не было абсолютно никакого авторитета, и потому пребывание за колючкой всякий раз тяжело травмировало чувствительную натуру воришки.

Но Бурава беспокоил вовсе не сам факт гибели штатного осведомителя: действительно, ну что тут такого необычного, скажите на милость? Мало ли почему в криминальном мире могут «замочить»? Как говорится, группа риска, ничего тут не поделаешь, одним больше, одним меньше... Даже лучше, когда меньше. Его поразило совсем иное обстоятельство, а именно — место преступления. Конечно, в сталинской высотке на Бульварном кольце было немало богатых квартир, могущих представлять интерес для Гришана, но Бурав почему-то был уверен, что покойного вора интересовала одна-единственная, конкретная квартира под номером 73. Та самая, что привлекала пристальное внимание и подполковника Бурцева. Бедная такая квартирка, ничего там ценного нет, кроме импортного телевизора, персонального компьютера да горного велосипеда «пежо».

— Отложим партию или как? — машинально спросил он, тогда как в голове его проносились совсем другие мысли.

— Да чего уж там, все ясно, — махнул рукой Комар и положил белого короля боком на шахматную доску.

Бурав поднялся, хрустнул суставами, прошелся по кабинету, разминая слегка затекшие ноги. Теперь и он хмурился, выпятив губы трубочкой, отчего вид у него был довольно комичный. Но соображения у подполковника были совсем даже не веселые...

Трехкомнатная квартира номер 73 в сталинской высотке неподалеку от Смоленской площади, согласно данным районного управления муниципального жилья, значилась за пенсионером Юрием Георгиевичем Масловым.

Еще совсем недавно Максим Бурцев знать не знал о человеке с таким именем. Однако полгода назад подполковник — случайно ли, а может, в результате своего привычного гениального озарения, — вычислил, что пенсионер Маслов — не кто иной, как академик Анатолий Ардашкин, которого Бурцев вместе со всей отечественной наукой считал безвременно ушедшим из жизни. Ушел он, как же... Личину-то академик сменил, а вот отпечатки пальцев, то бишь кожу на подушечках, — не догадался.

— Алло, Иришка? Ты не спишь еще? А, «Унесенные ветром» показывают...

Надо же, Комар все-таки не удержался и позвонил домой. Заботливый...

Глава четвертая

Полгода назад Бурцев со всей отчетливостью понял, что именно академик Ардашкин стоял за целой вереницей непонятных смертей, выяснением обстоятельств которых занимались Бурав и Комар. Впрочем, убийства эти казались странными одному только Бурцеву, поскольку, с точки зрения судебно-правовой системы, все, в конце концов, благополучно разъяснилось, убийцы были задержаны и впоследствии осуждены.

Однако подполковника долго угнетало ощущение, что кара настигла рядовых исполнителей, причем исполнителей слепых, которыми намеренно пожертвовал незримый режиссер.

Почему же Бурав вдруг решил, что этим самым режиссером непременно был «воскресший» академик Ардашкин? А вот это уже действительно можно назвать чистой воды озарением. Установив, что отпечатки пальцев пенсионера Маслова, случайно попавшего в поле зрения подполковника, полностью идентичны «пальчикам» покойного академика Ардашкина, Максим Юрьевич словно вынул из колоды недостающую карту для идеального

пасьянса. Все вдруг встало на свои места. Он и до этого «момента истины» смутно ощущал, что разрозненные жертвы вычурных, словно театральных убийств как-то связаны между собой, есть у них что-то общее... Теперь он знал, что.

Все эти люди когда-то входили в орбиту академика Ардашкина, линии их судеб в определенный момент жирно пересекались с биографией Анатолия Семеновича. Следователь прокуратуры Ванников, отравленный на своей даче угарным газом, вместе с Максимом Бурцевым допрашивал сотрудников НИИ Минобороны, которым руководил Ардашкин. Генерал Чухлов входил в комиссию военного ведомства, которая вскрыла финансовые махинации в институте — и вскоре труп генерала нашли в подвале у его любовницы. Бизнесмен Жучинский был заместителем Ардашкина по оргвопросам вплоть до закрытия НИИ — его убили железным веслом на собственной лодочной станции. А «вдова» академика, в свое время опознавшая супруга в предъявленном ей трупе с огнестрельным ранением в висок, была обнаружена мертвой в импровизированной могиле на своем дачном участке...

Тогда эти дела быстренько прикрыли — поступила соответствующая команда с самого верха, и бригаду Бурцева расформировали. Кто-то пошел на повышение, кто-то попал под сокращение штатов... Но Максим Бурцев, хоть и получил тогда звание подполковника, успокаиваться не собирался. Он тихой сапой продолжал «рыть землю» и кое-что нарыл.

Знакомый журналист-разоблачитель поведал Максиму Юрьевичу, что секретный НИИ Минобороны под руководством академика Ардашкина в гораздо большей степени принадлежал тогдашнему КГБ, нежели военному ведомству. И занимались там не чем иным, как разработкой пресловутого психотронного оружия, которое впоследствии объявили бредом свихнувшихся фантастов.

Когда стало известно о самоубийстве Анатолия Ардашкина, Бурцев ничуть не удивился: в те годы многие проворовавшиеся хапуги пускали себе пулю в лоб. Однако, установив теперь, что Ардашкин продолжает здравствовать, сменив облик и фамилию-имя-отчество, подполковник понял, что академика просто-напросто вывели из-под удара, инсценировав его самоубийство. В девяностые такую штуку могли повернуть только в КГБ. Значит, Анатолий Семенович был нужен Конторе позарез. Точнее, не он сам, а его разработки. Теперь уже не могло оставаться сомнений: академику удалось-таки сделать некие важные открытия в области дистанционного воздействия на человеческую личность. И открытия эти служат сейчас не государству и его безопасности, а неким отдельно взятым персонам, скорее всего, — бывшим и нынешним высокопоставленным фигурам

в спецслужбах страны. Они-то, выражаясь языком средств массовой информации, и составляют тайную власть...

— А это ничего, что ты так поздно телевизор смотришь? — донесся до Бурава озабоченный голос Комара. — Ну ладно, не сердись... Не сердись? Вот и хорошо... Как, зачем звоню? Просто так. Нет, мне как раз есть чем заняться, сейчас мы с Бурцевым на убийство выезжаем. Что значит — осторожнее? Вы что, сговорились все? Он мертвый уже, а покойники не кусаются... Ладно, пока, до завтра.

Алексей подошел к вешалке, где висела его куртка, и увидел, что Бурав уже облачился в свой плащ.

Каморин не скрывал радости оттого, что подполковник едет вместе с ним. Еще бы! Не только он, малоопытный оперативник, любой поднаторевший сыщик почел бы за великую удачу оказаться на месте преступления в компании со знаменитым подполковником Бурцевым. Недаром Максим Юрьевич получил когда-то свое прозвище: как безжалостный бурав, он пробивался сквозь толщу лжи и противоречий, с неотвратимостью реконструируя картину происшедшего. Самоуверенный, ворчливый и чересчур вольный в обращении с начальством, подполковник не признавал авторитетов — ни воровских, ни милицейских, ни финансово-политических. И все сходило ему с рук, все прощалось: как любили каламбурить на Петровке, 38, — попробуй, сыщи другого такого сыщика.

Бурав и Комар спустились во внутренний двор ГУВД, где их дожидался микроавтобус «Мицубиси» с прочими сотрудниками оперативно-следственной бригады. Судмедэксперт Сергей Груздин восседал на «блатном» кресле рядом с водителем, старший следователь городской прокуратуры Костя Шаравин, вечно невыспавшийся, обиженно зевал, приткнувшись в самой глубине салона, эксперт-криминалист Слава Зарезин, обвешанный фотоаппаратурой, приветственно махал из открытой двери микроавтобуса приближающимся оперативникам... Кинолог Гоша Лукин гладил свою сибирскую овчарку Шерри, положившую лапы ему на колени.

— Вы вот что, мужики, — просунул голову в салон подполковник, — валяйте, езжайте, а мы с Алексеем за вами двинем, на моей старушке... Адрес я знаю, место знакомое.

— Вообще-то это не дело, Максим Юрьевич, — начал, было, следователь Шаравин.

— Да ладно тебе, Костя, — подал голос доктор Груздин. — Ты же знаешь, у гениального Бурцева своя метода... Хочет по-тихому поработать, без помпы... Верно, Макс?

— Вроде того... — буркнул подполковник. — Не ждите, мне еще мотор прогреть надо.

«Мицубиси» завелся, что называется, с пол-оборота, выехал со двора, а Бурав и Комар еще долго отскабливали заледеневший снег с крыши и стекол коричневой «шестерки» подполковника...

Глава пятая

Место гибели Гришана было действительно хорошо знакомо подполковнику, причем не только визуально: полгода назад он лично протопал семь этажей до квартиры Маслова-Ардашкина. И даже побывал в его жилище — незаконно, как вор. Кстати, именно вор, еще один Бурцевский осведомитель — Валька Шашнев по прозвищу «Скрепка», — и отомкнул тогда для Максима Юрьевича простенькую, обитую дерматином дверь в таинственную квартиру.

В тот вечер Бурав отправился в гости к академику Ардашкину с твердым намерением, не мудрствуя лукаво, просто-напросто пристрелить Анатолия Семеновича за неимением других вариантов его нейтрализации. Впоследствии Бурцеву было неприятно вспоминать о своем тогдашнем порыве — мальчишество какое-то, право слово... Он опоздал всего лишь на несколько часов: в тот день академик Ардашкин отбыл на Кипр.

Максим Юрьевич приказал Шашневу посматривать за квартирой номер семьдесят три и немедленно связаться с ним в случае появления жильца, Юрия Георгиевича Маслова. Почему же Бурцев не отдал соответствующее предписание службам столичных аэропортов, зачем понадобился такой безвкусный маскарад с подключением домушника?

А затем, что путем несложных умозаключений Бурав сделал единственно возможный вывод: видоизмененный академик Ардашкин продолжает оставаться сверхзасекреченным агентом тузов из спецслужб. Стало быть, если кто-то из сотрудников правоохранительных органов (в данном случае — Максим Бурцев) начнет проявлять интерес к сей личности, то в глазах друзей академика это будет выглядеть как попытка разоблачить Анатолия Ардашкина. И Бурав здраво рассудил, что в такой ситуации жизнь чересчур любопытного муровца не стоит и бутылки пива. Причем безалкогольного.

За минувшие месяцы произошло много разных событий, подполковник Бурцев искал убийц, бушевал в начальственных кабинетах, добываясь ордеров на арест и обыск, праздновал победы и не слишком сокрушался о поражениях... И постепенно личность академика Ардашкина отходила куда-то в сторону, превращалась для Бурава в нечто потустороннее.

Да, в мире существует некое абстрактное зло, оно персонифицируется в конкретной фигуре, которую миллионы людей именуют Сатаной. И подобно тому, как многие верующие, искренне убежденные в существовании Сатаны, тем не менее нисколько не переживают по этому поводу, так и подполковник Бурцев мало-помалу стал относиться к «проблеме академика Ардашкина» как к чему-то далекому от реальной жизни.

Тем более что Валька Шашнев время от времени сигнализировал: все спокойно, дверь в семьдесят третью квартиру зарастает пылью, а сквозь щели в оконной драпировке ни разу не пробивался лучик света.

И вот вам — здрасьте-пожалуйста! Академик Ардашкин в Москве!

Откуда у Максима Юрьевича взялась такая уверенность?

Да оттуда, что покойный Гришан был давним корешем Вальки Шашнева.

Похоже, Вальке надоело тратить свое «рабочее» время на слезку за пустой, бесперспективной, с воровской точки зрения, квартирой, и он договорился с Гришаном о сменных дежурствах.

А академику Ардашкину не понравилось, что его квартирка под наблюдением.

Что ж, получается, проныра Шашнев, сам того не ведая, спас себе жизнь, призвав Гришана на помощь. Рука руку моет, вор вора кроет...

На этот раз — могильной землей.

— Вон «Мицубиси» стоит, Макс, — услышал Бурцев голос Комара и встретился.

Его «жигуленок», чуть тарахтя, подкатывал к неосвещенной двери подъезда, возле которого белел микроавтобус оперативно-следственной бригады. Поодаль виднелся полицейский «уазик» — очевидно, на нем прибыли «архаровцы» из местного отделения.

Бурцев припарковался между машинами коллег, выключил двигатель и спросил у Комара:

— Ну что, останешься в машине?

— Не-а, — мотнул головой Алексей и принялся нервно сражаться с заклинившей ручкой дверного замка.

Бурцев молча перегнулся через колени старшего лейтенанта, легонько дал ему по руке и плавно открыл дверцу. Комар тут же направился к подъезду и, срываясь на фальцет, крикнул:

— Откройте, пожалуйста!

— Пошел на х... — раздался из-за двери увесистый бас.

Подполковник от души расхохотался.

— Макс, меня матом посылают, — беспомощно обернулся к нему Комар. — Просто свинство какое-то!

— Открывай ворота! — гаркнул Бурцев. — Пришел поп-сирота!

Дверь тут же распахнулась, в ярко освещенном проеме показался верзила Зарезин.

— Е-мое, да это ж свои! — Он виновато почесал в затылке и тут же набросился на Каморина: — Чо ты как бедный родственник под дверью ка-нючишь? Ты чо, русскому языку не обучен?

Комар нырнул в подъезд, а Бурав неспешно завернул за угол дома и устоялся куда-то вверх. Ну, конечно же. Так он и думал. По-другому и быть не могло. А он-то надеялся на чудо...

— Спирт — великая вещь, — неожиданно прозвучал из темной ниши назидательный голос, и Бурцев непроизвольно вздрогнул. — Вот ты знаешь, почему от чистого спирта человек на морозе согревается, а от водки — замерзает? А?

— Не знаю, — отвечал мальчишеский тенорок.

— Учить вас всему надо, молодежь. Вот ты плесни в спирт воды, и стакан сразу горячим станет. А в водку сколько ни лей воду, она не потеплеет. То-то... Когда спирт попадает в желудок, он там смешивается с...

— Не могу я чистый пить, разбавить бы надо!

— Не надо! — подал, наконец, голос подполковник. — Серега, хорош спаивать молодняк!

Из ниши тут же показался доктор Груздин, он утирал усы и бороду, а другой рукой запихивал в нагрудный карман стальную флягу. За Сергей Сергеичем плелся сконфуженный кинолог Гоша Лукин.

— Гошка, не пей, козлом будешь! — Бурцев отвесил Лукину легонький подзатыльник. — Как этот бородатый циник...

— Дак ведь замерз он, — пожал плечами Груздин. — Я как врач не мог не оказать помощь...

— Шерри взяла след?

— Никак нет, товарищ подполковник, — вострепнулся Лукин. — Чихала только. Я ее погулять тут отпустил...

Бурав еще раз глянул наверх, на окна седьмого этажа.

Из квартиры Юрия Георгиевича Маслова, то есть академика Ардашкина, не пробивалось ни одного лучика света. Не такой дурак Анатолий Семенович, чтобы, как ни в чем не бывало, вернуться в свое московское жилище. Ищи его теперь, свищи по всей необъятной столице...

Стало быть, академик уже прекрасно осведомлен, что Бурав его вычислил. И убийство топтуна Гришана — это открытый вызов ему, подполковнику Бурцеву.

И никак иначе.

Глава шестая

— Давай, веди, показывай, рассказывай, — сказал Груздину подполковник.

— Что ж, работа — не волк. Не вырубешь топором, — покорно вздохнул доктор. Переиначивать народные поговорки было давней привычкой Сергея Груздина.

В подъезде отчетливо пахло древесной гнилью — перекрытия всех этих сталинских высоток были изначально выполнены из толщенных бревен. О чем думали тогдашние зодчие — одному богу известно.

На кафельной плитке пола скрючился тощий, с непропорционально длинными руками и ногами, парень лет тридцати. Пальцы покойника были растопырены, лицо перекошено судорогой, а глаза повылезали из орбит. На губах запеклось кровавое месиво.

— Ляпиков Григорий Ильич, тридцать четыре года, москвич, — протянул Бурцеву истрепанный паспорт Гришана Слава Зарезин. — Больше при нем ничего нет, только проездной на метро и семьдесят два рубля мелкими...

Бурав быстренько пролистал паспорт, и из него выпала какая-то квитанция. Он наклонился, поднял бумажку, развернул.

— Квиток из отеля «Блиц», оплачено за двенадцать часов, с восьми вечера до восьми утра минувших суток...

— Шаравин уже внес это в протокол, — вставил Зарезин.

Покойник лежал в лучах двух ослепительных мини-софитов, виртуозно прикрученных экспертом к лестничным перилам. Чуть выше, на площадке первого этажа, широко расставив ноги, замер сержант из местного отделения. Очевидно, он охранял место преступления от могущих появиться сверху жильцов.

— А где Комар, где Костя? — спросил Зарезина Бурав.

— В квартире, — махнул тот рукой наверх. — Протокол составляют. Леха какого-то старика допрашивает, который наряд вызвал.

— Что скажешь, док? — повернулся Бурцев к Груздину.

— Насильственная смерть, что тут еще сказать, — пробубнил Сергей Сергеич. — Видишь, в «репу» ему дали? Полтора часа, как «коньки отбросил», это я точно говорю.

— Это как же надо дать в «репу», чтобы здорового мужика на тот свет отправить, а? — раздраженно перебил Груздина подполковник.

— А ему, Макс, электрошокером по губам врезали, — спокойно продолжал Груздин. — Убойный заряд, не меньше трехсот вольт. Вот и скрючило его, сердешного.

— Да? — насторожился Бурцев. — А ну-ка, мужики, давайте его в сторонку сдвинем.

Вместе с Груздиным и Лукиным Бурцев аккуратно перенес тело Гришана ближе к выходу, и на полу обнажились меловые очертания трупа, сделанные экспертом-криминалистом. Подполковник наклонился, долго изучал кафельную плитку, шумно втягивая воздух ноздрями. Выпрямился, посмотрел на Лукина:

— Так Шерри, говоришь, чихала? И след взять не могла?

— Так точно... — ответил тот. — Что, товарищ подполковник, тут спецсостав применили, чтобы нюх у собаки отбить?

— Нет, Гоша. Обычный аэрозоль для мытья стекол. Наверное, полфлакона на кафель вылили, не меньше.

Бурав пристально изучал распределительный электрощит, вмонтированный в стену аккуратно над тем местом, где только что лежал мертвый Гришан.

Н-да, с фантазией у академика Ардашкина явно наблюдалась напряженка...

Точно так же полтора года назад в подъезде Максима Бурцева погиб воровской авторитет Олефиренко по кличке Бургас. Тогда подполковнику не составило особого труда понять, что Бургас заявился в Беляево по его, Максима Юрьевича, душу: при нем обнаружили снаряженный пистолет с глушителем. Олефиренко не повезло: он поскользнулся в лужице пролитого аэрозоля и, падая, схватился за распределительный щит. А тот, как нарочно, оказался под током: замкнуло фазу на железные дверцы щита и триста с лишним вольт пронзили Бургаса.

— Ваше счастье, мужики, что никто из вас не дотронулся до щита, — подытожил Бурцев, — а то у нас было бы два трупа. — Слышь? — обратился он к сержанту, стоявшему на пролет выше. — Вызывай электриков, да срочно. Не до утра же нам тут куковать, караулить этот чертов щит...

Выходит, тогда, полтора года назад, именно академик Ардашкин спас жизнь подполковнику Бурцеву. Не позволил Бургасу встретиться с заказанным оперативником, инсценировал несчастный случай.

— Я не врубился, Макс, — проворчал Груздин. — Получается, никакого электрошокера не было?

— Не было, док, — вздохнул Бурцев. — Здесь банальный несчастный случай, так и будем оформлять. Впрочем, местные пинкертонеры могут привлечь тутошних электромонтеров за халатность, это их полное право. А МУР тут ни при чем. И пусть Шаравин с Комаром не парятся понапрасну, да и старику дадут поспать...

— Но морду-то потерпевшему расквасили, значит, признаки насильственной смерти налицо! — стоял на своем Груздин. — То есть — на лице.

— Отдохни, Серега, — с досадой скривился Бурав. — Ну, с чего ты взял, что ему разбили губы именно здесь, в подъезде? Это — во-первых. А во-вторых, может, он упал где-нибудь по дороге сюда, может, пьяный был — это уже патологоанатомы установят.

— Это точно. Знал бы, где упасть... — кивнул Груздин.

— ...за соломинку бы ухватился, — продолжил Бурцев. — А он, бедолага, ухватился за неисправный щит.

— Значит, несчастный случай, — задумчиво проговорил Зарезин.

— Угу, — с нажимом произнес Бурав. — Он самый.

Сверху появились Комар и Константин Шаравин.

— Максим Юрьевич! — Алексей в присутствии коллег старался называть Бурцева по имени-отчеству. — Старик со второго этажа показал, что примерно в половине одиннадцатого услышал снизу истошный вопль, подождал немного, выглянул и увидел... вот это. Вызвал наряд.

— Почему не «скорую»? — без всякого интереса спросил Бурцев. — Откуда он был уверен, что Ляпиков мертв?

— А он, старик то есть, воевал, насмотрелся в своей жизни на мертвецов, — пояснил Комар.

— Понятно... — Бурцев повернулся к Шаравину: — Костя, оформляй несчастный случай. Здесь все ясно.

Через пару минут в дверь с грохотом забарабанили, с улицы слышались отчаянные матюги. Эксперт Зарезин со значением посмотрел на Комара: мол, вот как требуют отворить серьезные люди, — и поспешил нажать на кнопку.

Серьезными людьми оказались дюжие, испытые санитары с носилками: наконец-то за Гришаном подъехала труповозка. Груздин махнул им рукой — дескать, можете увозить.

Покидая пропахший древесной гнилью подъезд, Бурав покосился на мощные ботинки Гришана, которого санитары грубо укладывали на носилки. Хм, глубоко рифленые подошвы, толстые, мягкие. Профессиональная воровская обувь. Такие подошвы не только скрадывают звук шагов, но и не скользят. Потому-то, видимо, и не сработал трюк с аэрозолем: Гришан устоял на ногах, когда ступил в заранее подготовленную лужицу. И пришлось врезать ему, чтобы опрокинуть на законтраченный электрощит.

Выходит, у Ардашкина был сообщник? Не похоже на Анатолия Семеновича... Академик нисколько не чурался черновой работы, лишь бы не оставлять свидетелей. Впрочем, он мог и убрать помощника — за ним это

не заржавеет. А мог и сам довести ликвидацию Гришана до конца, возможно, даже изначально предусмотрел вероятность неудачи с аэрозолем и подкарауливал «топтуна» в подъезде.

Способен ли Ардашкин свалить молодого парня? Вполне. Анатолий Семенович — жилистый, крепкий дядька, даром, что старик уже. Когда полгода назад Бурцев побывал в квартире академика, то видел там силовые тренажеры, установленные на почти предельной отметке мощности.

Но почему он избрал для ликвидации Гришана способ, заведомо знакомый подполковнику Бурцеву? Неужели действительно изобретательности не хватает? Ну, это вряд ли.

Тогда получается, что Анатолий Семенович демонстративно давал понять ему, Максиму Бурцеву, что это он, Ардашкин, устранил муровского осведомителя. И в то же время открывал подполковнику глаза на то, что когда-то спас ему жизнь, предотвратил покушение на него. И сегодня Анатолий Семенович как бы говорил Бурцеву: живи и работай спокойно, я не хочу твоей смерти. Ты, Максим Юрьевич, славный парень, хорошо вписываешься в мои планы, хватаешь тех, кого я тебе подсовываю...

Получается, что он, Бурав, входит в команду академика Ардашкина, в его систему? Добросовестно применяет свой сыщицкий талант для достижения целей, поставленных Анатолием Семеновичем?

Это было чертовски неприятное открытие.

Глава седьмая

Несколькими часами раньше описанных событий в престижный цветочный салон «Летучий голландец» на Остоженке вошел неприметный гражданин в коричневом плаще, кепке-ушанке и войлочных ботинках на резиновой подошве. Гражданин явно принял на грудь, прежде чем отправиться за букетом — об этом красноречиво говорили его лихорадочно горевшие щеки. Не иначе как принял для храбрости, что было чисто по-человечески понятно: с такой неказистой внешностью даже самый роскошный букет не придаст уверенности в себе.

Денис Валерьевич Балугев, обсуждавший с кассиршей размеры сегодняшней выручки, лишь мельком взглянул на вошедшего. Он хотел, было, снова погрузиться в свою бухгалтерию, когда над самым его ухом прозвучали вкрадчивые слова:

— Мне бы тюльпанчиков.

Балугев вздрогнул: знакомым был этот голос, еще каким знакомым! До самой смерти не забудешь...

— Тюльпанчиков, Денис Валерьевич. Мне бы мою долю. — Из-под кепки-ушанки в глаза коммерческому директору впились два черных зрачка-буравчика.

— Иван Петрович, дорогой! — распахнул объятия коммерческий директор «Летучего голландца». — Ну, как вы? Как ноги?

— Как видите, я жив-здоров, — буркнул пожилой визитер, предусмотрительно отстраняясь. — А ноги... Ноги болят, смотрите, в каком позорище разгуливать приходится. Негоже, Денис Валерьевич, такую нагрузку моим бедным ноженькам задавать, прямо даже не по-товарищески. Сначала от ваших бандюков бегать пришлось, потом вас по всей Руси великой разыскивать...

Начальник службы безопасности Мирнинского месторождения Иван Петрович Турбазин бросил взгляд по сторонам. «Пожалуй, он не станет убивать меня прямо здесь, грунт больно мелкий, труп не спрячешь», — рассудил он и слегка расслабился.

Денис Валерьевич, меж тем, картинно прижал руки к груди и ележно проговорил:

— Да что вы, ей-богу, Иван Петрович! Полноте! Какие еще бандюки? — А про себя подумал: «Дармоеды! Сволочи! Ну, я с вами еще разберусь...»

Дело в том, что минувшей осенью человек, которому было поручено ликвидировать Турбазина, сообщил Балуюеву из Мирного, что главный свидетель и соучастник Дениса Валерьевича благополучно отбыл в мир иной. А он — вот он, стоит перед Балуюевым, нагло требует свою долю. Ох, придется все улаживать самому... А уж каким образом — будет видно.

— Ладно, проехали, — поморщился Турбазин. — Я же понимаю, такие деньги просто так не отдают. Так что ничего личного, Денис Валерьевич, бизнес есть бизнес.

— Что ж вы не позвонили-то предварительно, Иван Петрович? — спросил Балуюев. — Я бы заранее деньги приготовил.

— Я, знаете ли, пожил на свете, Денис Валерьевич, — выставил вперед ладонь Турбазин, — и потому предпочитаю общаться с вами при свидетелях. Не хочу, поверьте, вас в грех вводить.

— Ну, коли так, то не пойти ли нам поужинать? — предложил Балуюев. — Там и свидетелей будет предостаточно, и поговорить сумеем без помех. Вы как?

— Что ж, хороший ужин еще никогда не мешал деловому разговору, — согласился Иван Петрович.

Своей забавной фамилией Турбазин был обязан печальным обстоятельствам своего появления на свет, а точнее — первым дням, проведенным

им в этом мире. Новорожденного младенца подбросили на детскую турбазу в районе Феодосии, и девушки-пионервожатые, не лишённые чувства юмора, присвоили мальчику такую фамилию. А в графе «имя-отчество» записали первое, что пришло в голову, то есть — Иван Петрович.

После интерната юный Турбазин поступил в военное училище, откуда его, как отличника и бдительного комсомольца, перевели в высшую школу КГБ. Такое решение, безусловно, было продиктовано еще и тем, что у Турбазина не было родственников, да и по характеру своему юноша был нелюдим и замкнут. В общем, подходящая кандидатура для работы внутри страны.

Иван Петрович по натуре был аскетом, он привык к лишениям и чрезвычайно скромному образу жизни. Поэтому его после многолетней работы на разных должностях в «первых отделах» режимных предприятий рекомендовали на пост заместителя начальника службы безопасности Мирнинского алмазного месторождения. «Никогда не проявлял стремления к личному обогащению, непритязателен, честен, спиртным и женщинами не увлекается», — такая запись в личном деле сопровождала Турбазина всю его трудовую жизнь. И в Комитете здраво рассудили, что это как раз то, что нужно, когда речь идет о работе в царстве алмазов.

Но, как говорится, чужая душа — потемки. Обделенный женским вниманием, дружескими застольями и заграничными путешествиями, Турбазин в последние годы вдруг начал понимать, что проморгал свою жизнь, профукал десятилетия за письменным столом, за написанием доносов и характеристик... Иван Петрович был атеистом, и потому в иную, загробную жизнь не верил, а нынешняя, земная, плавно подходила к беспросветной старости. И, глядя по телевизору, как увлекательно и богато живут «нормальные» люди, Турбазин с горечью думал о том, что судьба несправедлива к нему, несчастному сироте.

С самого своего появления на свет он терпел нужду, им помыкали вышестоящие, им брезговали женщины... Он так и жил холостяком, а тут еще отморозил ноги на этой чертовой вечной мерзлоте, ступни и голени гноились, и возможность женитьбы, даже запоздалой, была перечеркнута болезнью.

В таком душевном состоянии человек поневоле будет иными глазами смотреть в сторону охраняемых им алмазных потоков. И настроение Турбазина тонко почувствовал заместитель генерального директора по транспорту (то есть транспортировке сырых алмазов) Денис Валерьевич Балуев. Ставка оказалась верной: Иван Петрович неожиданно легко согласился участвовать в «краже века». Его доля должна была составить один миллион американских долларов.

Турбазин искренне считал, что с получением заветного миллиона он резко изменит свою жизнь, превратив ее в блистательную феерию. Он не понимал одной простой вещи: никакими деньгами натуру переделать нельзя, и потому он будет обречен годами чахнуть над своим миллионом, бояться истратить хотя бы доллар из предназначавшейся ему доли. Ведь даже став начальником службы безопасности, Турбазин стеснялся жить на широкую ногу, хотя и получал фантастическую, по российским меркам, зарплату.

Но все это почему-то не приходило ему в голову, несмотря на то, что он был далеко не глупым человеком. Просто стремление получить свой миллион стало для Ивана Петровича идеей фикс.

Глава восьмая

Из своего кабинета Денис Валерьевич Балугев вышел с черным дипломатом, который сразу же приковал внимание ожидавшего в холле Турбазина. Коммерческий директор «Летучего голландца» весело пригласил якутского сослуживца к выходу, где был припаркован черный «Мерседес-500».

— По-прежнему предпочитаете все монументальное? — ревниво спросил Турбазин, погружаясь в кожаную утробу гигантской машины.

— Да, мы ведь, сибиряки, народ основательный, — задорно отозвался Денис Валерьевич, трогая авто с места.

— И куда же вы меня везете, позвольте спросить? — осторожно поинтересовался Иван Петрович, поглядывая со своего заднего сиденья на дипломат, который Балугев небрежно положил рядом с собой.

— В одно весьма шикарное заведение, — отозвался коммерческий директор. — Память вам будет на всю оставшуюся жизнь...

Денис Валерьевич не слишком расстроился, увидев начальника службы безопасности месторождения живым и невредимым. Конечно, и не обрадовался, но...

Господин Балугев был человеком суеверным и, как следствие — пессимистом. Он всегда ждал непредвиденных осложнений, настраивался на худшее. И потому никакие внезапные обстоятельства не могли выбить его из колеи. Во всяком случае, обстоятельства житейские, а к ним Денис Валерьевич причислял и нынешний визит Турбазина, которого Балугев уже давно считал покойником.

У Дениса Валерьевича была своеобразная теория, согласно которой, к примеру, любой водитель непременно должен попасть хотя бы в одну

аварию. И если в течение долгих лет столкновения не происходит, то это — тревожный, а вовсе не радостный факт. Значит, твоя автокатастрофа еще впереди, и чем дольше ты ее избегаешь, тем страшнее она будет. А вот если ты уже побывал в аварии, то появляется реальная надежда, что больше с тобой ничего не случится.

Поскорее пройти эту неизбежную аварию, оставить ее позади — вот залог долгой и счастливой жизни.

Денис Валерьевич изначально не мечтал о том, что алмазная афера пройдет без сучка и задоринки. Ждал осложнений, а их все не было и не было... Уж больно гладко все шло вплоть до сегодняшнего дня, и это будило в господине Балугеве суеверные предчувствия. Слишком хорошо — тоже нехорошо...

И вот — наконец-то! — на пути к успешному завершению многомиллионной махинации встал этот неудачник Турбазин. Могло быть и хуже... Значит, надо всего лишь устранить эту помеху и со спокойным сердцем жить дальше. Так что все нормально, все идет согласно жизненному кредо Дениса Валерьевича...

— Меня ведь уволили, должен вам сообщить, — говорил Иван Петрович, выпив коньяка и закусив черной икрой. — Нашли стрелочника, это уж у нас как водится...

Балугев сочувственно покивал и вновь плеснул «Хеннеси» в тяжелые фужеры.

Поначалу Турбазин чувствовал себя в блистательном клубе «Монреаль» весьма неуютно: его серый чиновничий костюм и войлочные ботинки явно не соответствовали уровню заведения. Ивана Петровича даже тормознули, было, на входе, но клубная карточка Балугева сделала свое дело — спутника Дениса Валерьевича беспрепятственно пропустили в обитель нуворишей и знаменитостей.

— Мне ведь тоже, Иван Петрович, уволиться пришлось, — вздохнул Балугев, словно он и впрямь ностальгировал по своей якутской работе. — Так что мы с вами, можно сказать, коллеги по несчастью.

— Ну, это вы бросьте, — холодно промолвил Турбазин, когда официант, подавший горячее, с поклоном удалился. — Кто — коллега, а кто — калека... Я готов позабыть о ваших наемниках, которые дважды чуть не отправили меня к праотцам. Но вот что касается моей доли...

— Да успокойтесь вы, Иван Петрович, не так уж и велика ваша доля, что я, в самом деле, из-за какого-то миллиона от вас прятаться буду? Получите вы свои деньги, копейка в копейку получите.

— Когда? — без обиняков спросил Турбазин. — Мне — хотите, верьте, хотите, нет — жить на что-то надо.

— Верю, верю... Но как вы себе это представляете, а? Я ведь, дорогой Иван Петрович, еще ни доллара не выручил за товар. Это ведь не партию водки продать, тут процесс длительный, сами понимаете. Вы уж подождите, пожалуйста, завершения реализации нашего с вами предприятия. Или желаете натурой получить?

— Мы с вами так не договаривались. — Глаза Турбазина нехорошо блеснули. — Вы обещали расплатиться сразу, как только камни окажутся в надежном месте. А вместо этого бросили меня в Мирном. Сначала на съедение ментам, потом — своим головорезам, а сами умотали в столицу. Знаете, Денис Валерьевич, у меня складывается впечатление, что вы не желаете платить по счетам. И, похоже, я буду просто вынужден потряхнуть стариной...

Балуев усмехнулся, и в этой усмешке, как и во взгляде его визави, тоже ничего хорошего не было.

— Вы хотите сказать, что настучите на меня в ФСБ? — счел нужным уточнить Денис Валерьевич. — А может, вы уже дали знать, кому следует, где искать камушки? А?

— Я оставляю вам полную свободу делать любые предположения, — тихо отчеканил Турбазин. — Итак, Денис Валерьевич?

Балуев снова вздохнул.

— Давайте не будем ссориться, уговор есть уговор. И чтобы вы не подозревали меня больше в каких-то непонятных маневрах, вот — возьмите.

Денис Валерьевич ногой передвинул поближе к собеседнику свой черный дипломат, который захватил с собой из «мерседеса».

Турбазин проворно наклонился, положил чемоданчик на колени и вскрыл замки.

— Но здесь... — нахмурившись, проговорил он.

— Сто тысяч долларов, Иван Петрович, и ни долларом меньше, — примирительным тоном отозвался Балуев. — Свои кровные вам отдаю.

— А остальное?

— Еще триста тысяч получите через месяц, остальное — в течение полугода. Все. Торг не уместен. Вы и так ставите меня в крайне затруднительное положение.

Как ни старался Иван Петрович, он не мог скрыть своего ликования. Господи, столько недель он скрывался от наемных убийц, морочил голову полиции и ФСБ, уже привык ждать самого худшего... И надо же, как все просто прошло с Балуевым! Вот они, деньги. Пусть далеко не все, но, главное,

Балуев не отказывается платить, он не собирается, как в кино, ликвидировать партнера.

— Что ж, будь по-вашему, — улыбнулся Турбазин. — Я ведь понимаю, сбыт такого товара — дело непростое. Но уж, чур, Денис Валерьевич, от уголова — ни на шаг!

— Шаг вправо, шаг влево считается побегом, — процитировал Балуев лагерную команду. — Давайте выпьем, Иван Петрович. Расслабьтесь, все ваши невзгоды — позади. Теперь остались только мои проблемы, и поверьте, я сумею их решить.

Мужчины выпили и принялись смаковать пулярок, запеченных в каком-то диковинном соусе.

— Вы знаете, что такое пулярки, Иван Петрович? — добродушно балагурил Балуев. — В переводе с французского — обычные куры. Да-да, не удивляйтесь, за изысканным названием скрывается проза жизни. Но местные повара превращают эту прозу в истинную поэзию для гурмана...

Они вышли из клуба «Монреаль» далеко за полночь, чувствуя себя почти друзьями. Хороший ужин и прославленный коньяк сделали свое дело, и Балуев больше не смотрел на Турбазина как на опасного свидетеля, которому лучше всего навсегда утратить способность к общению с кем бы то ни было, кроме, разве что, небесных созданий. В душе Дениса Валерьевича даже шевельнулось сомнение: а может, не стоит...

— Так куда вас доставить, любезный Иван Петрович? — спросил он, когда они остановились у черного «мерседеса».

Турбазин колебался. Лучше бы, конечно, сразу расстаться с коммерческим директором цветочного салона, взять такси и на нем отправиться в аэропорт... Но Иван Петрович один-единственный раз в жизни решил поступить против логики и здравого смысла. Хватит жить с оглядкой, да и показывать свой страх перед сообщником негоже... Он словно опять стал детдомовским пацаном, ревниво следящим, как бы кто-нибудь не заподозрил его в трусости. Или, быть может, ему просто захотелось вновь оказаться в пахнущем дорогой кожей салоне буржуйской машины, с шиком подкатить к входу в аэровокзал?

— Вообще-то мне в Шереметьево, — неуверенно проговорил Турбазин.

— Сделаем, Иван Петрович, — распахнул перед ним дверцу Балуев, — а то ведь с такими деньгами — не ровен час...

— А это ничего, что вы за руль садитесь? — поинтересовался Иван Петрович, удобно располагаясь на переднем сиденье.

— Вы имеете в виду выпитый мною коньяк? А, бросьте! — снисходительно ответил Балуев, усаживаясь за руль и сворачивая на магистраль.

Что ж, видно, не судьба бывшему чекисту пожить в свое удовольствие... Если бы Турбазин отказался от предложения Дениса Валерьевича и распрощался с ним, он, пожалуй, отпустил бы его с миром. В конце концов, сто тысяч долларов — несерьезная сумма. Больше-то платить не придется: в скором времени господин Балуюев и сам намеревался отбыть в неизвестном направлении.

Но Турбазин подставлялся сам. Потерял свою комсомольскую бдительность, и было бы непростительно этим не воспользоваться.

А Иван Петрович тем временем рассеянно смотрел в лобовое стекло на ночную Москву и думал о том, что скоро будет сидеть в салоне самолета, уноситься в далекую южную страну, к загорелым девочкам, кокосам и песчаным пляжам... Сообщит Балуюеву номер банковского счета, на который тот будет переводить ему оговоренные выплаты, и все. Больше он в эту морозную, неприветливую страну никогда не вернется.

Неподалеку от Химок «мерседес» свернул в сторону аэропорта Шереметьево.

— Тьфу ты, черт! — вполголоса ругнулся Денис Валерьевич. — Опять началось...

Он притормозил, съехал на обочину и, заглушив двигатель, повернулся к Турбазину:

— Иван Петрович, вы в движках кумекаете?

— А что? — насторожился бывший чекист.

— Что, что... Похоже, опять свечу залило. Хваленая немецкая техника, блин! Пошли смотреть, — вздохнул Балуюев и, перегнувшись через Ивана Петровича, открыл дверь с его стороны.

Турбазин выбрался на морозный воздух, предусмотрительно захватив с собой дипломат. Тонированные стекла «мерседеса» скрыли от него, как Денис Валерьевич откинул крышку «бардачка» и, вытащив хромированный «люгер» с удлиненным глушителем, сунул пистолет за пазуху плаща. Затем вышел из салона, открыл капот, закрепив его штангой, склонился над горячим мотором.

— Вот эту штуковину подержите, — обернулся он к Турбазину, — а я попробую движок запустить. Да не бойтесь вы, машина на ручнике!

— Нет уж, Денис Валерьевич, я рисковать своей жизнью не собираюсь, — издевательски улыбнулся Турбазин. — Не выйдет у вас похоронить меня под колесами вашего роскошного «мерседеса».

Он отступил назад и оглянулся. Где-то далеко за поворотом показались лучи приближающегося авто. Это было спасение.

В тот самый момент, когда Турбазин озирался назад, Балуюев успел вытащить «люгер» из-за пазухи.

— Как все-таки с вами трудно, Иван Петрович, — покачал головой коммерческий директор и нажал на спусковой крючок.

Раздался звук, будто в воду бултыхнулась пустая бутылка, и Турбазин повалился на асфальт. Денис Валерьевич подошел вплотную к бывшему чекисту и выстрелил еще раз. Между бровей Ивана Петровича появилась черная дырочка.

Балуев наклонился, вырвал из скрюченных пальцев убитого свой дипломат и забросил его через открытую дверцу на заднее сиденье. Теперь надо вернуться к труп, вытащить документы... Но огни встречной машины находились уже метрах в двухстах от «мерседеса» и стремительно приближались.

Балуев грязно выругался, метнулся за руль и включил дальний свет, ослепляя встречного водителя. Затем подал назад, обогнул тело Ивана Петровича и затормозил, прикрывая труп от случайного взгляда. Однако за промчавшейся мимо машиной показалась целая вереница огней...

Денис Валерьевич досадливо сплюнул, развернулся и поехал в сторону Ленинградского шоссе.

До этой ночи Балуеву никогда не приходилось убивать людей. Турбазин был первым. Он прислушался к себе. Сердце билось ровно, пот не струился по спине и руки не дрожали. А еще говорят, что первое убийство совершить труднее всего. Мол, после этого ходишь, как пыльным мешком ударенный. Брехня! Денис Валерьевич не испытывал ровным счетом никаких эмоций, кроме спокойного, сытого удовлетворения.

Рассказать о случившемся хозяину цветочного салона Трындину? Пожалуй, не стоит. Ни к чему беспокоить патрона, пусть пребывает в уверенности, что кругом тишь да гладь, да Божья благодать.

Только что Денис Валерьевич принял очень важное, можно сказать — кардинальное решение. Он не станет дожидаться, когда будет распродана последняя партия бриллиантовых украшений. Он поставит точку в алмазном деле гораздо раньше, когда партнеры меньше всего ожидают удара в спину.

Глава девятая

— Макс, убийство Гришана — дело рук академика Ардашкина? — напряженным голосом спросил Комар, когда они садились в «Жигули» подполковника, притулившиеся возле подъезда сталинской башни.

Бурцев удивленно взглянул на Алексея: надо же, догадливый, оказывается. Впрочем, с кем поведешься...

И тут же мысленно обругал себя: именно вот эта Бурцевская самовлюбленность, напыщенность и пристрастие к эффектным заявлениям стали причиной того, что Комар был в курсе «воскрешения» академика Ардашкина. Молчать бы ему, дураку, полгода назад, не говорить молодому оперу о своем открытии, но Бурав не удержался от демонстрации своих феноменальных аналитических способностей, распушил хвост перед Камориным. И что теперь?

Комар не отстанет. И его понять можно: Ардашкин, назвавшись старым знакомым погибших родителей Алексея, известных советских художников-графиков, заявился прошлой осенью на квартиру к Камориным. И купил за тысячу долларов четыре своих собственных рисунка двадцатилетней давности, которые когда-то отдал отцу Комара «на рецензию».

Собственно говоря, именно этот «прокол» тщательно законспирированного академика и стал той ниточкой, потянув за которую, Бурцев сделал свои фантастические открытия. И теперь Алексей считает себя полноценным напарником подполковника в деле разоблачения и уничтожения Анатолия Семеновича Ардашкина.

Комар не понимает, что любой контакт с этой личностью грозит непредсказуемыми последствиями. А точнее — как раз-таки вполне предсказуемыми: смерть Гришана — лишнее тому подтверждение.

— При чем тут Ардашкин, Леша? — как можно беспечнее ответил Бурав, запуская движок. — Я уже и забыл о нем... А тут — просто несчастный случай.

— Слышал. Ты уже несколько раз повторил это, — сухо кивнул Алексей. — Довольно странное для подполковника Бурцева стремление — перевести очевидное для всех убийство в разряд некриминальных смертей.

— Ого! Эк ты протокольно выражаешься-то, — усмехнулся Бурцев. — Уж не собрался ли ты официальный протест подавать, а?

Комар потемнел лицом от обиды, замолчал. Бурав понял, что перебрал. Он, конечно, переживал за Алексея и Ирину, но оскорблять-то кума не стоило, право...

Двигатель на этот раз завелся безо всяких капризов, видимо, еще не успел остыть как следует. «Шестерка» выкатила на Бульварное кольцо.

— Прости, Леша, неудачно пошутил. Ты пойми, на мне убийство директора рынка висит, а тут еще этот Гришан, чтоб ему на том свете икнулось... Лучше скажи, как там Ирина?

— Все в порядке, слава богу, — отвечал Алексей, слегка стушевавшись.

Он почему-то всегда приходил в смущение, когда разговор касался его жены, даже если собеседником был Максим Бурцев. Хотя, казалось бы, с Буравом они полгода назад формально стали почти что родственниками:

подполковник исполнял обязанности шафера — по старому, «дружка» — во время запоздалого венчания Ирины и Алексея в подмосковной церкви Николая Угодника. Оттого-то Максим Бурцев иной раз и называл молодого старлея кумом.

— Скоро уже? — вновь осведомился Бурцев.

— Н-да... — неопределенно ответил Комар и уточнил: — Если, так сказать, по графику, то к первому мая должна родить.

— УЗИ делали?

— Делали... Говорят, парень.

— Значит, жди девчонку, бракодел, — добродушно буркнул Бурав.

У Максима Бурцева с его бывшей женой Анастасией детей не было. Да и прожили-то всего пару лет с небольшим, уже четырнадцатый год как в разводе. Что теперь вспоминать, терзать себя укоризной: мол, сам виноват, не уделял должного внимания молоденькой супруге, к тому же избалованной чиновными родителями...

Но сын у подполковника Бурцева был, всего-то на три года младше Алексея. Много лет Максим не хотел в это верить, убеждал себя, что все это — обычная бабская спекуляция. Извечная подозрительность в отношении женского пола, внушенная ему еще отцом-ловеласом, здорово портила жизнь оперативнику. Причем с самых юных лет.

«Бабы, сынок, народец ушлый, коварный, — говорил Максиму батяня во время их нечастых встреч, — они с матерью развелись, когда Максим был еще в детском саду. — Относись к ним легко, снисходительно. А в сердце не пускай — взорвут изнутри. И чтобы не попасть в беду, помни, что все на самом деле обстоит прозаично: женщина знакомится с мужчиной, чтобы решить свои житейские проблемы, обычно — материального, насущного свойства. Так уж они устроены, что хотят ничего не делать и все иметь. За счет мужчин. Вот такой примерно механизм, остальное — красочные прибабасы, наслоения...»

Ах, батя, батя! Сколько лет понадобилось Максиму, чтобы понять: любовь — это не антураж и прибабасы, а то самое, без чего жизнь становится пустой...

Глава десятая

Летом 1978 года студент юридического факультета МГУ Максим Бурцев отправился для прохождения практики в якутский поселок Хандыга. Райцентр на берегу Алдана представлял собой несколько панельных домов на сваях, остальные строения, кроме, конечно, кирпичного

здания райкома-исполкома, были деревянными, барачного типа: пара магазинчиков, гостиница «Чайка», средняя школа, отделение милиции, куда и был прикомандирован юный Бурцев.

Практикант с первого дня накрепко сдружился со всеми сотрудниками поселковой милиции: он привез с собой несколько блоков всамделишной явской «Явы», по сорок копеек за пачку. Хандыгские менты, одуревшие от продукции ленинградской табачной фабрики имени товарища Урицкого, имевшей в советское время своего рода монополию на северные поставки, чуть не плакали, с умилением затягиваясь элитным, по их понятиям, куревом.

«Ты, браток, тут с девками-то поосторожнее, — первым делом дал добрый совет краснолицый капитан Сивцев, куратор Максима.

Танцплощадки в Хандыге не было, и потому на выпускной вечер в местную школу пришли все, кто был в состоянии двигаться под музыку. В райкоме комсомола нашлись колонки, и дощатый спортзал буквально дрожал под напором децибелов.

Макс возвращался в гостиницу «Чайка», довольный и распаренный после бани, истопленной капитаном Сивцевым. Они, разумеется, тянули немного разведенного спирта, и студента тянуло на подвиги. Ноги сами собой понесли его к грохочущему рок-н-роллом школьному бараку.

Ох, и показал же он московский класс в этом забытом богом медвежьем углу! Таких танцоров не видывал приалданский поселок со дня основания, это уж точно. Макс отплясывал всеми частями тела: виртуозно двигались туловище, ноги, руки, шея, голова... И тут студента цепко взяла за руку белокурая девушка-выпускница в синем коротком платьице, насмешливо взглянула ему в глаза, и они понеслись вдоль живого коридора...

«Ай да Нинка-недотрога!» — слышались чуть обиженные выкрики парней.

Нина и Макс провели вместе замечательные полтора месяца. Купались в ледяных водах Алдана, ловили красных карасей в таежных озерцах, даже как-то выбрались браконьерствовать — стреляли уток на островах, хоть был не сезон.

Тогда, сидя у костра, девушка, прикинув к его плечу, завела печальный разговор, что вот, мол, скоро он уедет, бросит ее... Максим внутренне подобрался. Памятуя о папашиних наставлениях, он не принял эту связь всерьез, она была как бы частью студенческой практики, вот и все...

Уезжая, Макс, конечно же, обещал писать, и, разумеется, забыл о своем слове еще в самолете Якутск-Москва. В столице его ждала другая

девушка, ничем не хуже Нины... Да все они, в общем-то, более-менее одинаковые, — давил в себе Макс грусть расставания.

Ан, нет, оказывается, не все. Порой Бурцев ловил себя на том, что совсем не к месту вспоминается ему белокурая девчушка, одетая в штормовку и с вертикальной двустволкой «Иж» в тонких руках... Или ее звонкий смех над ним, московским студентом, когда он, оголодав, заявил возле таежного озерца, что за один присест слопаёт пять красных, похожих на ракетку для настольного тенниса, карасей. «Да ты и одного-то не осилишь», — твердила Нина, ловко разделявая выбранную из сети рыбу. И Максиму пришлось здорово напрячься, чтобы умять-таки двух карасей, умело запеченных подружкой на углях...

Ах, какая это была замечательная девушка! Только теперь, старый дурак, он понял это. Бросил! А она не бросила бы его, как Анастасия, не свалила бы за границу с первым же подвернувшимся богатеем... «За все нужно платить, — в который раз подумал Бурав. — Да, за все нужно платить».

Как-то Максим получил письмо из Хандыги. Писал капитан Сивцев, поздравлял с Днем Советской армии, а потом, ни с того ни с сего, сообщал, что Нина Логинова родила мальчика, назвала Максом. «В общем, как у Лермонтова, Максим Максимычем записали», — счел нужным уточнить Сивцев. «Что ж, Лермонтов, так Лермонтов», — пробормотал Бурцев и зачем-то сжег послание краснолицего капитана.

А спустя лет двадцать Бурав, уже будучи разведенным, получил письмо от Нины, в котором была фотография их сына. Именно их, а не только ее: в этом не могло быть сомнений. Вот только волосы у Максима Максимыча были светлые, в мать, а в остальном он был вылитый Бурцев — в молодости, конечно. «Прямо клонированный», — пробурчал подполковник с довольным видом. Сын отслужил в армии, теперь учился в школе милиции. О своем семейном положении Нина ничего не сообщала...

Совсем недавно, месяца четыре назад, пришло письмо от самого Максимального. Тот бодро рапортовал, что стал лейтенантом, служит у них в Хандыге, сменив на посту капитана Сивцева, который долгое время был ему наставником. Подполковник отписал ответ, в котором приглашал сына погостить у него в Москве, намекал, что мог бы похлопотать за парня, устроить в МУР. «Не могу оставить маму, она ведь совсем одна, кроме меня, у нее никого нет», — отвечал Максим Максимыч. А приехать к отцу он не отказывался — мол, встретимся непременно...

Удивительное дело: сознание того, что где-то у него есть сын, тоже офицер и почти ровесник Каморину, каким-то образом еще сильнее привязывало подполковника к Алексею. Именно в Комаре сосредоточились отцовские чувства сорокавосемилетнего сыщика. Все это было чертовски

трудно объяснить. Может, такая странная душевная подмена вызвана обманом восприятия — ведь сына Бурав никогда не видел, а Комар все время был рядом, поблизости.

Кто знает?..

В кабинете на Петровке, 38 Бурцева и Каморина ждало предписание следователя Шаравина, суть которого сводилась к следующему: несмотря на то, что следствие склоняется к версии об имевшем место несчастном случае, оперативникам необходимо исследовать обстоятельства пребывания минувшей ночью гражданина Ляпикова Г.И. в отеле «Блиц» — на предмет возникновения иных версий его смерти.

Бурав, прочтя его, лишь покачал головой:

— Надо же, Комар, а Шаравин-то отомстил. И за ворону, и за тайного советника...

Глава одиннадцатая

Стрелки на часах в холле отеля «Блиц» приближались к половине девятого утра, и рыжеволосая портье Мариночка готовилась смениться после двух суток непрерывного дежурства. «Заедет или просто так трепался?» — мучительно раздумывала девушка, вспоминая вчерашние неуклюжие заигрывания тщедушного незнакомца с отталкивающим лицом.

Лучше бы, конечно, на нее обратил внимание другой — красивый, атлетического сложения коммерсант из цветочного салона... Но, вздохнула девушка, к сожалению, выбирает не она, а ее. Во всяком случае — пока. «Ишь, губу-то раскатала, — одернула себя прагматичная «портьерша». — Чтоб тебе сразу и красивый, и богатый, и молодой, и неженатый...»

Невзрачный, но, похоже, весьма состоятельный дядечка обещал появиться здесь к девяти утра и отвезти ее в загородный гольф-клуб. Вот было бы здорово!

Марина вовсе не стремилась стать роковой женщиной, повелевать мужчинами и разбивать сердца. Просто ей очень хотелось жить хорошо. И если мужчины могли ей в этом помочь, то она не видела здесь ничего дурного.

Богатство надо заслужить — так учил ее отец. Правильно учил. Но Мариночка — не Мария Кюри, о которой рассказывали в школе, что она за свои открытия получала фантастические денежные премии, и не Мирей Матье, чья луженая глотка всегда повергала Марину в восхищение... И не бизнесвумен, не тот склад характера. Она всего лишь скромная, обая-

тельная девушка. Внешность, да и то, не бог весть какая, — вот все, что у нее есть.

Со временем она создаст семью, у нее обязательно будут симпатичные малыши, и они тоже будут жить хорошо, не болеть и ни в чем не нуждаться. Лучшей доли для себя Марина не представляла. Ну почему, почему она не может прожить свою жизнь в достатке и радости?

Года полтора назад, сдуру и с отчаяния, она стала девушкой для развлечений: ее дружок, вор-домушник Валька Шашнев по кличке «Скрепка», сосватал Марину приятелю-сутенеру.

Но недолго дежурила Марина вечерами у Тверской, на Малом Козицком: как-то раз на «смотрины» девушек, выстроившихся в ряд под сумрачной аркой, приехал распорядитель престижного клуба «Монреаль» Вениамин Егоршин. «Бригадирша», которая не раз поставляла Егоршину самые аппетитные экземпляры из своей коллекции, всячески лебезила перед толстяком. И в тот раз она, можно сказать, ужом вилась вокруг его «лексуса», из открытого окна которого содержатель борделя и казино придирчиво рассматривал улыбающихся девушек.

Но вот, наконец, Егоршин сделал «бригадирше» знак, та наклонилась к окошку машины, почтительно кивая, выслушала несколько отрывистых фраз и хватко приняла протянутую ей стопку зеленых купюр. Выпрямилась, повелительно махнула рукой Мариночке:

— Стелла, в машину!

Так Марина оказалась на роли гейши в клубе «Монреаль». Зарботки здесь были несравненно выше, чем на Малом Козицком, однако девушка так и не смогла преодолеть в себе усвоенное с детства отвращение к такого рода промыслу.

Однажды она сидела и плакала в своей крошечной «гримерке», как девочки называли комнатухи для отдыха и приведения себя в порядок после очередного клиента. Вошел Егоршин, тихо склонился над Мариной. Она подумала, что распорядитель, как обычно, заглянул расслабиться, спустить пары, и еще глубже уткнула лицо в колени.

— Что, Стеллочка, тошно? — спросил Егоршин неожиданно участливым, даже каким-то отеческим голосом.

Марина разревелась.

Егоршин потрепал ее по кудряшкам и вышел, а уже через день толстяк сообщил ей, что отныне она работает на должности портье в отеле «Блиц» — дескать, хозяин этого заведения — его старый приятель, и у них свои счета.

— Получать, конечно, будешь в несколько раз меньше, зато работа чистая, можно сказать — чиновничья, — подмигнул он девушке на прощание.

В «Блице» Марина была приятно удивлена неожиданным открытием: оказывается, спать с хозяином и менеджерами отеля вовсе даже не обязательно. И платили сносно, но главное — отель служил прибежищем для тайных любовных утех, и здесь часто появлялись известные и влиятельные лица...

Девушка просияла: в дверях показался владелец антикварного магазина Андрей Степанович Безлепкин с огромным букетом алых роз. Даже раньше времени, между прочим.

— Это вам, Марина, — сказал он деревянным голосом.

— Спасибо... Вы не могли бы подождать в машине, пока я смену сдам? И, если вам не трудно, цветы тоже пока в машину отнесите, ладно?

— Хорошо. У меня золотистый «шевроле», стоит прямо напротив входа.

В дверях Безлепкин столкнулся с двумя мужчинами — юным и постарше, от них исходила какая-то угроза. О Господи! Да это же зверюга Бурцев, муровский подполковник, а с ним — его арийского вида напарник. Пресвятая Богородица, помилуй!..

Вот уже скоро четыре года, как этот Бурцев является антиквару в кошмарных снах. Сначала подполковник едва не усадил Андрея Степановича до конца его дней за организованное им ограбление собственного магазина. Тогда был убит охранник... Только заступничество высокопоставленных покровителей, купленное ценой щедрых подношений, спасло Безлепкина от тюрьмы.

Полтора года назад Бурцев чуть не довел Андрея Степановича до инфаркта: нагрянул в его магазин вместе с этим юным «арийцем», пытал насчет продажи ворованной иконы Ильи Пророка. И снова дело было связано с убийством, на сей раз — клиентки Андрея Степановича.

Безлепкин с отчаянья заказал подполковника бандитскому авторитету Олефиренко по кличке «Бургас», заплатил за ликвидацию страшного опера пятьдесят тысяч долларов... И что же? Труп Олефиренко нашли в тот же день на полу в подъезде Бурцева, а этому дьяволу хоть бы что! Говорят, Бургас погиб при несчастном случае — мол, током его ударило. Дудки! Байки для дураков!..

И вот опять они столкнулись. «Худой знак, барин! — рефреном звучали в мозгу Безлепкина насмешливые слова подполковника. — Кто несколько раз пересекается с Бурцевым, тот, как правило, долго не живет — свои же подельники убирают, от греха, наверное, а то ведь у меня все раскалываются».

Бежать, скорее бежать в машину, запереться там!

Антиквар прикрылся розами и поспешил в свое авто.

— Ну, чего ты со мной поперся? — между тем пенял Комару Бурав. — Что я, без тебя бы не удостоверился в том, что Гришан благополучно прорезвился здесь всю ночь с какой-нибудь не слишком дорогой девочкой? А? Можно подумать, тебе делать нечего... Лучше смотался бы на рынок, купил для Ирины фейхоа.

— Макс, мое дежурство еще не кончилось, к тому же формально предписание Шаравина касается и меня, — отбрыкивался щепетильный в вопросах дисциплины Каморин.

Бурав и так проделал за него, почитай, всю работу, и Комар чувствовал себя не в своей тарелке. Впрочем, такое случалось уже не первый раз...

— Московский уголовный розыск, — бросил подполковник Марине, навалившись грудью на стойку. — Вам, хозяйюшка, эта личность знакома?

Он предъявил портье фотографию Гришана, увеличенную с карточки на его паспорте. По лицу Марины мелькнула тень узнавания, и это было не удивительно: даже снимаясь на основной гражданский документ, Ляпиков умудрился ослабить свою фиксатую пасть.

— Ой, этот мужчина останавливался у нас... сейчас вспомню... позапрошлым вечером. А что?

— Это я у вас хотел бы узнать, милая девушка, — зловеще изрек Бурцев. — Что дальше-то было, ночью то есть?

— Надо у ночного дежурного спросить, я только оформляю клиентов... — смутилась Марина. — Сейчас я его приглашу.

Ночной дежурный, молодой прилизанный человек с повадками интеллигентного сутенера, безо всякого стеснения поведал оперативникам, что предъявленный ему для опознания постоялец заказал в номер девушку и пробыл с ней безвыходно до утра.

— Зовите вашу рабу любви, — вздохнул Бурав.

Девица, явно новенькая, дрожащим и поминутно срывающимся голосом подтвердила, что клиент никуда не отлучался, а часа в три ночи уснул. Правда (девушка боязливо взглянула на ночного дежурного), он во время непродолжительного перерыва в общении с ней говорил по телефону... С кем? Она не знает, не слушала, запомнила только, что он все время упоминал какую-то скрепку...

— Я так и думал, — рубанул ребром ладони по воздуху подполковник, когда они с Комаром снова очутились на улице. — Ну, Скрепка, ну, Валька! Чутье, что ли, у него на опасность, или просто везучий, сволочь?

— Так это с Шашневым он разговаривал перед смертью? — встрепетнулся Алексей. — Будем раскручивать эту версию?

— Какую, к лешему, версию! — простонал Бурав. — Все ясно, дело закрываем...

Глава двенадцатая

Вениамин Егоршин, распорядитель и формальный владелец игорного клуба «Монреаль», в это утро тоже чувствовал себя разбитым и не выспавшимся. Шутка ли, до пяти утра крутиться в ресторане, осведомляясь, всем ли довольны «особо важные персоны», успевать заглядывать при этом в казино, проверять выручку...

Хотя не в этом дело, конечно. Такая жизнь была привычна для 55-летнего толстяка Егоршина, и он уже второй десяток лет чувствовал себя как рыба в воде посреди налаженного клубного быта. Причина переутомления последних дней — совсем в другом.

В последнее время Вениамин Андреевич почему-то все чаще и чаще стал оглядываться на прожитую жизнь и приходил к беспощадному выводу: он банкрот во всех смыслах этого слова. Пятьдесят пять лет, и ничего нет. Нечего, так сказать, пощупать, кроме разве что больной печени.

Нужен срочный прорыв. Куда и как прорываться, Егоршин представлял довольно смутно, в мозгу лишь стучала навязчивая мысль: надо что-то делать.

Выше головы не прыгнешь, это известная истина. Да и не надо прыгать выше своей головы. Но реализовать свои возможности, сыграть на отведенном судьбой уровне мужчина просто обязан. Только тогда обеспечена спокойная, достойная старость. Иначе он превратится в желчного, ненавидящего весь мир старикашку. И всякий раз, когда эта мысль обострялась до невыносимости, Вениамин Андреевич глушил ее изрядными порциями виски. А потом шел играть.

И на тебе! С неделю тому назад в клуб внезапно нагрянул его подлинный владелец и распорядитель, сухонький старичок Юрий Георгиевич Маслов. Он же — якобы застрелившийся академик Анатолий Семенович Ардашкин, который за несколько месяцев до своей мнимой смерти и основал клуб «Монреаль», оформив заведение на подставных лиц. А точнее — на Вениамина Егоршина. Толстяк знал только, что Хозяин уехал за границу, на Средиземноморье, и уже надеялся, что он никогда больше не вернется. Зловещий старик внушал Вениамину Андреевичу патологический ужас. И не только сам Маслов-Ардашкин, но и его таинственная аппаратура, расположенная в подвальном помещении клуба.

Обычно немногословный, сдержанный, Анатолий Семенович и на сей раз был скуп на разговоры. Он лишь сообщил, что какое-то время будет жить в клубе, велел приготовить для него покои. Потом потребовал от Егоршина финансовый отчет о делах клуба за время своего отсутствия, задержал взгляд на левом запястье Вениамина Андреевича. Там должен

был болтаться платиновый браслет с шестью огненно-красными рубинами, расположенными пентаграммой — своего рода эмблема клуба «Монреаль». Такая же пентаграмма, только из громадных красных фонарей, высилась над крышей заведения, а официантки и девушки-крупье носили ее в виде короны на своих головах.

Браслета на руке Егоршина не было. Да и не могло быть: Вениамин Андреевич поторопился снять эту сатанинскую штукину сразу после отбытия Ардашкина-Маслова за границу. Более того, Егоршин собирался получить за браслет неплохие деньги, достаточные для того, чтобы хоть на какое-то время заткнуть брешь в личных долгах Вениамина Андреевича. В карточных долгах, если уж говорить точно.

Отчет, предоставленный Егоршиным Хозяину, был далеко не блестящим, но как раз этот факт не слишком беспокоил толстяка-распорядителя. Ардашкин обычно не вмешивался в чисто внешнюю деятельность клуба, и доходная сторона предприятия его не особенно волновала.

Вениамин Андреевич прекрасно понимал, что не для обогащения затевался в свое время этот изысканный игорный дом с не менее изысканным борделем и рестораном. Главной целью для Ардашкина, о чем он постоянно говорил Егоршину, было то, чтобы в клуб ходили сильные мира сего, богатые и влиятельные люди, элита, одним словом... Видимо, эту-то самую элиту и обрабатывало то таинственное оборудование, которым был напичкан подвал «Монреалья». Зачем? Об этом можно было только догадываться...

В отсутствие Ардашкина Вениамину Андреевичу пришлось столкнуться с некоторыми доселе неизвестными сложностями. В клуб вдруг зачастили налоговые инспекторы, представители органов внутренних дел... Нет, откровенного шантажа или наезда, упаси Господи, не было, однако все эти блюстители государственных интересов, как один, через губу, глядя куда-то в сторону, намеками говорили о скрытых доходах заведения, организации нелегального публичного дома... Егоршину ничего не оставалось делать, как щедро откупаться от нежелательных визитеров. Видимо, академику Ардашкину каким-то образом удавалось решать эти вопросы, причем без участия Вениамина Андреевича, потому что прежде Егоршин практически не вступал в контакт с контролирующими организациями.

Выходит, академик отбыл за границу, не обеспечив тылы своему детищу, игорному клубу «Монреаль»? Выходит, так... Эти-то соображения и вселяли в толстяка Егоршина смутные надежды, что больше он со зловещим «пенсионером Масловым» не встретится. Ан, нет, вот он, отдохнувший, помолодевший и, как всегда, уверенный в себе!

Явился, не запылится...

Они были знакомы уже четырнадцать лет, Ардашкин многое доверял Егоршину, однако иногда Вениамина Андреевича пугал пристальный, оценивающий взгляд академика. А если он узнает о карточных долгах своего распорядителя? Ведь клубному персоналу было строго-настрого запрещено делать ставки в азартных играх, чтобы не оказаться в зависимом положении от кого бы то ни было, кроме академика Ардашкина...

Иллюзий у толстяка не было: случись нужда, и Ардашкин, не задумываясь, вычеркнет его из списка живущих на этом свете, не посмотрит на верную многолетнюю службу. Уберет одним щелчком, как задремавшую, потерявшую бдительность муху.

Значит, надо как можно быстрее рассчитаться с долгами. Вениамину Андреевичу недавно порекомендовали надежного специалиста, который может провести грамотную экспертизу рубинов, объективно оценить браслет с символикой клуба «Монреаль» — некоего Андрея Степановича Безлепкина, владельца антикварного магазина на Таганке и ювелирной мастерской на Сретенке.

Опытный, порядочный специалист...

Глава тринадцатая

Денис Валерьевич Балувев совсем не напрасно переживал по поводу того, что не успел вытащить паспорт у покойного Ивана Петровича Турбазина. Правда, фальшивыми были документки в кармане бывшего чекиста, а точнее — не совсем фальшивыми, просто фамилия там была указана несколько иная. Турбенко Иван Петрович, гражданин самостийной и незалежной Украины. Именно такую информацию почерпнули из простреленного и залитого кровью загранпаспорта, украшенного трезубцем, прибывшие на место убийства сотрудники Химкинского ГУВД.

Дело в том, что, будучи уволенным со службы «за допущенную халатность», Иван Петрович, благополучно избежав рук наемных убийц, отправился в Крым, на свою родину. Посетил турбазу под Феодосией, ставшую для него колыбелью, полечил ноги в соленой морской водичке... А заодно позаботился и об оформлении украинского гражданства, что особой сложности не представляло. Вполне естественным выглядело его пожелание слегка изменить фамилию, придав ей хохляцкое звучание: Турбенко. Это как бышний раз демонстрировало лояльность Ивана Петровича к националистическому режиму Киева.

Новоиспеченному гражданину Украины Ивану Турбенко пообещали трудоустройство и хорошую квартиру в Феодосии. Впрочем, господин

Балуев при помощи «люгера» избавил украинское государство от лишних расходов.

Всего этого химкинские менты, естественно, знать не могли, и потому вначале действовали стандартно: перетащили труп с дороги на обочину, а обочина эта была территорией уже не Химкинского района, а города Москвы. В самом деле: ну кому охота заниматься «заказухой», вешать на себя еще один бесспорный «висяк»?

Однако, увидев трезубец на обложке загранпаспорта, ребята из Химкинского угро не стали беспокоить столичных коллег, а быстренько сообщили об убитом иностранце куда следует, и таким образом МУР также был отсечен от поиска убийцы господина Турбенко.

Дело передали в ведение ФСБ. Жиденькое такое дело, в котором содержались лишь скудные сведения об убитом, результаты баллистической экспертизы пуль, извлеченных из трупа да показания шереметьевского таксиста, видевшего черный «мерседес» пятисотой или шестисотой модели на месте преступления примерно в то время, когда произошло убийство.

Поначалу убийством на шоссе, ведущем в Шереметьево, занялся отдел ФСБ по борьбе с терроризмом: как-никак, близкое к международному аэропорту месторасположение трупа, к тому же — с огнестрелом, давало пищу ко вполне определенным размышлениям. Российские чекисты установили, что Турбенко И.П. — не кто иной, как Иван Петрович Турбазин, лишь недавно получивший «жовто-блакитное» гражданство. Как говорится, уже интересно...

Еще интересней стало сотрудникам УФСБ по Москве и Московской области, когда из центрального учетного отдела поступила информация, что убитый на ночном шоссе дядька — их коллега, еще полгода назад возглавлявший службу охраны Мирнинского алмазного месторождения. Как раз в то время, когда на означенном месторождении произошла «кража века».

«Алмазным делом» вот уже несколько месяцев занималась созданная по распоряжению президента РФ следственная бригада, в состав которой вошли сотрудники ФСБ, Генеральной прокуратуры и оперативного спецподразделения МВД России. Само собой разумеется, что первую скрипку в этом трио играли представители Конторы. Поэтому чухлая папка с материалами по Турбазину оказалась на столе «квадратного» полковника с широким, приветливым лицом. Того самого, что встречал академика Ардашкина в аэропорту Домодедово.

Полковник долго листал страницы дела, хмурился. Значит, алмазный след ведет сюда, в Москву. Все-таки Турбазин! Чутье не обманывало «квадратного», когда он минувшей осенью самолично допрашивал Ивана Пе-

тровича в Мирном. Тогда начальник службы безопасности месторождения успешно прошел проверку на детекторе лжи, и на очереди было крайнее средство — укол скополамина, «сыворотки правды», под воздействием которой абсолютно любой человек рассказывает все, что знает.

Однако полковник не дал разрешение на использование чудовищного препарата, мотивируя это слабым здоровьем «пациента». Мол, коньки отбросит после укола, как пить дать. Службист даже подшил в дело врачебную справку о якобы имевшей место сердечной недостаточности у Турбазина.

Почему же чекист, безразличный ко всему, кроме дела, пошел на такую гуманность? Да еще вкуче с фабрикацией медицинской справки?

Уж не потому ли, что полковника никак не устраивало признание Турбазина, сделанное при свидетелях, в рамках следственного процесса? Не намеревался ли службист самостоятельно выйти на похищенные алмазы?

В общем, Иван Петрович был освобожден из-под следствия, уволен со службы и, как сказали бы царские юристы, «оставлен в подозрении». Полковник установил за Турбазиным негласную слежку, будучи абсолютно уверенным, что бывший коллега выведет топтунов на обладателя похищенной партии алмазов. Однако пару месяцев назад Иван Петрович (вот что значит советская выучка!) ушел из-под наблюдения и канул, бог знает куда.

И вот он объявился — в виде трупа. Следовательно, алмазы в Москве? Во всяком случае, в столице находится главное действующее лицо «кражи века», в этом нет никаких сомнений. Ясно, что Турбазин приезжал за своей долей. Или его убрали просто как опасного свидетеля.

Полковник достал другую папку, сразу же открыл ее на нужной странице. Ага, вот оно... Бывший заместитель генерального директора по трансферу Денис Балугев с конца прошлого года проживает в Москве, работает в должности коммерческого директора цветочного салона «Летучий голландец». Ездит на черном «Мерседесе-500».

«Квадратный» снял телефонную трубку, набрал номер:

— Алло? Я бы хотел поговорить с Юрием Георгиевичем Масловым. Юрий Георгиевич? Здравствуйте. Лисин беспокоит. Встретиться бы надо. Да, по тому самому делу...

Глава четырнадцатая

В квартире молодых супругов Фирсовых назревал очередной скандал.

— Вика, извини, конечно... — Володя Фирсов, похоже, долго собирался начать неприятный разговор и, наконец, решился. — Пойми, мне не может нравиться, как на тебя смотрит этот боров.

Каштановая Виктория, зажав губами шпильку, поправляла волосы перед высоким трюмо. Она вскинула свои изумрудные контактные линзы на отраженное в зеркале бледное лица мужа, промолчала.

Володя схватился пятерней за свою коротко стриженую челку, принялся нервно расхаживать по комнате.

— Я все понимаю, Вика, ты чертовски привлекательное создание, мужики не могут глядеть на тебя спокойно. И то, что у тебя было когда-то с этим Трындиным, вполне в порядке вещей: он богат, ты красива.

Вика согласно кивнула в зеркало.

— Но теперь ты замужем! Понимаешь? За-му-жем!

— Понимаю, — не размыкая губ, промычала Вика, вынула изо рта шпильку и ловко пристроила ее в копне тяжелых волос. — Поэтому мне приходится заботиться не только о самой себе, но еще и о непутевом муженьке. Где ты был бы сейчас, если бы не моя давнишняя дружба с Трындиным? А? Кому ты нужен, после того как оскандалился за границей? Подумать только, это ничтожество еще меня и попрекает! А сам даже в несчастной, забытой Богом Африке умудрился жидко обделаться. И кто ты теперь? Безработный дипломат с волчьим билетом. И бездомный, к тому же! Навязался на мою шею!

Володя завыл и бросился вон из комнаты.

— Если надумал вешаться, мыльце в ванной! — крикнула ему вслед каштановая Виктория. — Алкаш несчастный! Жираф!..

Володя скрежетал зубами. Будь у него пистолет... Ну, и что тогда? Ах, как все глупо, как он противен сам себе! Господи...

Вчера Володя впервые в жизни по-настоящему напился, он не помнил даже, как оказался дома, то есть на квартире, которую они снимали с Викой в Бескудниково. Очнувшись среди ночи в звенящей тишине комнаты, Фирсов обнаружил, что лежит поперек тахты в верхней одежде и ботинках. Володе страшно хотелось курить, он сунул руку в карман куртки и нащупал пухлый комок денег. Ах да, он же вчера играл, и, кажется, довольно успешно...

Вечером, после закрытия цветочного салона «Летучий голландец», хозяин заведения Матвей Трындин объявил, что старшая продавщица Виктория Фирсова нужна ему для представительских целей на деловой встрече в Английском клубе. Володя, служивший в том же салоне на довольно странной должности специалиста по связям с общественностью, впал в отчаяние.

В таком горестном состоянии он и направился в игорный клуб «Монреаль». Что он там забыл? Да ничего. Просто перед закрытием «Летучего голландца» в салон примчался посыльный из этого самого «Монреаля»

и принес пригласительный билет на сегодняшний вечер для госпожи Фирсовой. Вики в тот момент не было за прилавком, и посыльный отдал билет Володе. Тот взглянул на красочную бумажку, увидел, что имя приглашенной персоны не проставлено, и с горя решил отправиться туда вместо Вики. Тем более что она сейчас будет развлекаться в Английском клубе, где, надо думать, ничем не хуже.

В «Монреале» Володя принялся — опять-таки впервые в жизни — делать ставки возле стола с рулеткой. Выиграл долларов шестьсот и остановился — азарт не забирал, выигрыш не радовал сердце.

Он поменял фишки на рубли и потопал в клубный ресторан. Здесь пил абсент, все больше и больше дурея от контрабандной полынной настойки, потом заказал шампанское «Мадам Клико», которое как-то пробовал на дипломатическом приеме в Париже...

Остаток вечера Володя припоминал смутно. Кажется, был за его столиком приветливый сухонький старичок, звали его Юрием Георгиевичем. Захмелевший опальный дипломат лил пьяные слезы, рассказывая старичку о своей изломанной жизни. Тот ласково кивал в ответ, и от этого Володе хотелось говорить и говорить, выплеснуть из себя вместе с хмелем всю горечь минувшего...

Бывший младший сотрудник посольства России в Чаде Володя Фирсов давно проклинал тот день, когда, еще студентом Института стран Азии и Африки, познакомился со студенткой соседнего журфака Викторией. По большому счету, это нельзя было назвать любовью с первого взгляда — скорее, Володя впал в некое сомнамбулическое состояние. Будучи именно в таком беспмятстве, он и пошел в загс с ослепительной секс-бомбой, потом прописал ее в своей двухкомнатной квартире на Ленинском проспекте...

Прояснение мозгов наступило вскоре после свадьбы, когда Вика объявила, что детей иметь не желает, она не корова, чтобы производить на свет себе подобных. Да и вообще, штамп в паспорте еще не дает Володе оснований рассчитывать на безотказность своей супруги. Ее, дескать, нужно завоевывать каждый раз, и цветочками здесь не обойдешься.

Тут бы Володе поставить зарвавшуюся куртизанку на место, слегка попортить ей ухоженное личико, но Фирсов лишь глупо кивал, внутренне соглашаясь с тем, что печать загса — и в самом деле недостаточное основание для обладания столь редкостной красавицей.

В столицу Чада Нджамену Володя улетел один — Викторию не прельщала перспектива помереть от жары и скуки в Центральной Африке.

Оставшись в Москве соломенной вдовушкой, каштановая дива, как и подозревал господин Фирсов, не собиралась тосковать из-за разлуки

с благоверным. Правда, вышло так, что невинные развлечения привели Викторию на допрос в МУР — красotka оказалась по макушку замешанной в убийстве хозяина лодочной станции Жучинского. От уголовного преследования мадам Фирсову спасло лишь то обстоятельство, что ее любовником и главным действующим лицом кровавой бойни был выходец из солнечного Закавказья Ходжанян, чей менталитет не позволял тянуть за собой в тюрьму красивую женщину.

Вика избежала заключения под стражу, но на свободе оказалась в изоляции иного рода: она стала персоной нон грата в мире богатых и знаменитых, в том мире, где уже чувствовала себя, как рыба в воде. Увы, рыбка оказалась выброшенной на пустынный берег.

Вика, в отличие от большинства женщин, умела принимать быстрые и радикальные решения. Ничтоже сумняшеся, она продала московскую квартиру своего мужа (с помощью аферистов, разумеется) и улетела в Испанию, под крылышко к такому же российскому изгою — бывшему тренеру сборной страны по футболу Антону Званцеву. Правда, этот «изгой», в отличие от мадам Фирсовой, обладал миллионами долларов и имел доступ в высшее общество королевства на Пиринейском полуострове. На это и рассчитывала предприимчивая секс-бомба.

И надо же такому случиться: не прожив на вилле Антона Званцева и двух недель, Вика сподобилась лицезреть, как роскошная белоснежная яхта спортивного нувориша взлетела на воздух, унося на Страшный суд Викиного содержателя и покровителя. Ей пришлось спешно бежать из Испании, чудом избегнув рук наемного убийцы. Охваченная безумным гоним, Вика металась по белу свету — сначала Канары, потом — Буэнос-Айрес...

В столице Аргентины российская гражданка Фирсова поселилась в претенциозном отеле «Хилтон» — по ее представлениям, это было то самое место, где ослепительная женская красота может быть мгновенно востребована по самым высшим расценкам. Она понятия не имела, что сетевой отель «Хилтон» в последние годы стал традиционным прибежищем разве что для дельцов средней руки, а богатые жуиры, готовые сорить немереными деньжищами, предпочитают останавливаться в пятизвездочных клубных отелях или арендовать прибрежные виллы.

В чопорном «Хилтоне» Вика платила за номер с джакузи и зимним садом по шестьсот долларов в день, и вскоре с ужасом обнаружила, что ее ограниченные средства имеют свойство стремительно таять. И никаких спонсорских предложений, черт бы побрал этих латиносов!

Фирсова возненавидела Аргентину от всего сердца. Пыльный, душный Буэнос-Айрес, застроенный стеклобетонными небоскребами, пугал де-

вушку, она практически безвылазно сидела в своем роскошном номере на тридцать первом этаже, спускаясь лишь в ресторан на завтрак и ужин.

Как-то после дождя жара немного спала, и Вика решила прогуляться. Бесцельно бродя по запруженной машинами и людьми улице, она вдруг заметила в небольшом закутке старичка в истертых шлепанцах, который торговал книгами, разложенными прямо на асфальте. Вика бросила взгляд на ветхие обложки и внезапно увидела томик Гумилева на русском языке. Наклонилась, взяла книжку в руки, машинально раскрыла...

«Ты плачешь? Послушай... далеко, на озере Чад, изысканный бродит жираф».

А ведь у нее там, далеко, на озере Чад, есть муж. Всамделишный, законный. Пусть и не изысканный, зато готовый пожертвовать ради нее всем, что имеет и чего не имеет. Странно, в последнее время с Викой произошло столько всего невероятного и ужасного, а она только сейчас вспомнила о Володе, и то случайно, благодаря томику Гумилева, непонятно, каким образом очутившемуся на асфальте Буэнос-Айреса...

Через полчаса Вика звонила в Нджамену, своему Жирафу, как она мысленно стала называть мужа. В Центральной Африке был уже вечер, рабочий день в российском посольстве закончился, и Вике пришлось довольно долго ждать, пока дежурный соединит ее с законным супругом. Наконец Володя ответил, голос его был взволнованный и почему-то показался Вике таким родным и близким, что она заплакала...

«Вылетай в Париж, в наше консульство, — решительно проговорил Фирсов, выслушав сбивчивый, прерываемый всхлипываниями рассказ блудной женушки. — Я свяжусь с ними, тебе сделают визу в Чад. Позвони из Парижа, я тебя встречу в Нджамене».

Вика воспрянула духом: как-никак, теперь надо было заниматься чем-то конкретным. Прощай, угрюмый «Хилтон», прощай, Аргентина! В Париж, в Париж... Нджамену она как-то умом не воспринимала.

Однако в Париже все прошло как-то скомкано, до обидного буднично. Из аэропорта имени Шарля де Голля Фирсова на такси отправилась напрямиком в российское консульство, где молчаливо-хмурые соотечественники заставили ее просидеть в приемной пять часов кряду, пока в паспорте Виктории не появилась двуязыкая виза республики Чад.

Ожидая окончания утомительной процедуры, она многократно распланировала свое пребывание в столице Франции: прогулку по Елисейским полям, подъем на Эйфелеву башню, вечер на Монмартре...

Каково же было удивление и разочарование каштановой Виктории, когда, вручив ей паспорт, лысоватый чиновник вежливо, но непреклонно предложил гражданке Фирсовой проследовать в служебную машину, и че-

рез каких-то сорок минут они уже были в Орли, где готовился к вылету в столицу Чада гигантский «Эрбас-310». Казалось, Вика насильно депортируют из Франции...

Глава пятнадцатая

Володя встречал ее на открытом джипе, долго извинялся, что, мол, другой машины в посольстве дать не смогли. Вика подавленно молчала. По пути в Нджамену и на въезде в город им несколько раз попадались вооруженные патрули, чья военная форма была на неграх — французская или здешняя, президентская, Вика не поняла.

Добил ее эпизод возле так называемой бензоколонки: это был большой дощатый стол, уставленный бутылками с горючим и маслами. Лиловый негр в бело-синем балахоне с важным видом залил в бак джипа бензин прямо из бутылки, Володя протянул ему какие-то талоны и потом долго что-то толковывал негру на непонятном языке...

— В стране «чрезвычайка», — объяснил Жираф супруге, когда они подкатывали к трехэтажному, кубическому зданию российского посольства.

— Это что же, у меня не будет здесь своей машины? — спросила Вика с округлившимися от возмущения глазами.

Володя лишь виновато промолчал.

— Я завтра же улетаю в Москву! — заявила она, и ей показалось, что муж в ответ как-то невесело усмехнулся.

Уже к вечеру Вика вдруг с ужасом осознала, что угодила в ловушку: семейные узы оказались кандалами почти что в прямом смысле слова.

Ничего не подозревая, она сдала свой загранпаспорт для регистрации, а когда пыталась получить его обратно, секретарь посольства растолковал гражданке Фирсовой, что отныне она числится в составе российского дипломатического представительства, и на нее распространяются те же правила поведения в стране пребывания, которые существуют для сотрудников посольства. В частности, она может покинуть Чад и вернуться на родину только с официального разрешения самого посла.

И потянулись тягостные недели, столь мучительные для недавней звезды всех московских великосветских раутов. Нескончаемые дни тоскливого пребывания на территории далеко не роскошного дипломатического комплекса.

Жены российских дипломатов, с которыми Вике волей-неволей пришлось познакомиться, дружно возненавидели сексапильную красотку и

принялись изводить ее поучениями и предостережениями. Это было невыносимо!

И все-таки Вика дождалась своего часа: ее редкое очарование подействовало, правда, не на российского посла, а на бойкого французского журналиста, с которым Фирсова познакомилась на одном из нечастых приемов в родном посольстве. Журналист не отходил от нее весь вечер, буквально завладел ею, а она, назло всем, громко хохотала над остротами француза, хотя ничегошеньки не понимала в его картывом словоблудии.

Он через пару дней позвонил ей, и Виктория, послав «на три буквы» ворчащего Жирафа, отправилась в город для встречи с французом. Журналист, усадив ее в роскошный «порше», сразу предложил отправиться в подпольную кальянную. «Опиум? Ни за что!» — воспротивилась, было, Вика. Француз, который сегодня выглядел далеко не столь привлекательно, как на вчерашнем приеме, разъяснил, что курят здесь не опиум, а какую-то диковинную местную травку, которую больше нигде в мире не попробуешь. И она неожиданно согласилась...

Глубокой ночью военный патруль доставил обкурившуюся, в неменяемом состоянии Вику в резиденцию российского посла. А уже на следующий день супруги Фирсовы получили предписание Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Республике Чад незамедлительно покинуть эту африканскую страну и отбыть на родину.

— Это ты во всем виноват, — равнодушно сказала Вика убитому горем Володе, когда рейсовый самолет поднялся в воздух. — Как ты мог вызвать меня в эту кошмарную страну, в это ужасное посольство? Ничего странного, что после полутора месяцев такой жизни я сорвалась...

Владимира Фирсова, понятное дело, отчислили из дипломатического корпуса, он оказался выброшенным на улицу и впал в тяжелую депрессию. Иное дело — Виктория: она снова была востребована, столичный бомонд неожиданно простил ей недавнюю причастность к жестоким убийствам, Вика часами рассказывала старым подружкам по телефону о своих приключениях в Испании, Аргентине, Африке... Чуть не каждый вечер красотка Фирсова отправлялась на светскую тусовку, оставляя мужа почти в безжизненном состоянии, в стельку пьяным.

Теперь они обитали в Бескудникове, на квартире, которую быстренько, почти сразу по приезде, сняла Виктория. Володя был так потрясен своим изгнанием из системы МИДа, что довольно равнодушно воспринял известие о продаже своего кровного жилища на Ленинском проспекте.

Вика, скорее всего, так и не смогла бы объяснить, почему по прибытии в Москву не бросила мужа на произвол судьбы, зачем потащила его с со-

бой в Бескудниково. Разумеется, она ни на секунду не усомнилась бы избавиться от полностью дискредитировавшего себя супруга, но что-то подсказывало ей, что Жираф еще пригодится. «А запас карман не тянет», — почему-то вертелось в головке мадам Фирсовой.

Володя нашел на антресоли старый тулуп и разношенные валенки и теперь, как старик, часами сидел и курил на лоджии. Однажды к нему ворвалась сияющая Виктория и победоносно сообщила, что с завтрашнего дня она работает старшей продавщицей в самом престижном московском цветочном салоне «Летучий голландец» на Остоженке.

— Поздравляю, — вяло обронил Жираф.

— Ты себя поздравь! Я устроила тебя... руководителем отдела рекламы и представителем по связям с общественностью! Ты же, как-никак, дипломат. Хоть и бывший.

— Вот как? — удивился Володя. — Цветочному магазину требуются дипломаты на роль рекламных агентов и пресс-секретарей?

— Ну, раньше не требовались, но мы с владельцем салона специально придумали для тебя эти новые должности. Я убедила Матвея, что в наше время, да к тому же в магазине такого уровня, без этих направлений не обойтись.

— Гм, убедила... Представляю, как это происходило в действительности...

— Пошляк! Между прочим, Трындин — мой старый близкий друг, мы были с ним знакомы еще до нашей с тобой свадьбы. Так что ревновать тебе, по меньшей мере, глупо. Да ну тебя, все настроение испортил, зануда. Хоть бы спросил, сколько мы будем на двоих зарабатывать, маменькин сынок! Женщина за него должна решать материальные проблемы, слизняк малохольный...

— Ты не поверишь, но мне очень нравилась моя работа в Африке, — зачем-то сказал Володя и уставился взглядом куда-то в заснеженное московское пространство.

И вот уже третий месяц он, бок о бок с женой, работал в «Летучем голландце», вернее, числился здесь из милости, только благодаря прелестям жены. Мальчик «на все про все». Причем мальчик бестолковый, не подающий никаких надежд...

Володя решительно поднялся с тахты, на которой лежал, закрыв глаза, уже несколько минут, и снова зашел в спальню. Жена закончила прихорашиваться и теперь раздраженно смотрела на возникшего в дверном проеме супруга.

— Ну что? — презрительно спросила она. — Будешь допытываться, для кого я марафет навожу? Да уж не для тебя, успокойся. Трындин и Балувев пригласили меня в клуб «Монреаль». В прошлый раз нам прислуживал сам хозяин, такой забавный толстячок...

Вика случайно взглянула на мужа и застыла с открытым ртом. Вид у Володи был просто безумный.

— Я вот щас тебя саму успокою! — прошипел он, стиснув зубы и сжав кулаки. — Так успокою, что ты про свой марафет до конца жизни забудешь!

— Ты о чем это? — пролепетала Вика, не на шутку испуганная тем незримым потоком ненависти, который исходил от мужа.

— Дрянь! Подстилка! Ты хоть знаешь, чем занимаются эти твои любовнички, твои рыцари, «ланселоты» недоделанные? А? Они, к твоему сведению, мафиози! Да! И тот, и другой! Я все знаю, слышал их разговор... Нас в институте много чему учили, в том числе — грамотно подслушивать.

— Прекрати психовать! — истерично выкрикнула Виктория. — Какой еще разговор, придурок?

— Я придурок? Я? Да это ты идиотка! К твоему сведению, Трындина и Балувева ищет полиция, дорогуша! А заодно и тебя повяжут, будь уверена. Два раза подряд не отвертишься.

— Да в чем дело-то? — гневно перебила Володю супруга.

Фирсов понизил голос, но от этого он зазвучал еще более зловеще:

— Балувев похитил на месторождении в Якутии огромную партию сырых алмазов. И теперь они прячут камни в магазине. Налаживают сбыт, а вырученные деньги переводят за рубеж. Ты слышала по телевизору о «раже века» в Мирном? Так вот, камни у нас под носом!

Виктория приблизилась к Фирсову вплотную.

— Ты видел алмазы? — выдохнула она; ее карие глаза потемнели от возбуждения.

— Видел, — соврал бывший дипломат. — Целая гора алмазов на столе у Трындина, они отбирали самые крупные. Со сливу величиной...

— Володя! — Жена впервые за долгое время назвала его по имени, и Фирсов вздрогнул. — Володя! Мы должны завладеть этими алмазами! Ты обязан что-нибудь придумать! Я помогу тебе, вместе мы сумеем вернуть это дело!

— Вместе? — Фирсов начал трясти Викторию за плечи, ее тяжелые каштановые волосы разметались по оголенным плечам. — Ты говоришь — вместе?

— Да, да, да, — в такт рывкам повторяла Вика, — а потом мы уедем в Париж, я так и не видела Парижа...

Глава шестнадцатая

— Да, мартини. Самый сухой, пожалуйста.

Официант Сева Егоршин склонился в полупоклоне перед пенсионером Масловым и упорхнул выполнять привычный заказ таинственного старика.

Сколько помнил Сева, этот невзрачный, жилистый пенсионер неизменно появлялся в клубном ресторане каждый вечер, занимал «свой» столик в углу, из которого хорошо просматривался весь зал, и неторопливо принимался ужинать. Старичок ни с кем не общался, никто из завсегдатаев толком ничего о нем не знал. Как, впрочем, и клубная обслуга.

Юрий Георгиевич никогда не платил за ужин и не давал чаевых: распорядитель «Монреалья» Вениамин Егоршин строго-настрого запретил персоналу брать с пенсионера хоть копейку.

В последнее время зловеющий старик, помимо ужина, стал приходить в ресторан также на поздний завтрак и обед. Стало быть, сделал вывод официант Сева, он обитает где-то в клубных апартаментах, коих в «Монреале» было два десятка, причем на любой вкус.

Юрий Георгиевич Маслов, он же — академик Анатолий Семенович Ардашкин, куда охотнее вернулся бы после полугодичного пребывания на Кипре в обжитую трехкомнатную квартиру на Бульварном кольце. Однако обстоятельства, а точнее — неумная дотошность муровского подполковника Бурцева, вынудили Анатолия Семеновича на старости лет переселиться в «казенный дом» — так он именовал свое детище, игорный клуб «Монреаль».

С того дня, как Ардашкин ликвидировал в своем подъезде Бурцевского топтуна, минуло уже больше трех недель, и, похоже, квартира 73 была снята с наблюдения: больше никаких подозрительных личностей вблизи жилища академика не нарисовывалось. Значит, Бурцев все правильно понял. Умница! И все-таки с возвращением под кров сталинской высотки надо повременить, черт его знает, этого Бурава — так, помнится, назвал своего шефа юный опер Каморин.

Был ли подполковник Бурцев действительно опасен, или все-таки в поведении Анатолия Семеновича сказывалась чрезмерная старческая осторожность? Кто знает... Во всяком случае, Ардашкин не сомневался: Бурцев его вычислил, рассекретил. Муровский опер знает, что пенсионер Маслов — это не кто иной, как академик Ардашкин. Стало быть, даже полностью измененная внешность Анатолия Семеновича не способна ввести в заблуждение подполковника Бурцева.

Вот только будет ли Бурав, обладая такой информацией, преследовать Ардашкина, пытаться усадить его на скамейку подсудимых?

Анатолий Семенович отхлебнул мартини, задумался. Ах, как нелепо он подставился, как примитивно... Полгода назад Ардашкин, который никогда не останавливался на достигнутом, вспомнил о своем давнишнем открытии — психогенерирующих рисунках, способных менять не только настроение, но и мировоззрение зрителя. Рисунки эти, представляющие собой нагромождение четко выверенных линий, возбуждали в человеке любовь или ненависть, апатию или жажду деятельности, могли толкнуть на самоубийство или убийство.

Однако академик понимал, что работа над рисунками не доведена до конца, зритель под их влиянием лишь испытывает побуждение к тому или иному действию. Но потом, оторвавшись взглядом от хитросплетения линий, человек снова становится самим собой и восклицает: «Что за чушь лезет мне в голову!» Закупорить, зафиксировать в человеке побуждения и чувства, зомбировать его на какой-то вполне определенной идее фикс — вот в чем заключается последний этап работы над рисунками.

Еще в 1981 году академик Ардашкин, обуреваемый тщеславием, отдал четыре своих лучших творения «на рецензию» известным советским художникам-графикам — Татьяне и Алексею Камориным. И надо же такому случиться: вскоре супруги погибли при пожаре на прогулочном теплоходе. Анатолий Семенович тогда постеснялся обратиться к их родственникам за своими рисунками, а вскоре он возглавил секретный НИИ Министерства обороны, и ему стало не до того...

Институт был секретным вдвойне: мало того, что здесь велись тщательно законспирированные разработки пресловутого психотронного оружия — академик Ардашкин умудрился заниматься в стенах института еще и собственными сверхсекретными исследованиями.

Результатом семилетней работы стало создание компьютерной программы, которую Анатолий Семенович назвал «Мозаика». Программа давала своему обладателю ключ к решению практически любой поставленной задачи. Ардашкин формулировал цель, закладывал в систему базовые данные и спустя считанные секунды получал четкое, простое решение.

Базовыми данными были физические, эмоциональные и интеллектуальные характеристики лиц, которых непосредственно касалась поставленная задача. А поскольку интересы академика Ардашкина вращались исключительно в высших сферах российского общества, то им и был создан претенциозный клуб «Монреаль». Заведение стало местом отдохновения сильных мира сего.

Психофизические характеристики посетителей клуба считывались современной сканирующей аппаратурой, вмонтированной в различных точках ресторана, казино и борделя, и затем направлялись на центральный компьютер, расположенный в помещении на глубине третьего этажа под землей.

Одна беда: «Мозаика» могла решать лишь локальные, узкие задачи, а Анатолием Семеновичем еще в бытность его директором секретного НИИ Минобороны овладело стремление воздействовать на большие массы людей. И с этой задачей можно справиться при помощи неказистых, бессмысленных, на первый взгляд, психогенерирующих рисунков. Ведь изображение можно поместить на электронном табло посреди многолюдного города, или, наконец, продемонстрировать по Центральному телевидению. И проводи после этого какой угодно референдум: население, зомбированное рисунками в нужном ключе, даст требуемые ответы на поставленные в опросном листе вопросы.

Но, как известно, глобальные планы часто подвержены разрушительному воздействию ничтожных, чисто житейских обстоятельств. Академик принялся разыскивать наследников Татьяны и Алексея Камориных, у которых могли сохраниться его лучшие, практически доведенные до ума психогенерирующие рисунки. И отыскал Алексея-младшего, молодого парня, единственного отпрыска погибших давным-давно художников.

Нет бы Ардашкину поинтересоваться, кем работает юный Каморин! Так он вместо этого, охваченный стремлением вновь обрести свои рисунки, без всякой подготовки ломанулся к парню домой, ошеломил его чудовищными деньгами — тысяча долларов за четыре куска ватмана...

Алексей, конечно же, продал Анатолию Семеновичу ненужные ему самому работы, но тут выяснилось, что служит Каморин-младший не где-нибудь, а в МУРе, причем под началом подполковника Максима Бурцева. Того самого Бурцева, который еще в 1991 году терзал Анатолия Семеновича нескончаемыми допросами, распутывал темные дела, творившиеся вокруг секретного НИИ и, в конце концов, вынудил академика Ардашкина инсценировать собственное самоубийство.

Незадача заключалась еще и в том, что тогда, в 1991-м, академик испытал во время допроса силу воздействия своего рисунка на подполковнике Бурцеве. Эксперимент в какой-то мере удался: наступательный порыв муровца заметно ослаб, у него явно появилась апатия. Но Бурцев, безусловно, запомнил и рисунок, и характерную подпись Ардашкина в правом нижнем углу. А его юный друг и напарник, Алексей Каморин, конечно же, не преминул похвастать перед матерым сыщиком своей удачной продажей каких-то модернистских каракулей.

Вот и получается, что пенсионер Юрий Георгиевич Маслов разоблачен: Бурцеву оставалось только сложить два и два, чтобы понять — никакого самоубийства академика Ардашкина не было, он жив-здоров и продолжает свою научно-криминальную деятельность.

Что ж, знать — это одно, а доказать и привлечь к ответственности — совсем другое. Остается лишь надеяться, что Бурцев не станет заниматься самодеятельностью и не прибегнет к простой ликвидации законспирированного академика. Однако, зная характер Бурава, Анатолий Семенович не был до конца уверен в невозможности такого варианта развития событий. Может и шлепнуть без суда и следствия, вполне может...

Как бы то ни было, жизнь продолжается. Интересная, увлекательная жизнь. Успешно завершив многоходовую комбинацию по присвоению криминальных капиталов бывшего футбольного тренера Антона Званцева, академик Ардашкин замечательно отдохнул на Кипре и теперь чувствовал себя на редкость здоровым и помолодевшим...

Глава семнадцатая

Первым делом надо наводить порядок в клубе: хуже нет, когда тылы не в порядке. Еще до отъезда Анатолия Семеновича на Кипр у него стал вызывать смутное беспокойство распорядитель клуба «Монреаль» Вениамин Егоршин. Анатолий Семенович, надо признать, давненько уже не приглядывался к своему доверенному лицу, привык во многом на него полагаться и как-то незаметно для самого себя упустил Вениамина.

А толстяк-распорядитель на шестом десятке лет вдруг, ни с того ни с сего, принялся стремительно эволюционировать. Причем далеко не в том направлении, которое могло бы устроить академика Ардашкина. Егоршин неожиданно для всех стал крепко поддавать — такого раньше за ним не водилось. Значит, сдают нервишки у верного распорядителя, вот почему ему требуется постоянный допинг. Мало того, Вениамин Андреевич незаметно пристрастился к игре, чего быть в принципе не должно. Разумеется, Егоршин играл не на глазах у почтенной публики, он уединялся со своими постоянными партнерами в закрытом кабинете при клубном казино. Однако сути дела это не меняло.

Анатолий Семенович навел справки и выяснил, что Егоршин — на редкость невезучий и неумелый преферансист, он постоянно проигрывает крупные суммы и, тем не менее, не желает остановиться. Конечно, Егоршин проигрывал свои собственные деньги, попробовал бы он запустить

лапу в казну «Монреалья»! Но рано или поздно фатальные неудачи Вениамина Андреевича должны сказаться на делах клуба — по-другому просто быть не может.

Первый по-настоящему тревожный звоночек прозвучал в сознании академика Ардашкина, когда он, вернувшись с Кипра, не увидел на левом запястье Вениамина Егоршина фирменного клубного браслета из платины с шестью крупными рубинами, расположенными пентаграммой. Это был знак высшего отличия, своего рода магистерский символ. Все ясно: решил продать, чтобы расплатиться с карточными долгами.

Если Егоршин пошел на такой шаг, значит, игра стала для него жизненной доминантой, — сделал вывод Анатолий Семенович. Какие еще требуются основания для того, чтобы всерьез задуматься о смене клубного распорядителя?

В остальном все было не так печально. С «крышей» у Анатолия Семеновича пока что особых проблем не возникало, а если они и появлялись, то академик улаживал их молниеносно.

«Крышевала» клуб «Монреаль» негосударственная спецслужба, созданная в недрах ФСБ несколькими бывшими высокопоставленными сотрудниками и стоявшая на страже интересов определенных финансово-промышленных и связанных с ними политических кругов. Понятно, что свое силовое присутствие на финансово-политическом пространстве организация не афишировала, а потому и поддержки правительства не имела. Поэтому тайная структура периодически нуждалась в услугах Анатолия Семеновича.

Отношения между руководством «крыши» и подлинным хозяином клуба «Монреаль» были взаимно уважительными. Авторитет бывшего академика окончательно утвердился после того, как один из особо рьяных лидеров организации, полковник Зуев, попытался «наехать» на Ардашкина, поставить его в унижительное положение подчиненного, «шестерки».

Неприятный для Анатолия Семеновича разговор происходил в клубе «Монреаль» поздно ночью, а утром дорожные строители нашли труп отставного гэбиста: его «БМВ» в лепешку разбилась о сложенные посреди ремонтируемой трассы бетонные плиты.

Что заставило полковника ехать на большой скорости через аварийный участок дороги, осталось неизвестным. Но те, кому следует, все правильно поняли. И с тех пор к Анатолию Семеновичу относились как к полноправному партнеру.

Анатолий Семенович выполнял заказы на устранение той или иной персоны, политической партии или финансовой структуры не только из сооб-

ражений личной безопасности, присутствовали также мотивы чисто меркантильного свойства: заказы такого рода щедро оплачивались. К тому же Анатолий Семенович радовался возможности лишней раз проверить действенность своей системы «Мозаика».

Так, может, стоит «заказать» подполковника Бурцева своим друзьям-партнерам? Или самому ликвидировать оперативника, и тогда его смерть будет выглядеть вполне естественно и безобидно, как, например, гибель наглого гэбиста Зуева? Вопрос, как говорится, интересный, так сразу не ответишь.

Бурцев, конечно, отравляет существование, это благодаря ему Анатолий Семенович вынужден жить в клубных апартаментах, а не в своей милой сердцу сталинской башне на Бульварном кольце.

Но, как ни странно это осознавать, трогать ушлого опера нельзя. Во всяком случае, убирать его сейчас преждевременно. Бурцев хорош тем, что он предсказуем, а именно: всякий раз, затеяв очередное дело, сопряженное с человеческими смертями, Ардашкин мог быть почти на сто процентов уверен, что его противник, лучший муровский сыщик, установит личности исполнителей и, с формальной точки зрения, раскроет дело. То есть съест того, кого ему приготовит на закланье академик Ардашкин.

Нет лучше способа скрыть правду, чем заменить ее полуправдой, которая удовлетворяет всех — и следствие, и суд, и общественность. Зачем доискиваться подлинных организаторов и режиссеров преступления, если у тебя в руках уже есть конкретные виновники? Злодеяние раскрыто, дело передано по инстанции, пора приниматься за следующее...

А вот нераскрытые преступления, накапливаясь, могут привлечь к себе слишком пристальное внимание общественности, и тогда жди беды. Обязательно найдется какой-нибудь умник, который начнет взвешивать, сопоставлять, вычислять...

Сейчас Анатолий Семенович готовил для подполковника Бурцева очередную головоломку, успешное решение которой будет восторженно воспринято всеми, кроме тех, кто обречен академиком на смерть или тюрьму. Бурцев получит поощрение по службе, государство вернет себе похищенные ценности, тюрьмы примут в свои объятия новых, причем высокопоставленных, обитателей.

А кое-кому придется и расстаться с жизнью — ничего не поделаешь, так определил даже не академик Ардашкин, а его компьютерная программа «Мозаика». Она ведь лишена каких-либо эмоций, в том числе — сострадания. Выдает решение, и остальное уже ни от кого не зависит...

Вчера напротив Анатолия Семеновича сидел любопытный парень, бывший дипломат-африканист Володя, а ныне — неприметный сотрудник цве-

точного салона «Летучий голландец». Неприметный-то неприметный, а в за-теянной академиком операции — просто незаменимый человечек. Этаким Мальчиш-Плохиш, который внезапно опрокидывает доску с фигурами, против чего оказываются бессильными даже самые умные игроки.

Эту задачу Анатолий Семенович и заложил в свою компьютерную программу «Мозаика». Программа съела информацию вкупе с полученными психофизическими характеристиками объекта и вынесла свое безошибочное решение.

Сегодня Ардашкин уже сделал все необходимое, столкнул, как говорится, камень с горы, и теперь он покатится по четко рассчитанной траектории, неумолимо сокрушая судьбы, пространство и время...

Глава восемнадцатая

Проходя мимо кабинета начальника отдела, полковника Кротова по прозвищу «Хват», Бурцев и Каморин услышали его трубный голос:

— Так точно, товарищ генерал, понимаю... Будет сделано, товарищ генерал... Бурав с Комаром туда прямо сейчас отправятся и разберутся.

Никто и никогда не смел называть подполковника Бурцева его прозвищем — имеется в виду, в присутствии самого Максима Юрьевича. Но за глаза даже Хват и начальник МУРа генерал Беликов именовали лучшего опера Буравом.

Поэтому Бурцев лишь беззлобно покачал головой и тут же схватил Алексея за локоть:

— Быстро рвем когти! А то без обеда останемся.

Но было слишком поздно: необъятная туша Хвата уже маячила за спинами оперативников.

— Господа сыщики, зайдите ко мне!

Комар и Бурав проследовали за Кротовым в его кабинет.

— В общем, так, — начал полковник, отчего-то смущаясь. — Прошу отнестись со всей серьезностью... Короче. Только что в квартире одного крупного антиквара произошла кража. Наш генерал позвонил мне и попросил, чтобы именно вы двое туда поехали.

— Антиквар убит? — с наивным видом спросил Бурцев.

— Нет, — раздраженно ответил Хват. — Я понимаю вашу иронию, господин Бурцев. Наш «убойный» отдел кражами не занимается, но... Тут особый случай. Не для отчетности. Как бы сказать... Похищенное надо вернуть в течение двух суток. Это личная просьба генерала. — Последние

слова Кротов произнес с особым нажимом. — Беликов сказал, что кроме вас, подполковник, это вряд ли кому под силу.

— Тут он, безусловно, прав, — важно кивнул Бурцев. — Но позвольте спросить, с чего это вдруг начальник МУРа так хлопочет? Что, генеральша любит антикварные цацки?

Кротов укоризненно покачал головой.

— Подполковник Бурцев... — укоризненно покачал головой Кротов. — Держите все-таки себя в руках. Вот телефон и адрес, отправляйтесь прямо сейчас. Считайте, что это не только просьба генерала, но и моя. В общем, выручайте, ребяташки.

Когда Бурав увидел фамилию обворованного антиквара, его глаза вспыхнули нехорошим блеском:

— Слушаюсь, Геннадий Иванович! Выезжаем без промедления!

Хват лишь покачал головой, удивляясь столь разительной перемене в настроении лучшего сыщика МУРа. Но — Бурцев есть Бурцев...

По пути к машине Бурав заскочил в дежурку и выяснил, что никакого сообщения о краже в квартире антиквара Безлепкина на пульт не поступало.

— Сечешь? — подмигнул он Каморину. — Ограбленный старьевщик полицию вызывать не стал, а позвонил прямо генералу. Знал бы гражданин Безлепкин, с кем ему сейчас предстоит встретиться!

Глава девятнадцатая

Андрей Степанович Безлепкин вырос в Риге, тогда еще — советской. Отец работал на вагоностроительном заводе слесарем, мать — там же, поварихой. Единственного сына воспитывали в суровых традициях трудового народа. Но тщедушный мальчик почему-то вовсе не мечтал о том, чтобы со временем сменить отца у станка, продолжив тем самым рабочую династию Безлепкиных.

Когда Андрюша прочитал «Остров сокровищ» Стивенсона, им всецело овладела тяга к старинным монетам, брошкам и шкатулочкам... «Как девка прямо, смотреть срамотно», — цедил отец, глядя на мальчика, любовно перебиравшего свои сокровища.

После прочтения «Золотого жука» Эдгара По тяга превратилась в неутолимую страсть, ставшую делом всей жизни. Андрей тащил в дом всякую рухлядь, выменивал у мальчишек керосиновые лампы, проеденные жучками иконы и рамки от литографий. На копейки, сэкономленные от

школьных обедов, юный Безлепкин покупал в уцененном магазине колечки и простенькие браслеты, а дома колдовал над бижутерией: переставлял камушки с одной безделушки на другую, создавая что-нибудь новенькое, по своему вкусу. И мечтал о настоящих бриллиантах...

Отец напивался два раза в месяц, по четкому графику: в день аванса и в день получки. Придя домой, батяня пинками загонял Андрюшу под низенький, старинный диван, садился рядом на табуретку и начинал толковать мальчику о социалистических идеалах, честном труде на благо общества, моральном облике строителя коммунизма. «Я из тебя сделаю советского человека, е... твою мать», — обещал папаша, выставляя вперед ноги и не давая мальчику выбраться из-под дивана.

Это униженное состояние — давящее сверху пыльное днище, вонючие ноги, топчущие ладони мальчика, когда он пытался высунуться, — навсегда остались в сознании Безлепкина олицетворением социалистического строя. Стиснув зубы, глотая подкатывающий к горлу комок ужаса, Андрюша изо всех сил подавлял в себе истерику, рвущуюся наружу. Потом отец засыпал на своей табуретке, и мальчик осторожно выползал из-под дивана. С тех пор у него развилась стойкая боязнь тесного, замкнутого пространства. Позже Безлепкин узнал, что это психическое заболевание называется клаустрофобией.

В 14 лет, после восьмого класса, мальчик объявил родителям, что бросает школу и поступает в ПТУ, где готовили обработчиков алмазов: обдирщиков и огранщиков. Отец взялся за ремень...

Но выбить дурь из отпрыска не удалось: он просто убежал из дома. Отец пошел скандалить в училище и там с удивлением узнал, что специальности эти — самые что ни есть рабочие, к тому же — очень даже тяжелые. Алмазы обрабатываются в респираторах, чтобы невидимая пыль не загубила легкие, к вечеру страшно устает спина, ломит кости, перед глазами стоит марево... И старый рабочий не просто смирился с жизненным выбором своего сына, но и заужавал паренька. Особенно когда Андрюша принес домой первые заработанные честным трудом деньги.

Отец и мать один за другим отошли в мир иной. Отошли с легким сердцем: они были спокойны за сына. Ведь советским людям нужны не только вагоны, но и повседневные радости. Значит, скоро и Андрюша будет радовать советских граждан красотой своего искусства, вдохновлять тружеников на новые производственные подвиги.

Безлепкин меньше всего заботился об удовлетворении эстетических запросов пролетариата. Уже при советской власти, которая казалась

абсолютно незыблемой по крайней мере на предстоящие сто лет, Андрей твердо знал: он будет миллионером. Огромное личное состояние представлялось молодому ювелиру-антиквару столь же естественным атрибутом профессии, как слава и народное поклонение для артиста.

Работая подмастерьем в ювелирной мастерской на улице апостола Матиса, Безлепкин продолжал с толком формировать свою коллекцию антиквариата, веря, что когда-нибудь откроет свой собственный магазин художественных раритетов. На покупку картин, икон и старинной утвари у него уходили практически все заработки — как официальные, так и левые.

Он не стал открывать своего дела в мятежной Риге конца 80-х, решил «делать ноги» из родного города, в котором русский человек уже не мог чувствовать себя своим. И ноги, естественно, привели Андрея Степановича в Первопрестольную.

Оказавшись в Москве начала девяностых, антиквар с сокрушенным сердцем понял, что для приобретения сказочного состояния совсем обязательно кропотливо собирать уникальные коллекции, работать по золоту и бриллиантам. Сотни тысяч, миллионы долларов делались необразованными сопляками из воздуха, поскольку цены даже в соседних магазинах порой отличались на тысячу процентов, а сумасшедшая инфляция позволяла брать любые кредиты практически без отдачи.

Скороспелые дельцы не знали, куда девать стремительно девальвирующиеся рубли, и скупали все подряд, не торгуясь. Короче, бардак и халява царили повсюду, наряду с толпами голодных стариков и ордами безработных интеллигентов.

Купив свою первую квартиру в центре Москвы за шесть тысяч долларов, Безлепкин приобрел за семьсот баксов подержанную «Альфа-Ромео» и начал стремительно умножать свое состояние, доставшееся ему огромными трудами и риском.

Сначала он возил ящиками азербайджанский коньяк из государственного магазина в частный, получая 300-процентную прибыль, затем перешел к более престижному промыслу: валютным спекуляциям, и обмен рублей на доллары приносил Андрею Степановичу до трех тысяч баксов ежедневно.

На свой страх и риск он возил валюту и рубли картонными коробками из одного обменника в другой, ухитряясь делать за день по шесть-семь ходок.

Но вскоре ввели однопроцентный налог на операции с валютой и, соответственно, данный способ обогащения потерял смысл. Андрей Степанович за восемь тысяч долларов арендовал на сорок девять лет помещение

бывшей булочной на Таганке и открыл здесь свой антикварный магазин, быстро ставший одним из самых престижных в Москве. А потом, за аналогичную сумму и на такой же срок, взял в аренду старинный кирпичный дом на Сретенке, превратив его в ювелирную мастерскую.

«Крышевал» бизнес Андрея Степановича довольно известный в криминальных кругах мафиози по кличке «Бургас». После его гибели во время неудачного покушения на подполковника Бурцева, заказанного Безлепкиным, магазин и мастерская Андрея Степановича какое-то время были предметом кровавых разборок между бандитскими группировками. А не так давно, сразу после заключения договора о партнерстве между антикваром и Денисом Балугевым, вопрос о «крыше» отпал сам собой: все проблемы взаимоотношений Безлепкина с криминальным миром взяли на себя его новые друзья.

Глава двадцатая

Ну, да все это в прошлом, а, стало быть, существенным не является. Нечего и переживать. Иное дело — те шестнадцать камней, которые передал Безлепкину в замшевом мешочке Денис Валерьевич Балугев — в качестве пробной партии для предстоящей ювелирной работы. Андрей Степанович, как знаток высочайшего класса, должен был определить, какие бриллианты лучше всего подойдут для уникальных подвесок, какие будут сиять на пальцах в виде перстней, а какие составят фантастический ансамбль диадемы.

Безлепкин сидел в крошечном кабинете своей ювелирной мастерской на Сретенке, рассматривал бриллианты через десятикратную лупу... Впрочем, даже микроскоп не смог бы выявить в этих прекрасных камнях — а вес каждого составлял от четырех до десяти карат — никаких природных включений. Все бриллианты были удивительной чистоты, самые бесцветные, как говорят специалисты.

В магазинчик при ювелирной мастерской Безлепкина на Сретенке наперебой зачастили жены и любовницы бизнесменов, политиков, видных деятелей культуры. Уже была продана первая пробная партия украшений, за ней вторая, третья... Андрею Степановичу пришлось растряситься на срочную отделку магазинчика и мастерской самыми престижными материалами, по ночам здесь, под бдительным оком двух автоматчиков, трудились дизайнеры коммерческих помещений, иностранные рабочие, монтажники причудливого освещения...

Балуев сиял, как фальшивый червонец, он не скрывал своего удовлетворения ходом дела. И оговоренную долю в дивидендах Безлепкин получал регулярно и сполна. А вот был ли вполне доволен владелец «Летучего голландца» Матвей Трындин, Андрей Степанович знать не мог: с этой таинственной личностью, которая, насколько понимал Безлепкин, была ключевой в их совместном предприятии, антиквар виделся всего один раз, да и то мельком, когда Балуев для соблюдения хорошего тона представил бизнесменов друг другу.

Трындин показался Безлепкину желчным, замкнутым человеком, впрочем, все это было не так важно...

Постепенно в душе Андрея Степановича вызревала тревога, и как-то он поделился ею с Балуевым.

— Оборот слишком высок, Денис Валерьевич, — пробрюзжал Безлепкин во время передачи очередной партии бриллиантов, которую доставили после обработки из Амстердама. — Так больше продолжаться не может, у органов возникнут подозрения...

Балуев лишь кивнул в ответ.

Закончился этот обмен мнениями тем, что у Безлепкина стали изымать часть изготовленных в его мастерской ювелирных украшений и продавать их в других точках. Соответственно, ощутимо снизились и размеры дивидендов Андрея Степановича.

И все-таки это было лучше, чем просыпаться в холодном поту среди ночи. Хватит уже, набоялся досыта при советской-то власти...

Глава двадцать первая

Бронированная дверь плавно отворилась, и Андрей Степанович, облаченный в цветастый махровый халат, церемонно пригласил оперативников в квартиру.

— На место, Агат! — тихо скомандовал он огромному черному догу.

— Ну, здравствуйте, незабвенный вы мой господин Безлепкин, — радушно приветствовал его подполковник, жестом снимая воображаемую шляпу. — Не ждали? Худой знак, барин!

— Здравствуйте... — механически ответил антиквар. — Чем обязан?

— Обязаны вы, Андрей Степанович, будете не мне, а генералу Беликову, — почесал кончик носа Бурав. — Видите ли, наш генерал отрядил меня и моего напарника разобраться в вашем деле, как лучших муровских оперативников. В виде особого к вам расположения, как я понимаю. Мы ведь

из убойного отдела, кражами напрямую не занимаемся, но чего не сделаешь для начальства! Впрочем, к делу. Не сомневайтесь, я проведу его эффективно и беспристрастно, невзирая на наше с вами не слишком-то приятное общение в прошлом.

— Трагедия в том, господа, что украденная вещица мне не принадлежала, — усилием воли овладев собой, заговорил Андрей Степанович. — Я лишь на днях получил ее для оценки. А послезавтра должен вернуть владельцу.

Антиквар провел оперативников в спальню, где возле массивной дубовой кровати в стену был вмонтирован сейф.

— Отсюда пропал уникальный платиновый браслет с шестью редкими рубинами.

— Сколько, по-вашему, он стоил?

— Ну... — замялся Безлепкин. — Как ювелирное изделие — не слишком дорого, в пределах 30–40 тысяч долларов. Не больше. Но я подозреваю, что где-то существуют люди, готовые заплатить за этот браслет значительно дороже. Как бы вам сказать... Видите ли, дизайн браслета носит явно ритуальный характер. Рубины расположены в виде пятиугольника, или, точнее, пентаграммы. И огранка особая, тоже в форме пентаграммы.

— Ну и что? — с подозрением посмотрел на него Бурав, а сам подумал: «Похоже, я скоро свихнусь. Всюду Ардашкин мерещится. Но, как ни крути, а над могилой жены академика была именно такая кроваво-красная пентаграмма, как и на пропавшем браслете».

— Я предполагаю, основываясь на своем многолетнем опыте, что браслет был своего рода знаком отличия в некой тайной организации... Правда, мой клиент вовсе не потомок знатного рода. Он распорядитель и, кажется, даже владелец одного из самых престижных ночных клубов Москвы. О подлинной стоимости браслета не знает. Хочет его оценить, возможно, с целью дальнейшей продажи. И еще: ставлю вас в известность, что я сам намеревался его купить, чтобы подарить подруге. Марина была у меня в гостях, и я ей показал браслет. Она пришла в такой восторг, что я пообещал подарить ей его. Завтра у нее день рождения.

— А у этой Марины, случайно, нет ключа от вашей кватитры? — спросил Бурцев.

— Есть, — кивнул антиквар. — Недавно я отсутствовал пару дней, была срочная работа... И я попросил Марину пожить здесь. Видите ли, с Агатом надо гулять... Они с ним подружились. А потом как-то неудобно было требовать у нее ключи назад. Я же не собираюсь с ней расставаться, мы почти муж и жена.

— Скажите, а когда вы обнаружили пропажу?

— Последний раз я держал браслет в руках сегодня в полдень, когда запираю его в сейф. И сразу же отправился к зубному врачу, это в двух минутах езды. К половине первого вернулся, сразу открыл сейф, чтобы взять деньги на цветы, и обнаружил пропажу.

— Откройте сейф! — потребовал Бурцев.

Комар придвинулся поближе и теперь с нескрываемым интересом разглядывал содержимое титановых ячеек.

— Тю-ю! — насмешливо протянул Бурав. — Да тут полно всяких цацек! Странно, что похитили только один браслет.

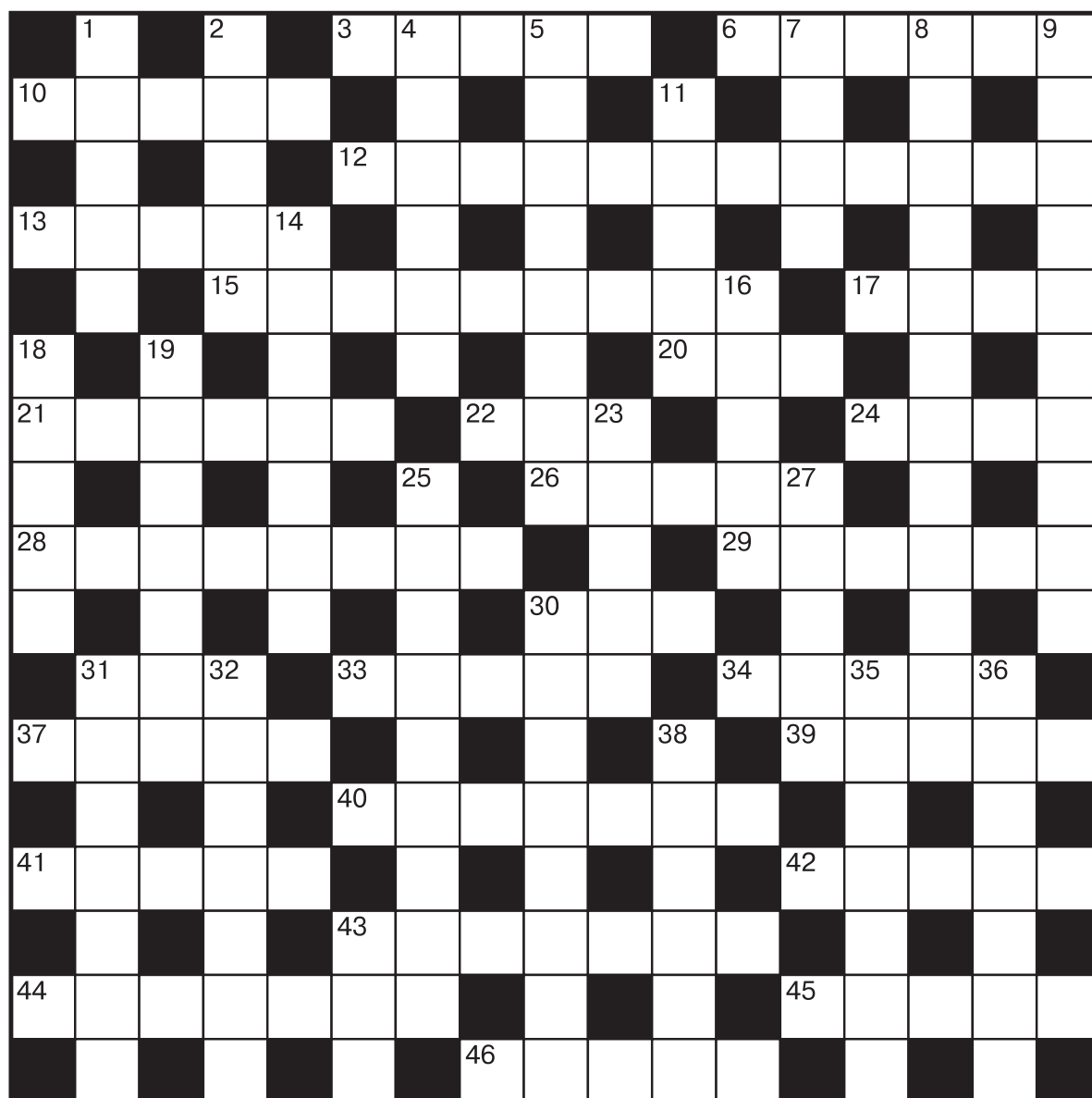
— Вот именно, — отозвался Безлепкин. — Или это были те, кто пришел с целью вернуть себе реликвию, и больше их ничего не интересовало, или меня намеренно подставили, вот что! Взяли вещь, которая мне заведомо не принадлежала. Потом доказывай, что это не я сам похитил чужой браслет...

Бурцев незаметно толкнул Комара в бок и примирительно сказал Безлепкину:

— Ну ладно, время уже два часа, девушка заждалась. Навестим ее все вместе. Вы как, не возражаете? □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** «Я еще не настолько болен, чтобы вести здоровый ... жизни». **6.** Коронный жанр певицы Аллы Баяновой. **10.** Последняя, кого пригласили вытягивать сказочную репку. **12.** Автомобиль благотворно повлиял на состояние нравов: ... почти прекратилось. **13.** Верхняя палата американского конгресса. **15.** Столица Барбадоса. **17.** «Шпаргалка» для того, кто пришел на «сви-

дание по объявлению». **20.** Подлинное имя Софьи Палеолог. **21.** Город принцессы Жасмин из диснеевских мультиков. **22.** Чем мы дышим? **24.** Конвертируемая валюта, чье название приняли в декабре 1995 года на заседании в Мадриде. **26.** Большой из двух марсианских спутников. **28.** «Пушечная симфония». **29.** «Малый ... большую машину остановит». **30.** «Наследство их из рода в роды

ярмо с гремушками да ...» **31.** «Пор-
тить товарный ...». **33.** На каком
острове отошел в лучший мир Аристо-
тель? **34.** «Обогреватель» в го-
стиной Шерлока Холмса. **37.** Уку-
сивший Клеопатру. **39.** «Единствен-
ное число» от слова «кудри». **40.** Ка-
кая птица, попадая в неволю, очень
часто погибает от ожирения, посколь-
ку абсолютно не знает меры в еде?
41. Что петляет между деревь-
ев в лесу? **42.** Занятие следопыта.
43. Самый длинный мост через ок-
ружность. **44.** Кто все зрение под-
растерял, сидя над книгами? **45.** Де-
рево с картины «Рожь» Ивана Шиш-
кина. **46.** Кто из мировых эстрадных
идолов стал крестным отцом для сы-
на Мадонны и Гая Ричи?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Что берут за
основу при выработке продукта?
2. «Наждак» у косметолога. **4.** Овчар-
ка, подаренная Адольфу Гитлеру лич-
но Мартином Борманом. **5.** Какую за-
пятую подбросило, но не опустило?
7. Какой армией Чингисхан коман-
довал? **8.** «Телефонный попугай».

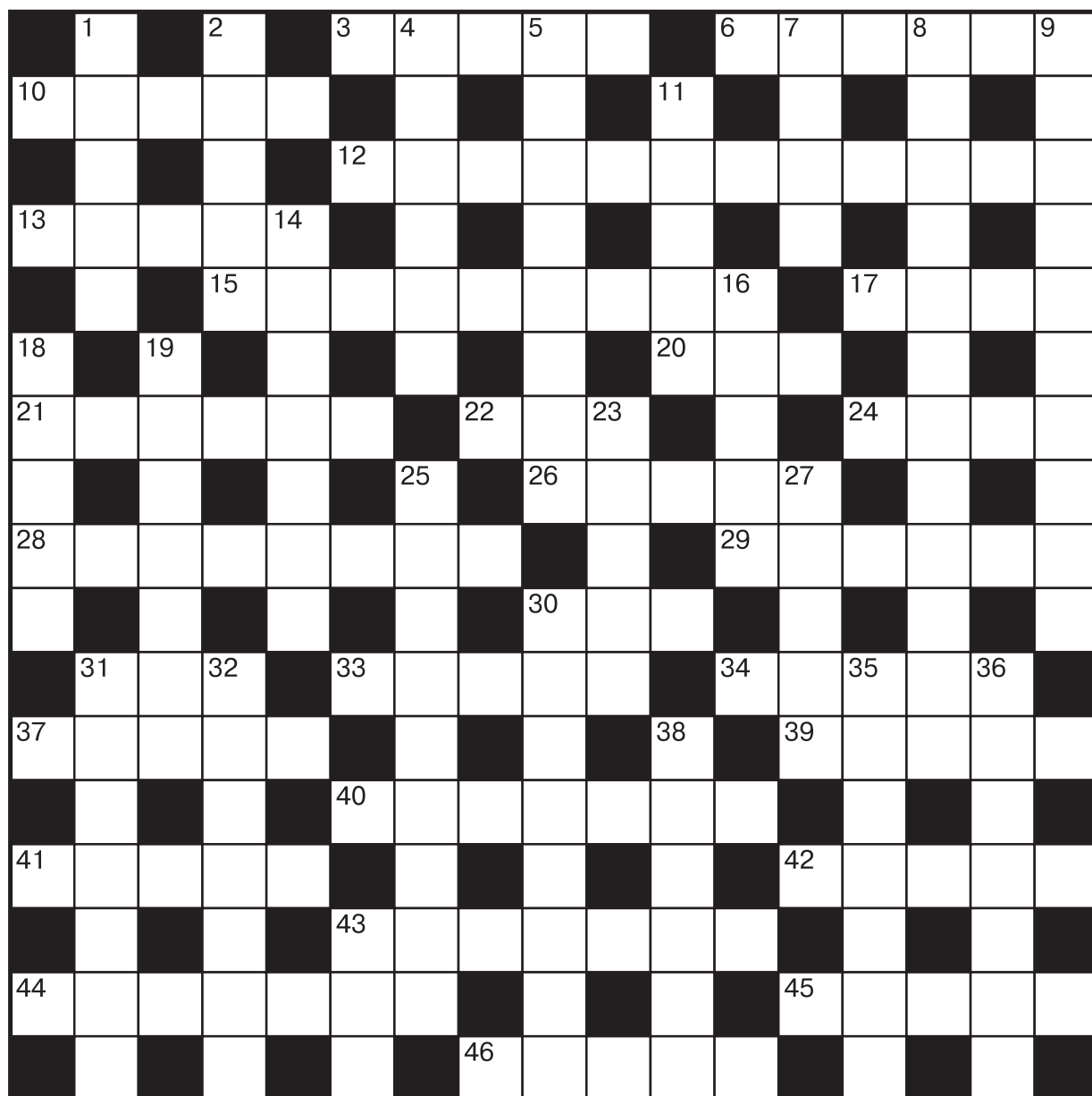
9. «Дома ему не были рады ни жена,
ни примкнувшая к ней ...» **11.** Заме-
чательная еда: и накушался, и на-
пился, и умылся. **14.** За какой лег-
ковушкой в бывшей ГДР «стояли са-
мые длинные очереди» — чуть ли не
по десять лет? **16.** Характер с вы-
вертами. **18.** «Снежная ...» на гор-
ной вершине. **19.** «Чем глупее ...,
тем больше желающих пойти на не-
го». **23.** Второй старейший город
в Европе и одновременно самая
молодая столица Старого света.
25. «Золотой и молодой за неделю
стал седой, а денечка через два об-
лысела голова». **27.** Крутой Стивен,
влюбленный в Россию. **30.** Цитрусо-
вое дерево, чьи цветки служат аро-
матной добавкой к чаю. **31.** «Никог-
да не знаешь, за каким углом тебя
поджидает ... с экзистенциаль-
ным ужасом». **32.** Медный изумруд.
35. Промышленник, на деньги ко-
торого основали Московский Худо-
жественный театр. **36.** От чего ис-
ходит угроза здравому смыслу?
38. Тупица на последней стадии раз-
вития. **43.** Американский певец ...
Рид.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Весы. **3.** Аида. **7.** Страх. **11.** Блиц. **12.** небоскреб. **13.** Псков.
14. «Аякс». **17.** Марат. **20.** Пивная. **21.** Хит. **22.** Камчатка. **24.** Дракон.
28. Бранденбург. **29.** Ювелир. **30.** Облик. **34.** Халтурщик. **37.** Ботинок. **38.** Нерка.
39. Весна. **41.** Вязка. **42.** Уголь. **43.** Отит. **44.** Этика. **45.** Ножны. **46.** Орлов.
47. Диор. **48.** Старт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Винт. **2.** Собрат. **4.** Игра. **5.** «Абба». **6.** Цирк. **8.** Тусовка.
9. Авокадо. **10.** Исаак. **15.** Янтарь. **16.** Спад. **17.** Микроблог. **18.** Танец. **19.** Учеба.
23. Аннигилятор. **25.** Раввин. **26.** Килт. **27.** Ньюра. **31.** Мак. **32.** Аттестат.
33. Хроникер. **34.** Хоркина. **35.** Кенгуру. **36.** Сколиоз. **40.** Форд. **41.** Вино.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Кто прослыл «последним рыцарем Франции»? **6.** Как на Руси называли «диво чудное»? **10.** Арабский курган. **12.** Откуда Алексей Толстой отправился в эмиграцию? **13.** Индийский компонент «шведского пунша». **15.** Первый в истории России чемпион мира по скелетону. **17.** Партийный псевдоним Льва Троцкого. **20.** Мера

объема у виноделов. **21.** Столица самой маленькой в истории, но все-таки колониальной империи. **22.** Продольное ребро кирпича. **24.** Какая светская львица стала четвертой женой Кларка Гейбла? **26.** Компьютерная взрывчатка. **28.** «Черная магия» из буддизма. **29.** Английский график, друживший долгие годы с Уильямом Блейком. **30.** Домашнее прозвище

Владимира Маяковского. **31.** Представление магических танцев на Тибете. **33.** Стержень внутри грифа гитары. **34.** Любимый бульон у чехов. **37.** Какой из африканских народов считает, что когда-то весь скот на планете принадлежал именно ему, а нынешние владельцы попросту украли его у истинных хозяев? **39.** Кубинская хижина. **40.** Из какой нашей тюрьмы однажды «освободился» великий фокусник Гарри Гудини? **41.** Какого масона считают основателем Голливуда? **42.** Выращивание отводков виноградной лозы у крымских виноделов. **43.** Кожаный плащ кочевников Южной Африки. **44.** Китайские боевые гвозди. **45.** Бог «непобежденного солнца». **46.** Синоним неудачи на молодежном сленге.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Хоровод у эвенков. **2.** Защитный состав для бетона. **4.** Где опубликовали первые рассказы Василия Аксенова? **5.** Легенда нашего кино, рядом с могилой которого покоится Владимир Высоцкий. **7.** «Дворец импрессионистов»

на карте Парижа. **8.** Самая старая из существующих в мире пивоварен. **9.** Коллекционирование мягких игрушек. **11.** Какой предмет обстановки Янтарной комнаты Германия передала России в 2000 году? **14.** В честь каких племен называют русских в латышском языке? **16.** Имущество, переданное на благотворительные цели, в исламском праве. **18.** «Пуп земли» из античных времен. **19.** Лента для обмера стопы у сапожника. **23.** Бог страстной любви в свите Афродиты. **25.** Первая обезьяна, увиденная Чарльзом Дарвиным. **27.** Платок с бахромой у удмурток. **30.** С какой усадьбой связана идея создания драмы «Гроза» Александра Островского? **31.** Правозащитник, в доме которого Андрей Сахаров впервые встретился с Еленой Боннэр. **32.** Игрок в пейнтбол, сознательно нарушающий правила. **35.** Общественные бани в Византии. **36.** Нагрудное украшение с флага острова Пасхи. **38.** Яичница с кусочками белого хлеба на Руси. **43.** Великий английский трагик XIX века, который умер, играя Отелло.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Таль. **3.** «Утка». **7.** Счеты. **11.** Гааг. **12.** Бункеринг. **13.** Ачыма. **14.** «Авро». **17.** Какос. **20.** Джахри. **21.** Орк. **22.** Дефонтен. **24.** Абисар. **28.** Скиапарелли. **29.** Збожие. **30.** Левко. **34.** Пулькерия. **37.** Вторник. **38.** Якана. **39.** Сцинк. **41.** Брасс. **42.** Опоек. **43.** Угро. **44.** «Шторх». **45.** Асадо. **46.** Юнона. **47.** Сакс. **48.** Касыр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Тибу. **2.** Ландак. **4.** Трин. **5.** Агга. **6.** Батр. **8.** Чучуаси. **9.** Тамарка. **10.** Метод. **15.** Ватель. **16.** «Одна». **17.** Кроксетти. **18.** Сенат. **19.** Ромео. **23.** Байкеркросс. **25.** Библия. **26.** Сажа. **27.** Ржев. **31.** Бук. **32.** Пьяцетта. **33.** Бернарды. **34.** Пиксида. **35.** Якопоне. **36.** Антенна. **40.** Хумс. **41.** Брак.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 121 рубль 00 копеек	За 1 номер — 145 рублей 20 копеек
За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 871 рубль 20 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
132 рубля 00 копеек	264 рубля 00 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

С 1 октября открыта подписка на 1-е полугодие 2019 года на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс — П2431 — для всех подписчиков Индекс — П3292 — годовая подписка online сервис www.podpiska.pochta.ru
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ, КОНКУРС!

Дорогие читатели!

Мы не одиноки в этом мире, нас на протяжении жизни окружают родные, родственники, друзья, коллеги по работе... Но среди них всегда есть один самый-самый... Тот, кто никогда не предаст, протянет руку в трудную минуту, найдет для тебя нужные и теплые слова, одним словом, искренне поможет и словом, и делом. Ведь, что ни говори, миром все равно правит доброта, и добрых, отзывчивых людей вокруг нас очень много.

Вот мы и решили в 2019 году объявить среди наших подписчиков **новый конкурс «Близкие люди».**

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются объемом 5–10 страниц (до 25 000 знаков) в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru** до 20 октября 2019 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в 1-м номере 2020 года. Лучшие истории мы опубликуем на страницах журнала и на нашем сайте, а трое победителей получат премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

